

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

*Научно-практический журнал
Учрежден Тюменским юридическим институтом
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Издается с декабря 2006 года
Выходит ежеквартально*

№ 2 (12) 2010

Главный редактор
А.И. Числов

Редакционная коллегия:

Аксенов Р.Г., кандидат юридических наук, доцент; **Арямов А.А.**, доктор юридических наук, доцент; **Афанасьев В.С.**, доктор юридических наук, профессор; **Бражников Д.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Бутылин В.Н.**, доктор юридических наук, профессор; **Герасименко Ю.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Григорьев О.Г.**, кандидат юридических наук, доцент; **Емельянов А.С.**, доктор юридических наук, доцент; **Киричек Е.В.**, кандидат юридических наук, доцент; **Комиссарова Е.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Кузакбирдиев С.С.** (заместитель главного редактора), кандидат юридических наук, доцент; **Лавров В.П.**, доктор юридических наук, профессор; **Мазунин Я.М.**, доктор юридических наук, профессор; **Ольков С.Г.**, доктор юридических наук, профессор; **Отческая Т.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Петров А.А.**, кандидат юридических наук, доцент; **Сумачев А.В.**, доктор юридических наук, доцент; **Сергеев А.Б.**, доктор юридических наук, профессор; **Цишковский Е.А.** (ответственный секретарь), кандидат юридических наук, доцент; **Числов А.И.**, доктор юридических наук, профессор; **Шарапов Р.Д.**, доктор юридических наук, доцент; **Шеслер А.В.**, доктор юридических наук, профессор; **Юзиханова Э.Г.**, доктор юридических наук, доцент; **Яджин Н.В.**, кандидат юридических наук, доцент

*Редакторы Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова, Е.Ю. Коробицина
Технический редактор С.Ф. Ярославцев*

Адрес редакции:

625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75.

Тел. (3452) 59-85-16.

Тел./факс (3452) 30-68-69.

Эл. почта journal@naukatui.ru

Сайт <http://www.naukatui.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27144 от 09.02.2007 г.
ISSN 1998-6963

Подписано в печать 16.06.2010. Формат 60x84/8. Усл. п. л. 17,3. Уч.-изд. л. 14,4.
Тираж 1000 экз. Заказ № 192. Цена свободная.

© ФГОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2010

Содержание

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования	
<i>Числов А.И., Карнаухова Е.В.</i> К вопросу о кодификации локальных нормативных правовых актов.....	4
<i>Черепанова О.С.</i> К вопросу о соотношении интересов личности и государства.....	17
Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства	
<i>Барбин В.В.</i> Поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам в международном праве и национальном праве России.....	25
<i>Мишунина А.А., Чупина Н.А.</i> О некоторых направлениях совершенствования миграционной политики в России.....	31
<i>Сирохин А.И., Шиханов В.Н.</i> Опыт критического осмысления правовой политики обеспечения безопасности дорожного движения.....	38
Раздел 3. Частное право, договорное регулирование	
<i>Кочев В.А.</i> К вопросу о сущности договорной свободы.....	50
<i>Пермяков А.В.</i> О сущности понятия «гражданско-правовая ситуация».....	55
<i>Алиханова Г.А.</i> Правовое регулирование имущественных отношений супругов в Республике Казахстан.....	63
Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука	
<i>Чернышева Л.В.</i> Уголовно-правовая характеристика предмета грабежа	71
<i>Кузнецов А.А., Бекбулатова А.Т.</i> Типы личности несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбойные нападения.....	78
Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений	
<i>Яджин Н.В., Сергеев М.А.</i> Способы криминального присвоения прав на владение и управление предприятиями и организациями.....	83
Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры	
<i>Сидорова Н.В.</i> Привилегия против самообвинения и доказательственное значение показаний, полученных в результате соглашения о сотрудничестве	89

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

<i>Лазарева В.А.</i> К вопросу о соотношении акта официального нормативного толкования и нормативно-правового акта.....	95
<i>Карнаухов Д.Н.</i> Налоговая правосубъектность учреждений Министерства внутренних дел России. Их участие в налоговых правоотношениях.....	105
<i>Сидорова И.В.</i> Актуальные направления дифференциации уголовной ответственности за оскорбление.....	112
<i>Кудрявицкий А.С.</i> Криминалистическое обеспечение – одно из условий повышения качества судебного разбирательства.....	117

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

<i>Александров А.Н.</i> История развития общеобразовательных учреждений, осуществляющих раннюю профессиональную ориентацию молодежи на службу в органы внутренних дел, в структуре и системе образовательных учреждений МВД России (на примере Белгородского областного лицея милиции имени Героя России В.В. Бурцева).....	124
---	-----

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

<i>Шеслер А.В.</i> Отзыв о диссертации Д.С. Дядькина «Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания».....	135
<i>Summary</i>	141
<i>К сведению авторов</i>	145

Раздел 1. Методология, теория и история государственно-правового регулирования

К ВОПРОСУ О КОДИФИКАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

А.И. Числов

(начальник Тюменского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор; 8 (3452) 59-84-03)

Е.В. Карнаухова

(научный сотрудник Тюменского юридического института МВД России;
8 (3452) 59-84-84)

В статье дана характеристика кодификации как вида систематизации нормативных правовых актов. Рассматривается возможность кодификации на локальном уровне. Подчеркивается, что определяющим для отнесения локального нормативного правового акта к кодификационным является качество работы систематизаторов и соответствие акта таким требованиям, как внутренняя согласованность содержащихся в нем правовых норм, регламентация наиболее значимых внутриорганизационных отношений.

Ключевые слова: кодификация, систематизация, локальный нормативный правовой акт, кодификационный акт.

Обозначенная в названии статьи тема предполагает необходимость определения того, что следует понимать под кодификацией, и выяснения, возможна ли она на локальном уровне.

Понятие «кодификация» (от лат. *codex* – книга и *facere* – делать) в Словаре иностранных слов определяется как систематизация законов государства с пересмотром имеющегося и отменой устаревшего законодательства [1, с. 233]. В теории права преобладает отнесение данного правового явления к самому сложному и совершенному виду систематизации нормативных правовых актов (далее – НПА) [2, с. 360; 3, с. 254; 4, с. 124; 5, с. 55]. Однако были высказаны и иные мнения. Так, В.К. Бабаев в работе, изданной в 1993 г., отмечал, что кодификация в рамки систематизации не укладывается и представляет собой самостоятельную, основную форму совершенствования законодательства [6, с. 331-332]. В.М. Баранов в работе, опубликованной в 1998 г., называл три вида систематизации – учет, инкорпорацию, консолидацию, а кодификацию рассматривал отдельно, как особую содержательную форму упорядочения НПА [7, с. 4, 27].

Представляется, что правотворчество и систематизация не исключают друг друга. В результате кодификации как высшего вида той и другой деятельности появляются укрупненные НПА, регулирующие значительную область общественных отношений. Еще несколько десятилетий назад А.В. Мицкевич рекомендовал постоянно учитывать, что кодификация, являясь правотворческой деятельностью, в то же время есть одна из форм систематизации законодательства [8, с. 204]. В одной из современных публикаций утверждается, что в возможности формирования целостного правового акта, опосредующего определенную систему общественных отношений, нуждающихся в правовой эталонизации, заключается преимущество кодификации перед другими формами систематизации законодательства [9, с. 13].

Близкие идеи, направленные на синтез различных подходов, высказаны В.Э. Краснянским и Н.Н. Литягиным. Первая из них заключается в следующем. Если деятельность направлена на достижение внутреннего единства юридических норм, т.е. на устранение коллизий и пробелов, то это внутренняя систематизация. Если происходит упорядочение правового материала

ла с целью облегчить поиск необходимых нормативных актов – это внешняя систематизация [10, с. 387]. Позднее Н.Н. Литягин предложил рассматривать систематизацию законодательства в двух аспектах – правотворческом и информационно-правовом [11, с. 29].

Исходя из изложенного верным представляется рассмотрение кодификации как высшего вида систематизации и правотворчества, поскольку в кодификационной деятельности можно условно выделить два взаимосвязанных элемента – упорядочение действующих правовых норм, создание и упорядочение новых правовых норм. В юридической литературе выделяются различные черты кодификации. Наиболее часто встречаются следующие:

1) как внешняя, так и внутренняя существенная (коренная) переработка действующих правовых норм [4, с. 123; 12, с. 6; 13, с. 44]. Признак показывает главное отличие кодификации от других видов систематизации – изменение содержания правового регулирования. Внешняя обработка предполагает комплекс действий, характерных для инкорпорации, консолидации, а также систематизированного учета (отбор и анализ НПА, их классификация), для консолидации (устранение множественности, совершенствование формы акта). Внутренняя переработка предполагает правотворческую работу, причем подготовленные в ходе нее будущие правовые нормы систематизируются наряду с действующими, а конечный результат – кодификационный акт – принимается правотворческим органом;

2) устранение несогласованностей и противоречий, восполнение пробелов и отмена устаревших правовых норм [12, с. 6; 14, с. 29]. Данный признак, конкретизируя предыдущий, также характеризует кодификацию как деятельность, состоящую из систематизационных и правотворческих приемов. Исследователями, выделившими его, предполагается наличие нормативного правового материала, который перестает обеспечивать правовое регулирование общественных отношений, нуждается в пересмотре, упорядочении и обновлении.

Вместе с тем в литературе по данному аспекту вопроса обращается внимание и на следующее. Так, Т.Н. Рахманина, обозначая вопрос о том, можно ли говорить о кодификации в первые годы существования Советского государства, когда законодательство молодой Советской Республики создавалось, по существу, заново, отмечает, что этот признак не обязателен при создании той или иной правовой системы, однако при наличии развитой системы законодательства он становится необходимым» [15, с. 21].

Думается, что в данном случае говорить о кодификации правомерно, но она не проводится на «пустом месте» (до принятия первых кодификационных актов были созданы НПА в порядке обычного правотворчества. Кроме того, источниками права в то время были отдельные НПА царской России, революционное сознание, что также оказывало влияние на начавшуюся кодификацию);

3) официальный характер и осуществление только правотворческими органами. По вопросу уровня органов, полномочных осуществлять кодификацию, мнения исследователей разделились. Одни считают возможным проведение кодификации только государственными правотворческими органами [16, с. 12; 17, с. 105]. По мнению других, любой правотворческий орган вправе издавать кодифицированные акты (кодификация возможна на любых уровнях правотворческой работы) [18, с. 54; 14, с. 27];

4) результатом кодификации является создание кодификационного акта, который:

а) представляет собой новый, сводный акт, «...упорядоченную совокупность взаимозависимых предписаний. Он является единым, внутренне связанным документом, включающим в себя как проверенные жизнью, общественной практикой действующие нормы, так и новые правила...» [19, с. 45];

б) регулирует важную и достаточно обширную сферу общественных отношений [15, с. 18; 20, с. 10];

в) содержит нормативные обобщения, имеет значительный объем и сложную структуру [15, с. 18; 19, с. 46];

г) издается в форме конституции, основ законодательства, кодекса, устава, положения, правил, регламента, инструкции. При этом конституция характеризуется как кодификационный закон, имеющий максимально широкую по сравнению с другими законами сферу действия. Под основами понимают акт федерального законодательства, содержащий принципиальные, наиболее общие нормы по предмету совместного ведения Федерации и ее субъектов, которые должны развиваться и конкретизироваться прежде всего в нормативных актах, принимаемых субъектами РФ, а также и в актах федеральных правотворческих органов. Кодекс является традиционной формой кодификации. Он непосредственно и полно регулирует определенную часть общественных отношений либо в рамках отрасли (отраслевой кодекс), либо в сфере государственной деятельности, отрасли хозяйства, социально-культурной сфере (комплексный или межотраслевой кодекс). Устав – кодификационный акт, регулирующий правовое положение конкретных органов и организаций либо определенную сферу государственной деятельности. Правила определяют порядок организации какого-либо рода деятельности. Такой кодификационный акт, как положение, определяет правовое положение, права и обязанности какого-либо субъекта права (государственного органа, учреждения) или регулирует порядок деятельности в определенной сфере общественных отношений. Регламент связан с развитием «...так называемого статутного законодательства, т.е. законодательства, регламентирующего вопросы правового статуса того или иного государственного органа, а также процедуры осуществления его деятельности» [21, с. 17-18]. Инструкция характеризуется как кодификационный акт, устанавливающий порядок исполнения другого правового акта.

Однако классификации кодификационных актов по формальному признаку недостаточно для их характеристики.

С.В. Полениной и Н.В. Сильченко было предложено выделение типа кодификационных НПА как результата «...тщательной обработки согласно единым принципам и с учетом сформировавшейся практики нормативного материала, регламентирующего сложившиеся, стабильные общественные отношения, что обеспечивается включением в них нормативных предписаний, обладающих высокой степенью обобщенности и устойчивости» [22, с. 77].

Внутри данного типа в зависимости от юридической силы актов, круга регламентируемых ими вопросов, особенностей содержащихся в них норм права учеными выделены 3 подтипа:

– основополагающие кодификационные акты, имеющие повышенную юридическую силу по отношению к обычным и иным кодификационным НПА. Они занимают ведущее место в системе НПА той или иной отрасли законодательства (Основы законодательства, отраслевые кодексы);

– просто кодификационные акты, возглавляющие какую-либо подотрасль законодательства или несколько институтов (Устав автомобильного транспорта РСФСР);

– иные нормативные акты кодификационного типа, которые: а) регулируют общественные отношения в рамках того или иного института; б) содержат нормативные предписания более низкой степени общности, чем те, которые сформулированы в основополагающих кодификационных актах и просто кодификационных актах. Общая часть кодификационных актов данного подтипа незначительна по объему и содержит лишь некоторые общие для правового института положения и конструкции [23, с. 124].

С.В. Поленина и Н.В. Сильченко высказали мнение о необходимости установления правила, в соответствии с которым кодификационные акты третьего подтипа должны иметь уровень законодательных или утверждаться Советом министров, в то время как на практике такие акты часто издаются и министерствами и ведомствами [23, с. 124; 22, с. 79].

Предложенная учеными типология позволяет расширить представление о кодификации, показывая разнообразие кодификационных актов по нескольким признакам. Однако сложно согласиться с их стремлением ограничить количество правотворческих органов, полномочных осуществлять кодификацию, тем более что, как отметили сами авторы, в действительности она имеет место на уровне министерств и ведомств. Думается, что признакам нормативных правовых актов кодификационного типа могут отвечать НПА различных правотворческих органов.

Используя выделенные выше признаки, рассмотрим, возможна ли теоретически кодификация на локальном уровне. Анализируя признаки, следует учитывать, что, во-первых, локальные НПА являются подзаконными и все новеллы в НПА вышестоящих правотворческих органов влекут необходимость пересмотра внутриорганизационных актов, во-вторых, принятие ряда важнейших НПА (устав, правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда и др.) является для организации, учреждения, предприятия обязательным.

Итак, может ли внутренняя переработка действующих локальных правовых норм быть существенной (коренной)? Представляется, что данная характеристика носит оценочный характер. Например, смена статуса учреждения (организации, предприятия), изменение направлений и видов деятельности вызывает необходимость пересмотра и переработки локального нормативного правового материала. Коренное обновление законодательства как одна из составляющих проводимой в РФ реформы повлекло пересмотр и обновление подзаконных НПА, в том числе и локальных.

Поэтому на локальном уровне также возможна деятельность, заключающаяся во внешней и внутренней переработке действующих правовых норм (которую можно охарактеризовать как существенную), в устранении несогласованностей и противоречий, восполнении выявленных

пробелов в правовом регулировании, отмене устаревших правовых норм.

Возвращаясь к точке зрения Т.Н. Рахманиной о том, что пересмотр действующего нормативного материала не всегда является обязательным для кодификации признаком, представляется обоснованным распространение ее и на локальный уровень систематизации. Например, устав организации (учреждения, предприятия) часто называют ее кодексом, так как в самом общем виде он охватывает правовым регулированием все сферы деятельности и внутриорганизационные отношения. Устав является учредительным документом, поэтому при его подготовке, по сути, подвергать пересмотру еще нечего. Но разработчики проекта устава должны руководствоваться соответствующими положениями НПА более высокой юридической силы. Так, устав образовательного учреждения должен соответствовать ст. 52 Гражданского кодекса РФ [24], ст. 13 закона РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. ФЗ от 17.07.2009 № 148-ФЗ) «Об образовании» [25] и т.д.

Таким образом, в законодательном порядке изначально очерчен план устава организации (учреждения, предприятия), а ее цель – наполнить план содержанием, исходя из собственных целей, задач, качественных и количественных характеристик (специализация, количество и виды подразделений, объем работ и т.д.). Кроме того, положения устава не должны противоречить законам и другим НПА. В дальнейшем необходимость пересмотра и обновления связана не только с развитием законодательства, но и самой организации (учреждения, предприятия) и ее нормативного правового материала.

В специальной литературе вопрос о локальном уровне кодификации решается неоднозначно. Например, в конце 80-х гг. прошлого века И.П. Сидорчук по иерархическому признаку выделила такие уровни кодификации, как законодательный (в узком смысле слова), правительственный, ведомственный и локальный [20, с. 12], отнеся, однако, к последнему кодификацию не только локальных, но и местных НПА.

По словам автора, «анализ действующих нормативно-правовых актов, издаваемых местными Советами и их исполкомами, локальных норм свидетельствует о том, что назрела настоятельная потребность коренного обновления и упорядочения данного уровня правового массива. Кодификации местных и локальных норм должна предшествовать большая подготовительная работа по выявлению и упорядочению всех действующих актов данного вида» [20, с. 14].

Разделяя точку зрения И.П. Сидорчук о возможности создания кодификационных локальных НПА, представляется необходимым отметить, что местный и локальный уровни систематизации не следует объединять. Кроме того, получается, что среди проанализированных локальных НПА автор не обнаружил кодификационных, их создание виделось только в перспективе.

Однако в то же время В. Захаров, написавший об опыте систематизации внутриорганизационных подзаконных нормативных актов в ЦНИИ «Электроника», отметил наличие кодифицированных актов, устраняющих множественность действующих документов и излагающих нормы в строгой логической последовательности [26, с. 43].

К иному выводу пришел С.И. Архипов, исследовавший вопросы систематизации локальных норм советского права. По его мнению, даже большие по объему, сложные по структуре локальные НПА не соответствуют такому основному признаку кодифицированных актов, как наличие нормативных обобщений, в которых закрепляются юридические особенности отдельной отрасли, подотрасли, правового института. Локальные НПА содержат «...главным образом внутриорганизационные нормы, относящиеся к различным отраслям права (нормы трудового права, административного, права социального обеспечения и других отраслей) и имеющие малую степень общности» [27, с. 77].

Полную солидарность с ученым выразил А.М. Алиев, анализирувавший локальные НПА на рубеже веков. Он считает,

что рассмотренную форму систематизации локальных нормативных актов можно определить как деятельность, в процессе которой производится существенное, качественное изменение нормативного материала, приводящее к появлению принципиально иных нормативных предписаний [28, с. 51]. Но это не кодификация, а «конструкция укрупненного нормативного акта» [28, с. 51].

В целом близкую к изложенной позиции занимает Т.В. Кашанина (применительно к корпоративным НПА), предложившая назвать составление укрупненных НПА на предприятиях квазикодификационной либо протокодификационной, то есть предшествующей настоящей кодификации, работой [29, с. 252]. Однако здесь же автор делает некоторое отступление, признавая кодификацию на локальном уровне: «...корпоративные нормы очень динамичны. Возможно, именно по этой причине кодификация как вид систематизации используется крайне редко» [29, с. 253].

Думается, что положительному решению вопроса о возможности кодификации на локальном уровне должно способствовать отнесение отдельных локальных НПА к актам кодификационного типа, поскольку они соответствуют его признакам, а именно:

– регулирование отношений в рамках того или иного правового института (особенностью локальных НПА является то, что их действие распространяется только на внутриорганизационные отношения, причем один акт может содержать правовые нормы различных отраслей права);

– нормативные предписания отличаются общностью, но она, по сравнению с основополагающими актами кодификационного типа и просто кодификационными актами, более низкая.

Кроме названных признаков, кодификационные локальные НПА обладают и признаками, общими для всего типа кодификационных актов. Однако следует учитывать и некоторые особенности:

– кодификационные локальные НПА не всегда являются сводными в прямом

смысле слова, устраняющими множественность актов, так как в ряде случаев их комплексный характер предусмотрен нормами НПА высшей юридической силы. Это относится, например, к уставу, правилам внутреннего трудового распорядка и др. Однако организации (учреждения, предприятия) могут проявить самостоятельность. Творческий подход организаций (учреждений, предприятий) к кодификации зависит от них самих;

– локальные НПА регулируют важную и значительную сферу общественных отношений, но в рамках конкретной организации (учреждения, предприятия),

– распространенными формами локальных НПА являются устав, положение, правила, регламент, инструкция. Однако форма локального акта не играет определяющей роли для отнесения его к кодификационным актам.

Итак, исходя из вышесказанного, представляется теоретически допустимым выделение такого вида систематизации локальных НПА, как кодификация. Для проверки данного вывода было проведено анкетирование (в нем приняли участие 44 организации, учреждения, предприятия городов Белгород, Воронеж, Екатеринбург, Краснодар, Москва, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Саратов, Тюмень, Челябинск; городов и районов Тюменской области), а также контент-анализ локальных НПА.

Согласно результатам анкетирования, кодификация как вид систематизации локальных НПА имеет значительное распространение. 77,27 % респондентов положительно ответили на вопрос о том, осуществляется ли кодификация в их организации, учреждении, на предприятии. Далее было необходимо назвать формы кодификационных актов из имеющегося перечня, а также предложить свои варианты. 68,18 % респондентов назвали положение; 52,27 % – инструкцию; 40,90 % – правила; 34,09 % – устав; 6,81 % – регламент; по 2,27 % – кодекс, стандарт предприятия (СТП), приказ, распоряжение, порядок, наставление.

Представляется, что наименование «кодекс» должно применяться только по отношению к НПА законодательных органов государства. Вопросы стандартизации в организациях регламентированы Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (в ред. ФЗ от 18.07.2009 № 189-ФЗ) «О техническом регулировании» [30]. В ст. 2 данного закона стандарт определяется, как «документ, в котором в целях добровольного многократного использования устанавливаются характеристики продукции, правила осуществления и характеристики процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, выполнения работ или оказания услуг. Стандарт также может содержать правила и методы исследований (испытаний) и измерений, правила отбора образцов, требования к терминологии, символике, упаковке, маркировке или этикеткам и правилам их нанесения».

Следовательно, локальные НПА не должны готовиться в форме стандартов. Сомнительно, что приказ может обладать свойствами кодификационного акта. Как правило, это нормативный правовой, смешанный (содержащий и индивидуальные предписания) либо индивидуальный правовой акт, небольшой по объему, простой по структуре, посвященный какому-либо вопросу. Распоряжение является индивидуальным правовым актом. Исходя из значения понятий «порядок» и «наставление», акты с такими наименованиями в зависимости от содержания в целях унификации могут называться правилами или инструкциями.

По мнению 18,18 % респондентов, кодификация в их организациях, учреждениях, на предприятиях не осуществляется. Примечательно, что 4,54 % респондентов, ответив отрицательно на вопрос о кодификации, отметили наличие устава в одном случае; устава, кодекса, положения, инструкции – в другом. Следовательно, указанные локальные НПА они не относят к кодификационным.

Таким образом, на практике преобладает точка зрения, согласно которой кодификация на локальном уровне имеет место. Отчасти ее можно объяснить тем, что многие респонденты исходили не из сущности кодификации, а из предложенных в следующем вопросе форм локальных НПА. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что систематизация и правотворчество в организациях, учреждениях, на предприятиях осуществляются не специальными субъектами, а сотрудниками, для которых данная деятельность не является основной.

По результатам анкетирования, в качестве должностных лиц и служб, отвечающих за кодификацию (ее проектно-подготовительные работы), 20,45 % респондентов назвали юрисконсульта (отдел или группу правового обеспечения, правовое управление, юридическое бюро); 15,90 % – подразделения, отвечающие за соответствующее направление деятельности; 6,81 % – секретариат (отдел корреспонденции и документооборота); 6,81 % – отдел кадров; 9,09 % – заместителей руководителя организации (учреждения, предприятия); 2,27 % – руководителя организации; 4,54 % – помощника председателя суда; 2,27 % – штаб; 2,27 % – организационно-аналитический отдел; 2,27 % – нормативно-методический отдел; 2,27 % – отдел организации работы. В некоторых анкетах ответа на данный вопрос нет. Таким образом, предварительную работу по кодификации осуществляют преимущественно неюристы, что отрицательно сказывается на качестве подготавливаемых актов с точки зрения соблюдения требований юридической техники. Однако к кодификации на любом уровне привлекаются специалисты в соответствующей сфере деятельности, а сами кодификационные акты принимаются правотворческими субъектами (органами). Это обеспечивается и на локальном уровне.

На основании признаков кодификационных актов в целом, актов кодификационного типа, а также особенностей локальных НПА можно утверждать, что локальные кодификационные акты – наиболее значимые документы, регламенти-

рующие общественные отношения в организации, учреждении, на предприятии в целом (устав, положение), в отдельных подразделениях (положения о структурных подразделениях), а также отдельные виды общественных отношений (правила приема в учебное заведение).

Однако прежде чем утверждать, что тот или иной конкретный локальный НПА относится к кодификационным, необходимо проанализировать его на предмет соответствия признакам кодификационных актов и определить, можно ли назвать деятельность по его созданию кодификационной. Ведь даже по отношению к кодексам исследователи высказываются критически: «...создание многих кодексов не означает проведения глубокой кодификации. Вместо программ кодификации за каждым кодексом “вдогонку” готовится пакет законов и подзаконных актов... Кодексы – “тонкие” по объему регулирования. Сказывается отсутствие единых принципов и методологических подходов» [31, с. 49].

К кодификации на локальном уровне требования должны быть менее строгими, но эта деятельность также должна быть высшей систематизационной и правотворческой. В качестве примера возможности создания кодификационного локального НПА предлагается рассмотрение правил внутреннего трудового распорядка. Данный вид НПА имеет длительную историю существования. Как писал Л.С. Таль, о правилах внутреннего распорядка упоминалось уже в Положении 1835 г. об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми [32, с. 37]. Однако большое распространение в России они получили в конце XIX в., а уже в первые годы советской власти стали разрабатываться Примерные и Типовые правила внутреннего трудового распорядка.

Основа структуры правил внутреннего трудового распорядка изложена в их легальном определении, которое дано в ч. 4 ст. 189 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) [33]. Под правилами внутреннего трудового распорядка следует понимать локальный нормативный акт, регламентирующий в соответствии с ТК РФ и иными

федеральными законами порядок приема и увольнения работников, основные права, обязанности и ответственность сторон трудового договора, режим работы, время отдыха, применяемые к работникам меры поощрения и взыскания, а также иные вопросы регулирования трудовых отношений у данного работодателя. Таким образом, законодатель, установив обязательность принятия правил, предоставил организациям (учреждениям, предприятиям) возможность (с учетом законодательства и местных условий) не только наполнить конкретным содержанием обозначенные разделы данного локального НПА, но и расширить их перечень.

Некоторыми авторами подчеркивается кодификационный характер правил внутреннего трудового распорядка. Так, В.К. Самигуллин называл их своеобразным кодексом локальных норм права, призванных регулировать внутренний трудовой распорядок предприятий, учреждений, организаций как определенный режим совместного труда работников этих социальных образований [34, с. 96]. Г.В. Хныкиным правила внутреннего трудового распорядка определены как профессионально-этический кодекс, целями которого являются локальная регламентация трудовых отношений и установление комплекса взаимных прав и обязанностей работодателя и работников [35, с. 47].

Рассмотрим, соответствуют ли правила внутреннего трудового распорядка признакам кодификационных актов на конкретных примерах, используя формальные и содержательные признаки документов. Итак, Правила внутреннего трудового распорядка ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет» [36] (далее – Университет) имеют следующую структуру.

В главе I («Общие положения») изложено следующее:

- НПА, с учетом положений которых разработана новая редакция Правил;
- цель разработки Правил;
- распространение действия Правил по кругу лиц;

– порядок изменения и дополнения Правил;

– подчеркнут общий характер Правил («1.12... Особенности труда и обучения в подразделении дополнительно регулируются положением о соответствующем подразделении, иными положениями, должностными инструкциями, графиками, учебным расписанием и т.п., утвержденными ректором вуза или приказами (распоряжениями) руководителей учебных подразделений, изданными в пределах предоставленных им прав»);

– недействительность установления положений Правил, ухудшающих положение работников в сравнении с действующим законодательством, уставом и коллективным договором Университета. Такие положения применению не подлежат.

Глава II посвящена порядку приема и увольнения работников. В нем регламентированы следующие вопросы:

- заключение трудового договора;
- испытательный срок;
- перечень документов, необходимых для поступления на работу;
- обязанности должностных лиц по отношению к принимаемому на работу (например, объявление приказа ректора о приеме на работу под расписку, ознакомление с локальными нормативными и индивидуальными правовыми актами, относящимися к его профессиональной и иной деятельности);

– порядок замещения должностей профессорско-преподавательского состава и научных работников;

- возможность совместительства;
- прекращение трудового договора.

Глава III содержит положения об основных правах и обязанностях работников и обучающихся. При этом, помимо общих для всех работников Университета, названы дополнительные права научно-педагогических работников. Обязанности работников также подразделяются на общие и дополнительные, относящиеся к научно-педагогическим работникам, докторантам, аспирантам и соискателям Университета. Ряд пунктов раздела посвящен правам и обязанностям обучающихся; правам и обя-

занностям Университета как учреждения-работодателя в лице ректора и иных органов управления, должностных лиц.

В главе IV («Рабочее время и учебное время. Порядок его использования. Время отдыха») подробно регламентированы:

- продолжительность рабочей недели и рабочего дня для разных категорий работников;
- время начала и окончания рабочего дня, перерыв для отдыха и питания;
- продолжительность академического часа и перерывов;
- назначение старосты учебной группы, его функция учета посещения студентами занятий;
- отпуска работников и каникулы обучающихся.

Особый интерес представляет пп. 4.24 как пример творческого подхода к разработке Правил, закрепления в локальных нормах права дополнительных льгот: «Вуз организует полноценный отдых работников и обучающихся в спортивных и оздоровительных лагерях, на базах, а также обеспечивает предоставление им на льготных условиях, в том числе определяемых коллективным договором, путевок в дома отдыха, санатории, профилактории, проведение экскурсионных и туристических мероприятий».

Глава V посвящена поощрениям за успехи в работе и учебе. В перечень поощрений, кроме перечисленных в ст. 191 ТК РФ, включено предоставление льготных путевок для отдыха, лечения, оздоровления.

В главе VI закреплены виды дисциплинарных взысканий и порядок их применения.

В главе VII («Порядок в помещениях вуза») имеются положения, закрепляющие ответственность за благоустройство учебных помещений, исправность оборудования; вводятся положения, запрещающие определенные действия; положения, обязывающие ректора и руководителей обособленных учебных подразделений обеспечить охрану Университета, сохранность оборудования, инвентаря и другого имущества, а также поддержание необ-

ходимого порядка в учебных и бытовых помещениях. Представляется не совсем удачным помещением в данном разделе пп. 7.4, устанавливающего дни и часы приема обучающихся и работников Университета ректором и проректорами по личным вопросам. Это вопросы прав и обязанностей сторон.

Если исключить этот недостаток, то анализ текста Правил внутреннего трудового распорядка Новосибирского государственного педагогического университета и сравнение его с признаками кодификационных актов позволяют отнести данные правила к кодификационным локальным НПА, поскольку они:

- являются сводным актом, что предопределено законодательно. По сути, каждый раздел Правил может быть самостоятельным локальным НПА. Документ является внутренне связанным, последовательно и полно раскрывающим тему. Разработчики проекта Правил проанализировали и руководствовались положениями Конституции РФ, действующего трудового законодательства, федеральных законов «Об образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», отраслевых примерных правил внутреннего трудового распорядка, устава и коллективного договора Университета, что и отражено в пп. 1.1;

– имеют значительный объем, 7 глав, состоящих из ряда пунктов. Нормативные предписания небольшой степени общности, но это соответствует характеристике «иных актов кодификационного типа», данной С.В. Полениной и Н.В. Сильченко;

- соответствуют одной из форм кодификационных актов.

Кроме того, с соблюдением Правил непосредственно связано осуществление функций Университета и выполнение стоящих перед ним задач, поэтому сфера регулирования общественных отношений в рамках Университета важна и значительна (действие Правил распространяется на работников Университета, а также обучающихся в нем).

В качестве еще одного примера, подтверждающего возможность отнесения

отдельных Правил внутреннего трудового распорядка к кодификационным локальным НПА, можно привести Правила внутреннего трудового распорядка ГОУ ВПО «Российский государственный социальный университет» [37] (далее – РГСУ). По содержанию данные Правила имеют много общего с соответствующим локальным НПА Новосибирского государственного педагогического университета, что объясняется подзаконностью этих актов, а также общностью вида учреждения, выполняемых функций и т.д.

Однако имеются и некоторые отличия, на которых и следует остановиться. Прежде всего они касаются структуры. Правила внутреннего трудового распорядка РГСУ имеют преамбулу, в которой раскрывается назначение Правил – установить локальные правовые нормы, призванные конкретизировать и учесть особенности труда и обучения применительно к условиям работы и учебы в РГСУ.

Правила содержат следующие главы:

- I. Общие положения.
- II. Трудовые отношения в РГСУ.
- III. Общий порядок зачисления и отчисления обучающихся.
- IV. Основные права и обязанности сотрудников РГСУ.
- V. Основные права и обязанности обучающихся.
- VI. Основные права, обязанности и управленческие функции администрации РГСУ.
- VII. Рабочее (учебное) время и время отдыха.
- VIII. Внутренний учебный распорядок в РГСУ.
- IX. Порядок в помещениях РГСУ. Оснащение рабочих мест.
- X. Поощрения за успехи в работе и учебе.
- XI. Дисциплинарная ответственность сотрудника, обучающегося.
- XII. Заключительные положения.

В пп. 1.7 рассматриваемых Правил имеются нормы-дефиниции – даются определения некоторых используемых понятий: администрация РГСУ; аморальность

поведения; дисциплинарный проступок; обучающийся; сотрудник. В пп. 2.3 выделяются следующие категории сотрудников: научно-педагогический состав; учебно-вспомогательный персонал; административно-управленческий персонал; прочий обслуживающий персонал.

Подобный прием, как представляется, способствует более правильному толкованию и реализации положений, содержащихся в Правилах, а сами они также соответствуют признакам кодификационных актов. Кроме того, по сравнению с Правилами внутреннего трудового распорядка Новосибирского государственного педагогического университета более удачной представляется структура, а следовательно, более качественно была осуществлена классификация как элементов внутреннего трудового распорядка, так и нормативного правового материала.

В завершение следует кратко охарактеризовать этапы кодификации локальных НПА.

1. *Подготовительный этап.* Проведение кодификационных работ на локальном уровне связано как с развитием законодательства (необходимость приведения локальных НПА в соответствие с ним), так и с развитием организации (учреждения, предприятия) и внутриорганизационного нормативного правового материала (необходимость устранения множественности НПА, полноценного урегулирования новых видов общественных отношений и т.д.). При этом при кодификации предстоящая переработка должна быть существенной.

Выявленная потребность в принятии кодификационного локального НПА отражается в плане систематизационной и правотворческой деятельности, на основании этого назначаются сотрудники, отвечающие за разработку проекта (рабочая группа). В свою очередь, рабочая группа планирует предстоящую деятельность.

2. *Отбор и анализ НПА.* Выбор критериев при отборе правового материала зависит от цели предстоящей кодификации, от характера и значения самого правового материала. Отбираются не только локаль-

ные НПА, но и НПА более высокой юридической силы по причине подзаконного характера локального правотворчества. Следует отметить также, что при подготовке, например, устава вновь созданной организации количество локальных норм права минимально, и в этом случае подзаконная правотворческая составляющая кодификации преобладает. По окончании отбора и анализа НПА образуется совокупность действующих правовых норм, которые предстоит обработать и классифицировать.

3. *Внешняя (редакционная) обработка правовых норм, отобранных для включения в готовящийся локальный НПА.* К ней относится устранение дублирования, унификация терминологии, создание единого стиля изложения и т.д.

4. *Разработка структуры (схемы) кодификационного акта и распределение действующих правовых норм в соответствии с ней.* Здесь главная роль отводится классификации. Следует согласиться с С.И. Архиповым, отметившим: «...основанием для объединения действующих и создаваемых вновь нормативных предписаний в одном правовом документе выступают, во-первых, их предметные взаимосвязи (среди которых наиболее важны субъектно-функциональные, обусловленные непосредственно теми видами деятельности, что осуществляются в рамках организации), и, во-вторых, связи, вызванные специализацией (разделением функций между ними)» [27, с. 129]. Это можно выявить при анализе, например, рассмотренных выше Правил внутреннего трудового распорядка Новосибирского государственного педагогического университета и Российского государственного социального университета.

5. *Разработка новых правовых норм, включение их в готовящийся проект.* К этому моменту систематизация действующих локальных правовых норм произведена, но для дальнейшего правового регулирования ее недостаточно. Поэтому «подключается» правотворческая составляющая кодификации – создаются недостающие правовые нормы и сразу же систематизируются, рас-

пределяются в соответствии с разработанной структурой проекта.

6. *Обсуждение, согласование, окончательная доработка проекта.* На этом этапе становится очевидным, в какие локальные НПА должны быть внесены изменения и дополнения, какие требуется отменить.

7. *Принятие компетентным субъектом правотворчества кодификационного акта.* При этом для надления акта юридической силой важное значение имеет и соблюдение установленных процедур.

Таким образом, изложенное выше позволило прийти к следующим выводам:

1. Деятельность, которая по своим характеристикам может быть названа кодификационной, осуществляется и на локальном уровне. Однако в силу некоторых причин (отсутствие специальных субъектов и недостаточная юридическая подготовленность сотрудников, занимающихся в организации, учреждении, на предприятии систематизацией и правотворчеством; наличие типовых НПА, а также возможность заимствования документов через Интернет и др.) она недостаточно распространена.

2. Кодификация локальных НПА характеризуется следующими основными признаками:

1) она является высшим видом систематизационной и правотворческой деятельности, осуществляемой в организации (учреждении, на предприятии);

2) в результате данной деятельности соответствующие локальные НПА и нормы приводятся в определенную систему;

3) осуществляется компетентным правотворческим органом, а подготовительные работы – специально назначенными сотрудниками организации (учреждения, предприятия);

4) направлена на обеспечение возможности более полной реализации внутриорганизационных норм права, свидетельствует о высоком уровне локального правотворчества;

5) динамична и в определенной степени зависима от упорядоченности других видов НПА. Во-первых, локальный кодификационный НПА должен готовиться на

основе НПА более высокой юридической силы и не противоречить им, во-вторых, часто причиной пересмотра локальных НПА и начала кодификации служат изменения в законодательстве. Динамичность определяется также изменениями, происходящими в организации (учреждении, на предприятии);

б) состоит в подготовке и принятии единого, внутренне согласованного НПА, регламентирующего внутриорганизационные отношения по определенному вопросу;

7) кодификационные НПА регламентируют наиболее значимые внутриорганизационные отношения в целом, внутри подразделения, в определенной сфере деятельности.

В противном случае речь о кодификации не может идти.

3. Кодификация локальных нормативных правовых актов – высший вид систематизационной и правотворческой деятельности, осуществляемой в организации, учреждении, на предприятии, заключающейся в создании компетентным субъектом правотворчества единого, внутренне согласованного локального НПА, регламентирующего наиболее важные внутриорганизационные отношения, посредством переработки действующих, создания новых локальных норм права и их упорядоченного изложения.

4. Увеличение количества локальных НПА, соответствующих признакам кодификационных, как представляется, связано с улучшением качества юридического образования (введение, по возможности, спецкурса по систематизации и правотворчеству); поощрением привлекаемых к систематизации сотрудников за творческий, а не формальный подход к данной деятельности, организацией для них семинаров, консультаций, частичным освобождением на время работы над проектом от основных обязанностей. Однако это возможно преимущественно в крупных организациях (учреждениях, на предприятиях), в которых имеется юридическая служба (юрисконсульт) и достаточный штат сотрудников. Именно в таких организациях отмечен

более ответственный и результативный подход к систематизации локальных НПА в целом.

1. Словарь иностранных слов. М.: Рус. яз., 1986. 608 с.

2. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.

3. Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. Т. II. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.

4. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юрист, 2002. 256 с.

5. Анахасян Р.Л. Соотношение и взаимосвязь инкорпорации с другими формами систематизации законодательства // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 1 (65). С. 55-58.

6. Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. 544 с.

7. Баранов В.М. Систематизация и кодификация нормативно-правовых актов: лекция. Н. Новгород, 1998. 48 с.

8. Костюнина М. Обсуждение теоретических проблем кодификации советского законодательства // Ученые записки / Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1969. Вып. 18. С. 200-205.

9. Жеребцов А.Н. Кодификация миграционного законодательства как правовая основа формирования миграционной политики Российской Федерации // Рос. юстиция. 2008. № 2. С. 13-18.

10. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 520 [2] с.

11. Литягин Н.Н. Организационные предпосылки систематизации законодательства // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 29-36.

12. Захарова Н.Н. Систематизация нормативно-правовых актов министерств СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1990. 23 с.

13. Рыбаков В.А. Преемственность в праве и кодификация права // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 42-49.
14. Игнатьева И.А. Кодификация экологического законодательства: вопросы теории и практики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2007. № 5. С. 27-54.
15. Рахманина Т.Н. Кодификационный акт в системе нормативных актов Советского государства // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. М., 1979. Вып. 13. С. 16-26.
16. Грищук В.К. История кодификации законодательства развитого социализма (на материалах Украинской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1985. 19 с.
17. Ксенофонтов В.В. Систематизация российского законодательства: Принципы и процедуры: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 167 с.
18. Систематизация хозяйственного законодательства / отв. ред. С.Н. Братусь. М.: Юрид. лит., 1971. 264 с.
19. Систематизация законодательства в Российской Федерации: монография / А.И. Абрамова [и др.]; под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 382 с.
20. Сидорчук И.П. Кодификация в советском правотворческом процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мн., 1989. 19 с.
21. Рахманина Т.Н. Новые формы и виды кодификации законодательства // Проблемы совершенствования советского законодательства: труды. М., 1987. Вып. 40. С. 15-25.
22. Поленина С.В., Сильченко Н.В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР: монография. М.: Наука, 1987. 150 [2] с.
23. Сильченко Н.В. Кодификационные акты и их типы // Советское государство и право. 1980. № 10. С. 122-126.
24. Гражданский кодекс РФ. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: ред. от 29.06.2009 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; Рос. газ. 2009. 1 июля.
25. Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 30. Ст. 1797; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29. Ст. 3585.
26. Захаров В. Наводя должный порядок. Из опыта систематизации локальных нормативных актов // Хозяйство и право. 1987. № 5. С. 42-45.
27. Архипов С.И. Систематизация локальных норм советского права: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1987. 176 с.
28. Алиев А.М. Теоретические проблемы локального правового регулирования в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2001. 157 с.
29. Кашанина Т.В. Корпоративное право (Право хозяйственных товариществ и обществ): учебник для вузов. М.: Норма-Инфра-М, 1999. 815 с.
30. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140; 2009. № 29. Ст. 3626.
31. Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В. О кодификации и кодексах // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 47-55.
32. Таль Л.С. Очерки промышленного права. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. 127 с.
33. Трудовой кодекс РФ от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ: ред. от 25.11.2009 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; Рос. газ. 2009. 27 нояб.
34. Самигуллин В.К. Локальные нормы в советском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. 170 с.
35. Хныкин Г.В. Правила внутреннего трудового распорядка // Законодательство: Право для бизнеса. 2005. № 12. С. 46-53.
36. URL: <http://www.nspu.net/> (дата обращения: 13.04.2008).
37. URL: <http://www.mgsu.info/> (дата обращения: 13.04.2008).

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ И ГОСУДАРСТВА**О.С. Черепанова**

(преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
Барнаульского юридического института МВД России; olga41778@mail.ru)

В статье рассматривается соотношение частных и публичных интересов, анализируются мнения ученых об их диалектическом единстве и противоречии, исследуется сущность понятия «баланс интересов», делается вывод о допустимости установления приоритетов либо частных, либо государственных интересов в зависимости от предметной сферы их реализации.

Ключевые слова: государство, личность, соотношение интересов, единство, противоречие, баланс.

Проблема взаимоотношений государства и личности, являясь одной из наиболее вечных проблем общественного устройства, во все времена представляла собой предмет пристального внимания научной мысли и социальной практики. Происходящие в нашей стране глобальные изменения в политической, социальной, экономической, правовой сферах жизнедеятельности актуализируют вопросы установления баланса интересов государства и личности.

Поиск наиболее оптимального соотношения частных и публичных интересов определяет необходимость углубленного исследования механизма взаимодействия личности и власти, осознание основ которого способствует повышению эффективности процесса формирования гражданского общества и правового государства. Напротив, непонимание или недооценка данного механизма могут повлечь разнообразные негативные последствия, такие как нарушение прав человека, ухудшение уровня жизни, криминализация общества, безответственность и коррумпированность властных структур и т.д. Следствием этих негативных процессов является растущее чувство недовольства действиями власти, утрата доверия и уважения к ней, приобретение уверенности в том, что государство защищает интересы только власть имущих, не заботясь о благосостоянии большинства населения.

Глобальная задача, стоящая перед всем российским обществом, включая все его структуры и отдельных лиц, – это

установление такой системы взаимоотношений, при которой, с одной стороны, личность, свободно реализуя свои права, сможет развить все свои задатки и способности, с другой – государство, являясь сильным и независимым, займет достойное место на мировой арене. Д.В. Уткин отмечает: «Ослабленное государство – плохой защитник своих сограждан... Без сильного, эффективного демократического правового государства, невозможно движение России вперед, по пути прогресса, создание условий экономической стабильности и благополучия жизни людей, развитие и охрана прав личности, обеспечение безопасности страны и решение других общенациональных задач» [1, с. 340]. Таким образом, личность с активной жизненной позицией и высоким уровнем правосознания так же необходима государству, как и любому гражданину – сильное, дееспособное государство.

Несоответствие, а иногда и противоречие государственных и личных интересов обусловлено, в первую очередь, содержательным несовпадением категорий «государство», «общество», «личность». Однако многими учеными и прошлого, и современности отмечается невозможность отдельного существования данных субъектов и, как следствие, их интересов.

Известный теоретик и цивилист Г.Ф. Шершеневич, определяя соотношение личных и общественных интересов, подчеркивал: «...масса людей для того, чтобы составить общество, нуждается в чем-то связующем их в одно. Эта связь создается

общим интересом. Под именем интереса понимается сознание, что данная потребность может быть удовлетворена известными средствами... Когда у целой группы людей возникает сознание, что их потребности могут быть удовлетворены лучше всего соединенными силами, то у них создается общественный интерес – интерес общения. Общество и есть совокупность людей, объединенных сознанием, что известные потребности, общие всем, могут быть удовлетворены наилучшим образом только их совместными силами» [2, с. 12].

Как верно отмечает В.А. Затонский, «государство не может быть отторгнуто от общества, как и общество, личность – от государства. Общество – это единый социальный организм, состоящий из множества социальных субъектов: индивидуальных (личность) и коллективных (социальные группы, социальные институты). Государство – важнейший социальный субъект, регулирующий общественные отношения» [3, с. 44].

Анализ данных взглядов приводит к выводу о том, что индивидуальные интересы «производят» общественные, без первых существовать последние просто не смогут. Общественным интересам, какими бы самодостаточными они ни были, необходимо на что-то опираться. И этой опорой (с определенными оговорками) являются интересы индивидуальные [4, с. 5].

Точка зрения о неделимости публичных и частных интересов, с одной стороны, и объективном противоречии – с другой, разделяется большинством ученых. Так, В.Д. Зорькин, говоря о фактическом отсутствии сугубо государственных интересов, отмечает, что «государство существует для личности, для общества, а не для того, чтобы само себя обслуживать. Государство – это, скорее, сумма связи людей, находящихся в политических отношениях. Поэтому иногда государственные (они же – общественные) интересы могут полностью совпадать с интересами частными, а иногда могут и не полностью» [5, с. 12].

В.А. Бачинин противоречия между государством (публичным интересом) и

личностью (частным интересом) объясняет различными целями деятельности данных субъектов. Для государства первостепенное значение имеет фактор дисциплинарной упорядоченности социальных структур, а для отдельной личности важно располагать возможностями, позволяющими ей реализовывать свою потребность в свободе [6, с. 15].

Наиболее полным и отражающим объективную действительность представляется мнение В.В. Субочева, который, исследуя категорию «интерес», приходит к выводу, что интересы личности, общества и государства характеризует взаимопроникновение и максимальная взаимообусловленность. Государственный интерес объединяет в себе два взаимоисключающих начала. Он может и должен в определенных случаях противоречить интересам личности, отстаивая общественное, противоречить общественному, гарантируя права каждого. И, наконец, взаимоисключать общественный и личный интерес не только ради единичного либо общего блага, но и ради блага своего, блага аппарата управления [4, с. 6].

Диалектическое противоречие между общественными, государственными и личными интересами вызвано объективными причинами и в целом не может быть устранено волевым решением власти. Задача последней состоит в том, чтобы с помощью средств правового регулирования направлять реализацию интересов всех субъектов в нужном направлении, защищать наиболее уязвимые интересы и тем самым устанавливать баланс интересов личности, общества и самого государства.

Немаловажную роль в определении основ взаимоотношения государства и личности играет уяснение сущности самого понятия «баланс». В философии и юриспруденции данное понятие трактуется очень широко, не случайно и толковые словари по-разному определяют его содержание. Так, например, современный Словарь иностранных слов раскрывает этимологию слова «баланс»: от французского «balance» – «весы». Значение данного слова в нем приведено как система показа-

телей, характеризующая какое-либо явление путем сопоставления или противопоставления отдельных его сторон [7, с. 70]. В современном Словаре русского языка понятие «баланс» также характеризуется как «соотношение взаимно связанных показателей какой-нибудь деятельности, процесса» [8, с. 40].

Таким образом, понятие «баланс» раскрывается через категории «соотношение, сопоставление показателей». Надо отметить, что данные категории присущи любым процессам, происходящим в обществе: социальным, техническим, философским, юридическим. По мнению В.В. Кудашкина, эти дефиниции не вполне применимы к сфере юриспруденции, так как «соотношение показателей» не означает их равновесия, не всегда подразумевает баланс и может даже иллюстрировать отсутствие или нарушение баланса как такового. Следовательно, соотношение показателей – это еще далеко не баланс, а лишь простая совокупность сведений о пропорциях каких-либо признаков в каких-либо сферах человеческой деятельности. Определяющим признаком содержания баланса интересов является феномен равновесия [9].

В целом данная позиция заслуживает поддержки. Не случайно в современной справочной и юридической литературе, когда дается определение понятия «баланс», чаще всего говорят именно о состоянии равновесия, подразумевая равновесие каких-либо процессов, явлений, признаков, критериев и т.п., а не какое-либо абстрактное сопоставление: «Баланс обеспечивает состояние равновесия. Это состояние поддерживается, сохраняется и меняется с помощью параметров, которые являются обязательными» [10, с. 401-402]; «Правоотношение устойчиво, когда сбалансировано его юридическое содержание – взаимные права и обязанности субъектов» [11, с. 98]. Таким образом, баланс прав и обязанностей субъектов правоотношений, соответствие обязанностей одного правам другого есть равноправие как элемент баланса, его определяющий признак.

Безусловно, равновесие, равноправие – основные характеристики баланса интересов, в которых раскрывается его сущность. Но при этом содержание понятия «баланс интересов» этими категориями не исчерпывается. Это обусловлено тем, что степень удовлетворения интересов тех или иных субъектов правоотношений характеризует саму правовую жизнь в целом. Как отмечает А.В. Малько, «в правовой жизни есть и гармония между ее элементами, но есть и определенный разлад, рассогласованность, нарушение известного равновесия» [12, с. 125].

Достижение баланса интересов предполагает обеспечение потребностей всех субъектов правоотношений с учетом их объективного противоречия. Поэтому сам баланс с точки зрения соотношения интересов государства и личности, по нашему мнению, может быть определен не только как состояние равновесия и равноправия, но и согласованности, взаимообусловленности и взаимозависимости этих интересов. При этом на пути к установлению такого состояния допускается выделение приоритетных интересов, что ни в коей мере не должно приводить к нарушению гармонии, дисбалансу.

Так, в настоящее время неопровержимым является мнение о том, что гражданское общество «должно основываться на оптимальном сочетании публичных и частных интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод» [13, с. 8]. При этом установление приоритета частных интересов над публичными не приводит к нарушению баланса, а напротив, направлено на его достижение, так как государство во взаимоотношениях с личностью – всегда более сильная сторона. Как справедливо утверждает Н.С. Бондарь, это выражается в следующем:

1. Властная компетенция государства и специальный аппарат принуждения для эффективного воплощения своей воли.

2. Наличие у государства достаточных материальных ресурсов для реализации властных предписаний.

3. Государство, ограничивая личность в ее правах и свободах, может руководствоваться принципом особой значимости публичного интереса, который, в отличие от частного, призван, с одной стороны, обеспечивать устои общества и государства как условие их существования, с другой – гарантировать удовлетворение частных интересов в их единичном и концентрированном («усредненном») выражении [14, с. 134].

Действительно, в ряде случаев вмешательство государства в частные интересы продиктовано объективной необходимостью. Например, такое вмешательство может быть оправданным в том случае, если оно осуществляется для обеспечения интересов национальной безопасности (правоохранительная деятельность, деятельность в условиях чрезвычайных ситуаций, оборона от внешней агрессии и т.д.). Как отмечает С.А. Горшкова, «нормы, позволяющие ограничить действие некоторых прав человека, вводятся с целью установления равновесия между правами отдельных граждан и интересами общества и государства в целом, а также в случае, когда между ними могут возникнуть противоречия» [15, с. 83-84]. В подобных ситуациях приоритет отдается государственным интересам, однако это вновь не означает нарушение баланса, так как вопросы национальной безопасности касаются не только государства, но и личности, общества.

Таким образом, учитывая разнообразие общественных отношений, можно утверждать, что содержание баланса интересов предполагает, в первую очередь, определение предметной сферы, в которой эти интересы реализуются. И в зависимости от этой предметной сферы допускается установление приоритета либо частных, либо государственных интересов, что в целом не приводит к установлению дисбаланса в этих взаимоотношениях и не означает игнорирования интересов одной из сторон.

Итак, целью правового регулирования выступает достижение баланса интересов личности и государства, состояния

их равновесия и равнозначности. Эта цель может быть реализована только в условиях правовой государственности, где права и свободы человека провозглашены высшей ценностью, являются непосредственно действующими и определяют смысл и содержание деятельности всех ветвей государственной власти.

Думается, ошибочно мнение о том, что только в обособлении, отдалении от государства реализуются идеи свободы, принципы законности и справедливости, коренные интересы граждан. Индивид как частное лицо, обладающее автономной волей, имеющее свои особенные жизненные цели и сознающее самоценность собственной личности, есть элемент либеральной доктрины и вытекающей из нее идеи демократического правового социального государства.

В концепции правового государства именно человек является целью всей панорамы государственно-правовой жизнедеятельности общества, ведь в его правовом статусе отражается взаимосвязь государства и личности, раскрываются сущностные, качественные стороны взаимодействия данных субъектов. В литературе приводятся различные дефиниции правового статуса личности, которые, по сути, выражают один и тот же подход: это совокупность прав, свобод и обязанностей [16, с. 91; 17, с. 167]. Наиболее полно, по нашему мнению, определяет правовой статус личности В.Н. Влазнев, понимая его как обусловленное паритетностью взаимоотношений государства и личности самостоятельное положение ее во всех сферах жизнедеятельности государства; и наделение личности в связи с этим комплексом гарантированных социальных, экономических, политических и других прав и свобод в сочетании с возложенными на нее обязанностями и ответственностью перед обществом [18, с. 125-126].

Правовой статус личности позволяет установить такое взаимодействие, при котором «государственное управление выступает не в качестве инструмента диктатора, а равноправного с личностью партнера в системе общественных отношений,

сущность которых выражается в том, что из них устраняется авторитаризм, позволяющий ставить личность в зависимое положение от государственного аппарата» [18, с. 125].

Безусловно, закрепление идей правовой государственности в Конституции РФ – огромное достоинство Основного закона, но тем не менее говорить о достаточной гармонии во взаимоотношениях между государством и человеком пока преждевременно. Все еще многочисленны факты неуважения и попрания достоинства и прав граждан, проявления произвола, бюрократизма, невыполнения властью своих обязательств перед гражданами, особенно в отношении таких категорий, как малообеспеченные, пенсионеры, военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел, ветераны войны и труда.

В связи с этим многими исследователями справедливо отмечается декларативность положений Конституции о правах и свободах человека, вызванная отсутствием экономических, политических, организационных, юридических и иных гарантий реализации провозглашенных прав, неэффективным признается и механизм их защиты. В числе основных причин этих отрицательных явлений называются: недостаточное развитие национального законодательства; восприятие большинством населения системы государственных правоохранительных органов не как структуры, защищающей человека, а как государственного механизма, защищающего государство от личности и ее проблем; неразвитость и обособленность государственных органов и учреждений, осуществляющих контроль за соблюдением прав человека и другие [19, с. 18]. Нынешняя Россия еще не смогла перебороть веками формировавшиеся традиции недооценки человека, пренебрежения к его правам и свободам. Ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная власть пока не чувствуют себя связанными правами человека [20, с. 36].

Можно констатировать, что в настоящее время Россия находится в начальной стадии перехода к гражданскому обществу

и строительству правового государства. Однако путь нашей страны в этом направлении осложняется рядом негативных факторов как прошлого, так и настоящего. К факторам прошлого могут быть отнесены многовековые традиции крепостничества и самодержавия, всемогущество власти и бесправие народа, безграничная вера в «доброту царя». К факторам настоящего – стойкий правовой нигилизм большинства населения, несоблюдение и неисполнение законов, низкий уровень правосознания управляющих и управляемых. Как справедливо отмечают исследователи, «вера в “доброту царя” отчасти характерна и для современной России, только теперь, конечно, верят в “доброту президента”. Ведь ни для кого не секрет, что существует мнение, объясняющее претензии населения к государству и охраняемой его институтами системе общественных отношений ментальными качествами российского народа, т.е. привычкой к государственному патернализму, отсутствием инициативности» [21].

В то же время необходимо признать, что принятием Конституции 1993 года сделан важный шаг на этом пути и постепенно в российском обществе формируется понимание важности проблем признания верховенства права, обеспечения и защиты прав и свобод человека, решение которых должно стать главной обязанностью государственной власти в России. Как отмечает П.П. Баранов, «российскому государству еще предстоит изжить традиции отношения к человеку как к подданному – зависимому и послушному исполнителю команд и приказов. Соблюдение прав и свобод человека не только усиливает созидательный потенциал личности и способствует ее самосовершенствованию, но и укрепляет стабильность государства» [22, с. 115].

Учитывая изложенное, значение правового статуса личности, по нашему мнению, проявляется в следующем. Во-первых, с его помощью личность приобретает эффективные механизмы влияния на публичную власть и возможность контролировать действия этой власти. Во-вторых, провозглашая права и свободы человека и гражданина, государство в этих же преде-

лах ограничивает себя в собственных действиях и решениях. В-третьих, государство и личность становятся равноправными участниками общественных отношений. Таким образом, нормы, закрепляющие правовой статус личности, занимают главенствующее место среди всех иных правовых норм и институтов, способствуя установлению баланса интересов личности и государства.

Бесспорно, провозглашение приоритета прав и свобод человека и гражданина является величайшим достижением общества, однако его абсолютизация по отношению к общесоциальным интересам создает угрозу формирования и распространения в обществе позиции крайнего индивидуализма и эгоизма, что в конечном счете может негативно отразиться на жизнедеятельности всего общества и государства. Именно поэтому, стремясь к достижению оптимального соотношения частных и публичных интересов, власть наделяет себя возможностью в определенных случаях ограничивать права граждан.

Эффективное решение проблемы установления баланса интересов личности и государства возможно лишь путем соблюдения и претворения в жизнь принципов прав и свобод человека и гражданина, как закрепленных в нормативных актах (международных договорах, Конституции, федеральных законах), так и вытекающих из природы и содержания правового положения личности.

В свете изложенного особое значение и содержание приобретает принцип взаимной ответственности государства и личности. Пронизывая все сферы взаимоотношений личности и власти, рассматриваемый принцип является основным средством достижения и поддержания баланса их интересов, представляя собой специфический механизм воплощения в жизнь правовых установлений. И от состояния фактической реализации этого механизма зависит как соблюдение всех принципов права, то есть законность и правопорядок в обществе, так и в целом уровень обеспечения прав, свобод и законных интересов личности.

Во взаимосвязи с другими принципами права принцип взаимной ответственности государства и личности представляет собой систему, являющуюся неременным условием правового взаимодействия личности и власти. Это взаимодействие реализуется в правоотношении, содержание которого составляет наличие взаимных прав и обязанностей. Именно в правах и обязанностях закрепляются достигнутый в обществе уровень свободы человеческой личности, мера ее автономии по отношению к государству и вместе с тем – границы, в пределах которых реализация прав не перерастает в произвол.

Основной обязанностью государства является предоставление личности прав и свобод, гарантирование их осуществления и защиты, обязанность личности – «строить свое поведение в соответствии с требованиями Основного закона, блюсти общий интерес, исполнять свой долг, уважать права друг друга» [23, с. 44]. Государство и личность как стороны указанных правоотношений равны и должны добросовестно выполнять свои обязанности. В случае их неисполнения или ненадлежащего исполнения они несут юридическую ответственность в установленном законом порядке.

При этом главный смысл взаимной ответственности состоит не в том, чтобы удержать кого-либо от совершения противоправных действий, а в побуждении всех участников правоотношений к правомерному поведению, поощряемому обществом и государством, отражающему фактическое содержание регулятивного правоотношения ответственности, обеспечивающему комфортное и достойное существование.

Однако признание позитивной направленности ответственности ни в коей мере не снижает значения так называемой ретроспективной ответственности, наступающей в случае невыполнения субъектом обязанности и связанной с возможностью применения санкций. Невыполнение обязанностей всегда нарушает чье-либо право (государства, его органов, общественных организаций, частных лиц). Поэтому применение в необходимых случаях санкций, мер государственного принуждения слу-

жит одной из важных юридических гарантий нормального функционирования всего общества. Выраженное в ответственности ограничение прав и свобод обусловлено необходимостью соблюдения общепризнанных и естественных правил человеческого общежития, основанных на принципах гуманности, справедливости, нравственности. В то же время это ограничение не может происходить произвольно, а должно подчиняться общим принципам права.

Как верно отмечает Б.С. Эбзеев, «сочетание и взаимодействие интересов индивида и общества являются условием подлинной свободы, отличной от произвола, и истинной индивидуальности человека и основным социальным содержанием взаимной ответственности (позитивной и негативной) личности и общества, гражданина и государства [24, с. 49].

Таким образом, основу гармоничного сосуществования государства и личности составляет правовая система, основанная на признании и претворении в жизнь требований принципа взаимной ответственности государства и личности при приоритете в их взаимоотношениях прав и свобод человека и гражданина. Именно данный принцип, являясь частью механизма согласования личных и общественных интересов, определяет пределы вторжения государства в личную сферу гражданина, а также границы индивидуальной автономии личности.

Последствием нарушения принципа взаимной ответственности государства и личности является либо установление примата государства над гражданами, и тогда последние могут стать жертвами произвола и беззаконий, либо, напротив, узаконение неограниченных возможностей личности по реализации прав, что в условиях отсутствия обязанностей грозит анархией, разрушением государственности и подрывом основ человеческого общежития.

Термин «ответственность», используемый в преамбуле Основного закона, выступает в качестве мотивации принятия Конституции и составляет основу основ конституционного строя, поскольку определяет фундамент взаимоотношений

народа и государства, предопределяет обязанность личности защищать общество и служить ему, уважать государство, которое, в свою очередь, обязано обеспечить охрану личности, ее жизни и здоровья, имущества и прав [24, с. 60].

Устанавливая оптимальное соотношение публичного и частного начал в организации общественной жизни, принцип взаимной ответственности власти и личности способствует становлению и развитию стабильных, гуманных и справедливых отношений между человеком, обществом и государством при условии обязательного подчинения всех этих отношений велениям права.

1. Уткин Д.В. Административное судопроизводство в системе правового государства // Правовая наука и реформа юридического образования. сб. науч. тр. Вып. 15. С. 328-340.

2. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 513 с.

3. Затонский В.А. Гражданское общество и государство: противостояние или партнерство // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 17. С. 43-45.

4. Субочев В.В. Законные интересы: монография / под ред. А.В. Малько М.: Норма, 2008. 359 с.

5. Интервью с В.Д. Зорькиным, председателем Конституционного Суда РФ // Законодательство. 2008. № 12. С. 11-14.

6. Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 15-17.

7. Словарь иностранных слов. 19-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1990. 623 с.

8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 921 с.

9. Кудашкин В.В. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» [Электронный ресурс]: СПС Консультант Плюс. Материал подготовлен с использованием правовых актов по состоянию на 18 марта 2002 года.

Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

10. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. М.: Юринформцентр, 1998. 780 с.

11. Маланыч И.Н. Анализ и оценка соотношения интересов личности, общества и государства при конституционном регулировании права граждан на информацию // Юридические записки. Вып. 17. Государственная власть в России: Проблемы осуществления и развития / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. 476 с.

12. Малько А.В. Правовая жизнь как общетеоретическая категория // Правовая наука и реформа юридического образования: сб. науч. тр. Вып. 10. Государственность и право современной России: Проблемы и развитие. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 1999. 322 с.

13. Становление гражданского общества: Личность, самоуправление, власть: монография / под ред. Т.Д. Зражевской. Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2002. 187 с.

14. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации: монография. М.: Юстицинформ, 2005. 592 с.

15. Горшкова С.А. Дерогация по Европейской конвенции и Россия // Московский журнал международного права. 1999. № 4. С. 83-84.

16. Права человека: учебник для вузов / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2003. 524 с.

17. Кутафин О.Е. Государственное право Российской Федерации: курс лекций. Т. 1. М., 1993. 372 с.

18. Влазнев В.Н. Гражданское общество как предмет конституционно-правового исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 200 с.

19. Утяшев М.М., Утяшева Л.М. Права человека: взгляд изнутри, или что знают о своих правах в российской глубинке // Права человека в российском правосознании. Опыт прикладного исследования. Уфа: Полиграфкомбинат, 2004. 127 с.

20. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России: монография / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008. 352 с.

21. Бутылин В.Н., Гончаров И.В., Барбин В.В. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел [Электронный ресурс]: курс лекций. М.: Академия управления МВД России, 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Баранов П.П. Институты гражданского общества в правовом пространстве современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 145 с.

23. Матузов Н.И. Права человека и общерегулятивные правоотношения // Правоведение. 1996. № 3. С. 41-48.

24. Эбзеев Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. М.: Норма, 2007. 384 с.

Раздел 2. Проблемы государственного и муниципального строительства

ПООЩРЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УВАЖЕНИЯ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫМ СВОБОДАМ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

В.В. Барбин

(доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва; barbinv@mail.ru)

В статье проводится анализ общепризнанных принципов и норм о правах человека, согласно которым государствами должны осуществляться поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам. На основе результатов исследования делаются выводы о том, что в современной России необходимо шире применять поощрительные меры в сфере обеспечения прав человека и гражданина, требуется повысить эффективность их воздействия на интересы личности и мотивы ее поведения.

Ключевые слова: Устав ООН, права человека и основные свободы, международные стандарты в области прав человека, международное сотрудничество, поощрение как метод правового регулирования, поощрительные нормы.

В современном мире права человека регулируются не только национальным, но и международным правом, причем роль международного права в последние годы неуклонно возрастает. Положения, отражающие достижения человеческой цивилизации в области уважения и поощрения прав человека, внесены во внутригосударственное законодательство различных стран мира, и Российская Федерация не является здесь исключением. Многие из государств, как и Россия, возложили на себя обязанности соблюдать, уважать и защищать человека, его права и свободы.

В этом смысле поощрительное законодательство России предполагает сходство определенных стандартов в международной среде. Иными словами, можно полагать, что институт правового поощрения составляет нормативную подсистему международного права. По своей социальной и юридической природе поощрительные нормы права отражают исторические закономерности развития человеческой цивилизации.

Первостепенное значение в области поощрения и развития уважения всех прав человека имеет принятый в 1945 г. Устав Организации Объединенных Наций, провозгласивший в качестве идей названной организации осуществление международного сотрудничества в гуманитарной

сфере, поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех людей без исключения [1, с. 11-35]. Этот документ явился политическим и юридическим фундаментом для последующего сотрудничества суверенных государств и народов в области поощрения и развития уважения всех прав человека.

Уже в ст. 1 Устава ООН одной из целей создания организации определяется необходимость осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Первым в истории международных отношений документом, закрепившим перечень основных прав и свобод личности, к обеспечению которых должны стремиться государства, явилась Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. и в силу обычая приобретшая обязательную силу. Этот документ содержит перечень как гражданских и политических, так и социальных, экономических и культурных прав человека, к выполнению и обеспечению которых должны стремиться все народы и государства. В ст. 23 Декларации нашел

свое отражение принцип справедливости, являющийся важнейшим условием эффективного функционирования всей системы правового стимулирования: «каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для него самого и его семьи и дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения» [2, с. 218-223].

Международный пакт о гражданских и политических правах [3, с. 232-249] и международный пакт об экономических, социальных и культурных правах [4, с. 223-232], так же как и Устав ООН, однозначно ориентируют на поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам: «государства обязаны поощрять всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека...». Эти документы устанавливают минимальный стандарт прав человека, который обязаны признавать и обеспечивать государства-участники.

Принцип, согласно которому «государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы...» и «поощрение и защиту всех прав человека и основных свобод необходимо рассматривать в качестве первоочередной задачи Организации Объединенных Наций...», нашел свое подтверждение и в Венской декларации и программе действий 1993 года [5, с. 521-540].

Другим значительным документом стала Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, принятая 7 января 1994 г. «Верховный комиссар по поощрению и защите всех прав человека». В ней подчеркивается обязанность всех государств в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций поощрять и развивать уважение ко всем правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии. При этом устанавливается необходимость соблюдения Всеобщей декларации прав человека [6, с. 545-550]. В названной резолюции Организации Объединенных Наций также подчеркивается,

что поощрение и защита всех прав человека являются первоочередными задачами международного сообщества.

Современное международное право поощряет индивида все более активно участвовать в борьбе за соблюдение международных стандартов в области прав человека. Например, Итоговый документ встречи государств – участников СБСЕ в Вене предписывает государствам уважать право своих граждан, самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав человека и основных свобод, предусматривает право лиц наблюдать за осуществлением и способствовать выполнению положений документов СБСЕ и присоединяться к другим с этой целью [7]. Документ Копенгагенского совещания СБСЕ обязывает государство обеспечивать, чтобы отдельным лицам было разрешено осуществлять право на ассоциацию, включая право создавать, присоединяться и эффективно участвовать в деятельности неправительственных организаций, которые стремятся поощрять и защищать права человека и основные свободы, включая профсоюзы и группы по наблюдению за соблюдением прав человека [8, с. 653-663].

Главная задача, которая стоит перед мировым сообществом и его органами, – это требовать от каждого государства и правительственных органов признания человеческого достоинства, равных и неотъемлемых прав личности. Данные права составляют основу свободы, справедливости и всеобщего мира. Они вытекают из природы человека. Для осуществления прав человека государство должно создавать такие условия, при которых каждый может пользоваться своими экономическими, социальными и культурными правами подобно тому, как он пользуется гражданскими и политическими правами.

Международное сотрудничество в области прав и свобод человека дополняется региональными конвенциями [см., например: 9, с. 255-273; 10, с. 159-179].

Сегодня праву многих государств мира, как и российскому праву, присуще признание общечеловеческих ценностей,

что и обусловило «согласование воли» многих государств в области поощрения и развития уважения всех прав человека – социально-экономических, политических, культурных и др.

Анализ ряда конституций современных государств позволяет сделать вывод, что есть направления деятельности, развитие которых поощряется практически во всех странах, – это добровольное страхование, благотворительность, жилищное строительство, физическая культура и спорт (ст. 28 Конституции Казахстана [11, с. 200-242], ст. 27 Конституции Кыргызстана [12, с. 244-286], ст. 53 Конституции Литвы [13, с. 552-596]).

Однако в каждом государстве сложился и свой предмет поощрения. Например, в Эстонской Республике поощряется попечительство, осуществляемое самоуправлением [14, с. 598-632]. Конституция Швеции определяет, что «будет поощряться право этнических, языковых и религиозных меньшинств сохранять и развивать собственную культурную и общественную жизнь» [15, с. 598]. В Италии согласно ст. 47 Конституции поощряются и охраняются сбережения во всех формах. Республика способствует вложению сбережений населения в жилищную собственность, в непосредственно культивируемую земельную собственность и в форме прямого или косвенного акционариата в крупные производственные комплексы страны [16, с. 125-159].

Здесь уместно будет сказать, что моральные, нравственно-психологические поощрения имеют не менее важное значение наряду с финансово-экономическими, материальными.

Вряд ли правильным был отказ в условиях «безудержных реформ» от такой меры поощрения, как занесение на Доску Почета. Либералы ссылались в основном на то, что это пережиток социализма. Оказывается, есть и золотая Доска почета ООН, на которую заносятся имена лауреатов мировой премии ООН «За выдающийся вклад в политику, науку, технологии и их практическое применение в области снижения катастроф» [17].

Или другой пример: самое большое околуправительственное учреждение в Вашингтоне – Смитсоновский институт, занявшее целый национальный проспект от Капитолия до памятника Линкольну и включающее в себя огромное количество всяких музеев, Национальную картинную галерею, Национальный музей авионики... Вроде бы это всего лишь музеи, но руководят Смитсоновским институтом – действующий вице-президент США и действующий председатель Верховного суда! Потому что Смитсоновский институт – поставщик образцов. Повесьте портрет не того национального героя в галерею национальных героев – и результат окажется сильнее решения Верховного суда. Вот как значим символический мир! И надо признать, что он существует и у нас. И функционирует по очень похожему принципам.

Думается, что подобные поощрительные меры можно и нужно применять и в сфере обеспечения прав человека и гражданина, в том числе и в современной России. В условиях «передислокации» методов правового регулирования необходимо повысить статус данного юридического приема, расширить его регулятивные возможности, привести политику в сфере поощрений в соответствие с современной иерархией социальных ценностей. Поэтому сегодня все большую актуальность приобретает проблема поощрения как метода правового регулирования. Без специального изучения и совершенствования этого до последнего времени малоисследованного юридического средства невозможно повысить эффективность его воздействия на интересы личности и мотивы ее поведения. Настоящее состояние юридической действительности требует разработки поощрения как особого способа упорядочения общественных отношений, который позволит более полно использовать потенциал реформируемой российской правовой системы.

Проводимые в России преобразования в экономической, политической, социальной и духовной сфере создали объективные предпосылки для сближения российского и международного права в

области поощрения и развития уважения всех прав человека.

Сообразно объективным потребностям современного общества и правовым ценностям, закрепленным в международно-правовых документах, в российском праве сформировался новый институт правового поощрения, гарантирующий широкий простор для свободного активного поведения личности. Становление института поощрения в системе российского права является социально значимым явлением в процессе приведения его в соответствие с требованиями гражданского общества. В этом наглядно проявляется ценность поощрительного юридического инструментария, отражающего достижения человеческой цивилизации.

Нет сомнения, что институт правового поощрения, способствующий развитию свободы, личной самостоятельности, независимости личности, создаст надежный механизм стимулирования и обеспечения правомерного общепольного поведения средствами, исключаящими принуждение.

В современных условиях нельзя недооценивать роль поощрительных норм права. В них наиболее отчетливо проявляется главная ценность права, которая состоит в том, что «оно несет в себе этический элемент, ибо речь идет о том, чтобы смягчить проявления насилия хотя бы крупницей человеколюбия» [18, с. 352]. Поощрительные нормы как особая разновидность юридических норм обеспечивают достижение консенсуса между всеобщим и собственным интересом личности, опираясь на обеспечительные средства, исключая государственное принуждение. Поощрения в целях стимулирования правомерной реализации прав человека можно рассматривать как составную часть международного права прав человека.

Насилие над человеком, которое трансформировалось в правовые оковы, сдерживающие его свободу, сегодня потеряло былую эффективность. История доказала непригодность подобных методов управления. Напротив, поощрительное законодательство создает основу для соци-

ального согласия, благожелательный фон для свободной деятельности человека. Поощрение более предпочтительно для человека, ибо является выражением свободы, «гражданской автономности личности».

Таким образом, можно сделать вывод, что в системах национального права объективно доминирующее значение имеют факторы национальной культуры, национального своеобразия, и все же общечеловеческие ценности, заложенные в них, стали основой сближения правовых систем мира, но придали им и своеобразную специфику. В ней находят выражение исторические закономерности развития человеческой цивилизации, отражающие идеалы справедливости, гуманизма, свободы, отвечающие интересам народов всей нашей планеты. Как следствие этого, происходит структурная сбалансированность юридических компонентов – прав, обязанностей, поощрений, ответственности. При этом поощрение и защита прав человека является одной из первоочередных задач международного сотрудничества. Однако поощрение и развитие уважения ко всем правам человека не могут быть производными исключительно от международного сотрудничества и международного права. Оно не может быть привнесено извне, минуя его эволюцию в каждом конкретном обществе и государстве.

Являясь составной частью международного права, институт правового поощрения в сфере развития прав человека предназначен для создания позитивных правовых стимулов в области уважения и защиты прав человека. Международно-правовые акты не содержат четких указаний относительно вида и меры поощрения, но тем не менее в них содержатся стимулирующие начала по выполнению взятых государствами обязательств в области уважения и защиты всех прав человека, что одобряется и поддерживается мировым сообществом. Процесс глобализации в области поощрения и развития уважения всех прав человека является основой международного сотрудничества в этой области.

Основной общей задачей поощрительных норм, содержащихся в междуна-

родно-правовых актах, является регулирование международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Для решения этой задачи создаются различные международные организации, поддерживающие идею о добрососедском развитии всего цивилизованного мира в рамках единого мирового сообщества; осуществляется интеграция международного сообщества с целью поощрения и развития определенных прогрессивных институтов и программ, а также совместного разрешения масштабных мировых проектов, связанных с гуманными целями развития и взаимопомощи государств друг другу.

Частной задачей международных поощрительных норм является регулирование конкретных направлений деятельности международного сообщества в определенной сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина, решение которой осуществляется поэтапно в порядке их первостепенной важности. Перечень этих направлений не является исчерпывающим и меняется в соответствии с меняющимися международными реалиями.

1. Устав Организации Объединенных Наций. Сан-Франциско, 24 октября 1945 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, Юрайт-Издат, 2007.

2. Всеобщая декларация прав человека, 10 декабря 1948 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, Юрайт-Издат, 2007.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, Юрайт-Издат, 2007.

4. Международный пакт об экономических, социальных, культурных правах, 16 ноября 1966 г. // Действующее международное право. Документы: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, Юрайт-Издат, 2007.

5. Венская декларация и программа действий (Принята в г. Вене 25.06.1993 на 2-ой Всемирной конференции по правам человека) // Международное публичное право: сб. документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996.

6. Декларация о праве на развитие от 4 декабря 1986 г.: Резолюция 41/128 Генеральной Ассамблеи ООН // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. М.: Междунар. отношения, 1989.

7. Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений Заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после Совещания. М.: Изд-во полит. лит., 1989.

8. Документ Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ (Вместе с «Заявлением Председателя по вопросу о доступе неправительственных организаций и средств массовой информации на совещания, конференции по человеческому измерению»), подписан в г. Копенгагене 29 июня 1990 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.

9. Европейская социальная хартия (ETS № 35) (Вместе со «Сферой действия социальной хартии в отношении лиц, находящихся под ее защитой»): принята в г. Турине 18 октября 1961 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: документы и материалы. М.: Междунар. отношения, 1989.

10. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СССР и международное сотрудничество в области прав человека: Документы и материалы. М.: Междунар. отношения, 1989.

11. Конституция Республики Казахстан // Конституции стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / сост. Г.Н. Андреева. М.: Юрист, 1999.
12. Конституция Кыргызской Республики // Конституции стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / сост. Г.Н. Андреева. М.: Юрист, 1999.
13. Конституция Литовской Республики // Конституции стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / сост. Г.Н. Андреева. М.: Юрист, 1999.
14. Конституция Эстонской Республики // Конституции стран СНГ и Балтии: учеб. пособие / сост. Г.Н. Андреева. М.: Юрист, 1999.
15. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. и со вступ. ст. Л.А. Окунькова. М.: НОРМА, 2001.
16. Конституция Италии // Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В.В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002.
17. Оганесян Л. Землетрясение состоится... // Парламентская газета. 2003. 11 янв.
18. Мерам Ж. 125 лет журналу МКК // Международный журнал МКК. 1995. № 4.

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

А.А. Мишунина

(профессор кафедры государственного и муниципального управления и права
Тюменского государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат юридических наук; MishuninaAA@duma72.ru)

Н.А. Чупина

(соискатель кафедры конституционного и муниципального права Института
государства и права Тюменского государственного университета;
MishuninaAA@duma72.ru)

В статье на основе анализа понятий, сущности и содержания миграционного права и основных элементов режима пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации дается оценка изменениям, вносимым в федеральное миграционное законодательство.

Ключевые слова: миграционное право, миграционный режим, иностранный гражданин, миграционный процесс, государственное регулирование, миграционная политика.

Вопросы регулирования миграционных процессов приобретают сегодня важное значение, поскольку позитивные и негативные стороны этого явления оказывают существенное влияние на развитие любого государства [1]. Умение наладить управление этими процессами, особенно в условиях мирового финансово-экономического кризиса, является сегодня одним из основных показателей эффективности деятельности органов власти любого государства, которое использует труд иностранной рабочей силы для развития своей экономики [2, с. 5].

По данным Глобальной комиссии по международной миграции, отраженным в докладе «Миграция во взаимосвязанном мире: новые направления деятельности», Россия занимает второе место после США среди стран, которые принимают больше всего мигрантов [3]. В значительной степени это связано как с социально-экономической привлекательностью нашей страны, так и с ростом человеческой мобильности в условиях мировой глобализации.

Для России миграция становится все более значимым фактором демографического, экономического и культурного развития страны. В ближайшие десятилетия значение миграции еще более повысится. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, сокращение численности населения

в трудоспособном возрасте, начавшееся в 2007 году, к 2015 году достигнет примерно 8 млн человек, а к 2025 – 14 млн. Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста произойдет в период с 2011 по 2017 гг., когда среднегодовая убыль населения этой возрастной группы будет превышать 1 млн человек. В таких условиях труд может превратиться в один из самых дефицитных ресурсов в России.

Трудовая миграция уже сегодня стала одним из условий успешного функционирования российской экономики. Легальные иностранные работники в 2008 г. составляли примерно 3 % среди занятого населения России; при этом в строительстве этот показатель составлял 13 %. С учетом оценок нелегальной составляющей доля мигрантов в общей численности занятых приблизительно равна 10 %, что соответствует уровню таких европейских стран, как Германия и Австрия. Это говорит о том, что во многих регионах России труд иностранных работников уже стал структурообразующим фактором экономики, которая не в состоянии эффективно функционировать без привлечения мигрантов [4].

Таким образом, эффективное регулирование миграционных процессов в современных условиях должно стать одним из центральных и стратегически значимых

направлений российской государственной политики.

Многие страны, имеющие серьезный опыт регулирования миграции, в своем законодательстве задают определенные параметры мигрантов, стимулируя переселение одних категорий мигрантов и предотвращая приток других. Так, например, в США большой акцент делается на стимулировании притока «экономически полезных» групп мигрантов (известные ученые и исследователи, международные менеджеры и директора, лица с высоким уровнем образования или исключительными способностями, определенные группы рабочих и специалистов, имеющих договор о найме; инвестиционные иммигранты) [5, с. 246].

Экономическую целесообразность переселения соблюдают и другие опытные в миграционном плане страны (Канада, Новая Зеландия, Австралия). Такая миграционная политика позволила этим государствам существенно повысить свое благосостояние [6].

Подобную модель регулирования миграционных процессов можно наблюдать и на примере Германии. Так, новый Закон 2004 года [7], вступивший в силу в 2005 году, стал поворотным моментом в миграционной политике Германии, заменив этнический принцип отбора иммигрантов требованием экономической выгоды [8, с. 37]. Кроме того, данным законом предусмотрено, что высококвалифицированные мигранты могут рассчитывать на постоянное проживание после въезда в Германию, в то время как потоки низкоквалифицированных мигрантов ограничены. В то же время особое внимание уделяется инвесторам, которые готовы вложить не менее 1 млн евро, и предпринимателям, создающим не менее 10 рабочих мест. В случае успешности их бизнеса они могут рассчитывать на получение через три года разрешения на постоянное проживание в Германии.

России также следует обдуманно привлекать из-за рубежа рабочую силу, учитывая как сиюминутные потребности, так и последствия этого шага в перспекти-

ве [9]. В нашу страну должны приезжать мигранты не просто в поисках любой работы, а только те из них, в которых экономически заинтересовано наше государство как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации. С учетом этого иммиграционная политика России должна иметь селективный характер и формироваться на основе прагматических демографических, экономических и геополитических интересов страны [10].

Одним из направлений решения данных задач принято рассматривать принятие и реализацию Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (далее – Государственная программа), утвержденной Указом Президента РФ от 22.06.2006 № 637 [11]. Данная Государственная программа призвана купировать демографический кризис, привлечь в Россию квалифицированный трудовой потенциал, способный реанимировать экономику отсталых регионов России [12, с. 144].

Однако прошедший период действия Государственной программы показал, что ее реализация проходит довольно медленными темпами. Так, по данным Министерства регионального развития РФ, в рамках Государственной программы по переселению соотечественников с 2006 по 2012 гг. в Россию должны были переехать свыше 443 тысяч соотечественников, однако к 2009 г. переехало только 13,5 % от запланированного количества [13]. Во многом это связано с несовершенством самой Государственной программы.

Касаясь недостатков программы, следует отметить, во-первых, следующее: граждане, прибывшие на определенную территорию Российской Федерации для постоянного проживания до начала реализации программы, стать ее участниками не могут. Таким гражданам предлагают вернуться назад и послать заявку на участие в программе [14]. То есть данная программа не предусматривает никаких гарантий для соотечественников, самостоятельно переселившихся в Россию до введения программы в действие, проживающих и

ведущих трудовую деятельность на нелегальном положении.

Другим недостатком Государственной программы является недостаточная заинтересованность субъектов Российской Федерации в приеме переселенцев [12, с. 146]. Привлечение в субъект Российской Федерации соотечественников требует от органов исполнительной власти принятия срочных мер по обеспечению жильем, социальными гарантиями, трудоустройству, иногда профессиональной переподготовке прибывших потенциальных работников. Как показывает практика, при существующих в некоторых субъектах отсталой инфраструктуре, безработице и дефиците бюджета данные действия оказываются не под силу региональным властям.

Существенным преимуществом Государственной программы является возможность получения российского гражданства в упрощенном порядке. Однако реализовать данную возможность могут далеко не все участники Государственной программы. В соответствии с Федеральным законом от 01.10.2008 № 163-ФЗ [15] статья 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» [16] дополнена частью 7, устанавливающей упрощенный порядок принятия в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих регистрацию по месту жительства на территории субъекта Российской Федерации, выбранного ими для постоянного проживания в соответствии с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Как видно, одним из условий реализации данной нормы является наличие у иностранных граждан и лиц без гражданства – участников Государственной программы – регистрации по месту жительства в соответствующем субъекте Российской Федерации. Словом, от переселенца, не имеющего жительства, требуется регистрация по месту жительства. По мнению ряда авторов, «... в сущности, ловушка получается» [17].

Поправка, призванная устранить данное положение, была внесена в Государственную Думу Федерального Собрания РФ Законодательным собранием Калужской области. Так, в представленном проекте Федерального закона «О внесении дополнений в пункт 7 статьи 14 Федерального закона “О гражданстве РФ”» [18] слова «имеющие регистрацию по месту жительства» дополнены словами «либо вставшие на учет по месту пребывания».

Еще одним минусом Государственной программы является отсутствие продуманного подхода к вопросу адаптации мигрантов к новой среде, а также проблеме взаимоотношений мигрантов с местным населением. Если говорить об отношениях местного населения с мигрантами, то следует отметить, что оно не всегда адекватно воспринимает переселенческую программу. Образ жизни, традиции, ценности, нормы поведения иммигрантов и местного населения нередко кардинальным образом отличаются. Зачастую мигранты привносят в жизнь местного населения новое, воспроизводящее их социокультурные традиции, но чуждое принимающей общности, снижающее основные показатели качества жизни.

Местное население осознает угрозу образу и укладу своей жизни, социокультурным традициям и нормам, относительной стабильности, достигнутой в процессе адаптации к происходящим в России трансформационным изменениям и вынуждено защищать свою безопасность, что и приводит к снижению уровня толерантности и возрастанию конфликтности по линии «иммигранты – местное население» [19, с. 57].

С целью снижения негативных тенденций во взаимоотношениях мигрантов и коренного населения необходимо систематически анализировать уровень толерантности и проводить оценку настроений и поведения населения, что будет способствовать расширению комплекса мер, позволяющих мигрантам адаптироваться в новой среде обитания, а старожилам не чувствовать себя обделенными. Кроме того, важно сформировать единое инфор-

мационное пространство, позволяющее эффективно взаимодействовать федеральным и региональным властям, стимулировать интенсивное целевое заселение региона соотечественниками и гражданами РФ, адаптация которых к местному укладу жизни проходит легче, чем у иностранных мигрантов.

Если говорить о трудовой миграции как основном направлении пополнения трудовых ресурсов, то следует отметить, что для более успешной адаптации мигрантов необходимо обеспечить возможность трудоустройства, соответствующий уровень заработной платы, предоставление жилья, бытовое обустройство, оказывать внимание со стороны местных властей к их проблемам, возникающим на новом месте, также возможно создание на территории предприятий, принимающих трудовых мигрантов, специальных социальных служб по оказанию психологической, социальной поддержки. Кроме того, для более успешной адаптации мигрантов необходимо основательно знакомить их с действующим законодательством, оказывать консультативную помощь.

По нашему мнению, этому подходу соответствует создание сети многофункциональных центров по приему и трудоустройству мигрантов. Так, в рамках программы «Добрососедство» в июне 2008 года в городе Самаре открыт Поволжский межрегиональный центр поддержки мигрантов Федеральной миграционной службы РФ [20]. Подобные центры могли бы взять на себя оказание услуг по аутсорсингу – комплекс услуг как для работодателя, так и для работника по обеспечению восполнения дефицита рабочей силы. Предполагается, что подобные центры должны взять на себя функции, которые не входят в компетенцию территориальных структур федеральных органов исполнительной власти и на которые в бюджете не предусмотрено выделение средств, отсюда возникает необходимость частно-государственного партнерства [21]. Государственные услуги включают в себя оформление документов, продление срока действия документов, дающих иностранным работникам право на

пребывание на территории страны, осуществление трудовой деятельности. Частные же услуги предполагают доставку, рекрутинг, подбор, обучение, переобучение иностранных специалистов.

Переходя к законодательному обеспечению модернизации миграционной политики России, следует отметить законопроекты в сфере регулирования миграционных процессов. В частности, заслуживает внимания проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, Налоговый кодекс Российской Федерации и Бюджетный кодекс Российской Федерации» (далее – законопроект), внесенный Правительством Российской Федерации на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации и принятый в первом чтении [22].

Так, в частности, законопроект предусматривает совершенствование механизма регулирования трудовой деятельности, осуществляемой лицами, законно въехавшими в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, вставшими на учет по месту пребывания и осуществляющими поиск работы на ее территории самостоятельно. Данный миграционный поток предлагается разделить посредством двух различных механизмов регулирования трудовой деятельности: у работодателей – хозяйствующих субъектов и у работодателей – физических лиц, не преследующих цели извлечения прибыли [23].

Для осуществления трудовой деятельности у работодателей – хозяйствующих субъектов иностранный гражданин получает в ФМС России разрешение на работу. Срок действия такого разрешения не будет превышать срока разрешенного временного пребывания (как правило, не более 90 суток со дня въезда). В случае расторжения трудового договора до истечения срока действия разрешения на работу иностранный гражданин в течение пятнадцати дней вправе заключить новый договор и обратиться в ФМС России за продлением срока действия разрешения на работу. В противном случае иностранный

гражданин должен будет выехать из Российской Федерации.

Законопроектом устанавливается, что для осуществления трудовой деятельности по найму у физических лиц иностранные граждане должны приобретать в территориальных органах ФМС России патент, стоимость которого составляет 1 000 рублей в месяц. Срок действия патента продлевается без обращения в территориальный орган федерального органа исполнительной власти в сфере миграции путем ежемесячного внесения иностранным гражданином платы в размере стоимости выданного ему патента. Оплата патента является авансовой формой уплаты иностранным гражданином налога на доходы физических лиц.

Поскольку российское государство на сегодняшний день заинтересовано прежде всего в высококвалифицированных профессионалах, постольку необходимо разработать меры селективной миграционной политики; создать действительно экономически привлекательные условия для переезда и обустройства на новом месте высококвалифицированных специалистов. Примером реализации такой политики может служить принятие во втором чтении поправки в закон «О правовом положении иностранных граждан. Документ был внесен Правительством Российской Федерации и принят в первом чтении в феврале 2009 г. Ко второму чтению он серьезно скорректирован: изменения касаются порядка привлечения высококвалифицированных специалистов, это сделано по поручению Президента Дмитрия Медведева для развития инновационных проектов.

Высококвалифицированные иностранные специалисты будут получать разрешение на работу в России вне квот Федеральной миграционной службы (ФМС), достаточно будет письменного ходатайства. Уровень квалификации специалиста будет определяться по зарплате: она должна превышать 2 млн руб. в год. В документе говорится, что Правительство РФ вправе снижать эту сумму.

Разрешение на работу высококвалифицированному специалисту будет выда-

ваться на весь срок трудового договора, но не более чем на 3 года (сейчас – 1 год), с возможностью неограниченного числа продлений. Одновременно с разрешением иностранный специалист и его семья получают и вид на жительство в России. Изменения коснутся и налогов: для высококвалифицированных нерезидентов ставка НДФЛ будет такой же, как и для россиян, – 13 % (сейчас – 30 %). Поправки вступят в силу с 1 января 2011 г.

По нашему мнению, вступление в силу указанных федеральных законов должно стать первым этапом реализации селективной миграционной политики Российской Федерации, направленной на обеспечение интересов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. Именно такой комплексный подход будет способствовать совершенствованию миграционного законодательства Российской Федерации.

1. Земскова А.В. Миграция и международное сотрудничество (тезисы выступления) [Электронный ресурс]. URL: http://www.forum-ndm.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=76&Itemid=31 (дата обращения: 3 мая 2010 г.).

2. Сметанюк С.И. Совершенствование законодательства в области привлечения и использования иностранной рабочей силы в Российской Федерации // Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 29-30 мая 2009 г. / под ред. Г.С. Корепанова. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский гос. ун-т, 2009.

3. Лебедева Н. Переезжающая Бразилия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2006/02/22/brazilia.html> (дата обращения: 3 мая 2010 г.).

4. О миграционной политике в сфере трудовой и учебной миграции, в том числе в условиях мирового экономического кризиса / Е.В. Тюрюканова, В.В. Крештель, Ж.А. Зайончковская, О.Д. Выхованец [Электронный ресурс] // Протокол № 4 заседания научного совета Федеральной миграционной службы (г. Москва, 10 ап-

реля 2009.). URL: http://www.fms.gov.ru/about/science/science_session/forth/prot4.pdf (дата обращения: 5 мая 2010 г.).

5. Шеломенцева В.П. Инновационные механизмы социализации и мигрантов // Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 29-30 мая 2009 г. / под ред. Г.С. Корепанова. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский гос. ун-т, 2009.

6. URL: http://www.beregrus.ru/artmon/txt/?news_id=459 (дата обращения: 6 мая 2010 г.).

7. Germany-Immigrant Workers needed // Europe Immigration News. 2004. 21 October.

8. Чеботарев Г.Н., Мишунина А.А. За рубежомный опыт правового регулирования миграционных процессов в федеративных государствах // Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 29-30 мая 2009 г. / под ред. Г.С. Корепанова. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский гос. ун-т, 2009.

9. Болдырев С.И. Прием рабочих по заказу. Нужных России иностранных работников будут набирать организованно [Электронный ресурс]. URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=3839&phrase_id=973822 (дата обращения: 5 мая 2010 г.).

10. Миронов С.И. Социальная доктрина Российской Федерации (проект) [Электронный документ]. URL: http://www.mironov.ru/activity/chairman/public_coucils/59.html (дата обращения: 5 мая 2010 г.).

11. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2820.

12. Школяренко Е.А. Реализация региональных программ содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа как одна из мер государственной миграционной политики Российской Федерации // Конституционно-правовые

основы миграционной политики Российской Федерации: материалы Всерос. науч.-практ. конф. 29-30 мая 2009 г. / под ред. Г.С. Корепанова. Тюмень: Тюменская областная Дума, Тюменский гос. ун-т, 2009.

13. Мефодьева О. Соотечественники модернизируют отечество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1259825340> (дата обращения: 3 мая 2010 г.).

14. Ткачева Е. Сказки для взрослых о рае для переселенцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russedina.ru/articul.php?aid=2177&pid=4> (дата обращения: 5 мая 2010 г.).

15. О внесении изменения в статью 14 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: федер. закон от 1 окт. 2008 г. № 163-ФЗ // Рос. газ. 2008. 3 окт.

16. О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

17. Графова Л. Ловушка для соотечественника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2009/11/11/pereselenie.html> (дата обращения: 3 мая 2010 г.).

18. О внесении дополнений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»: проект Федерального закона (регистрационный номер законопроекта в Государственной Думе Федерального Собрания РФ: 196463-5). URL: <http://www.asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 3 мая 2010 г.).

19. Шлыкова Е.В. Социальная приемлемость нововведений миграционного законодательства // Социологические исследования. 2008. № 2.

20. В Самаре прошла презентация Поволжского межрегионального Центра поддержки мигрантов Федеральной миграционной службы РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://new.pfo.ru/?id=16936> (дата обращения: 5 мая 2010 г.).

21. Курдюмов Н.В. Государственно-частное партнерство в сфере управления процессами трудовой миграции – потенциал развития организованной трудовой миграции (тезисы доклада на Региональной

встрече экспертов «Партнерство стран СНГ в области миграции: поиск согласованных решений», Москва, 24-25 сентября 2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/pdf/kurdjumov.pdf> (дата обращения: 5 мая 2010 г.).

22. О проекте Федерального закона № 308942-5 «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, Налоговый кодекс Российской Федерации и Бюджетный кодекс Российской Федерации»: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ

от 26 февр. 2010 г. № 3299-5 ГД // Собр. законодательства Российской Федерации. 2010. № 10. Ст. 1050.

23. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”, Налоговый кодекс Российской Федерации и Бюджетный кодекс Российской Федерации» (регистрационный номер законопроекта в Государственной Думе Федерального Собрания РФ: 308942-5). URL: <http://www.asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 3 мая 2010 г.).

ОПЫТ КРИТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

А.И. Сирохин

(преподаватель кафедры гражданского права и процесса Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск; Anton.irk@mail.ru)

В.Н. Шиханов

(старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, г. Иркутск; ShikhanovVN@rambler.ru)

Статья посвящена анализу современной правовой политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Опираясь на эмпирические данные, авторы обосновывают тезис о том, что наблюдаемое снижение дорожно-транспортной аварийности не является прямым следствием предпринимаемых мер профилактики, а вызвано другими процессами, которые недостаточно изучены. Названы и охарактеризованы две группы недочетов, которые снижают действительную эффективность профилактических мер в сфере безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: дорожно-транспортная преступность, аварийность, правовая политика, социальный контроль, профилактика, неосторожность, коллизии, объективное вменение.

Успешное противодействие криминальным явлениям невозможно без постоянного переосмысления получаемых результатов и используемых средств воздействия.

К настоящему моменту специалистами и средствами массовой информации высказано достаточное количество суждений относительно высокой эффективности предпринимаемых государством мер по борьбе с дорожно-транспортной преступностью и аварийностью.

Например, на протяжении двух последних лет в целом по стране и в большинстве субъектов Российской Федерации отмечается заметное общее снижение аварийности, травматизма, а также смертности. С 2006 года реализуется федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в Российской Федерации в 2006–2012 годах» [1] и принятые в соответствии с ней региональные целевые программы. Значительно изменен правовой инструментарий: ужесточены меры ответственности за нарушения правил дорожного движения как в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП), так и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК), в особенности для водителей, находящихся в состоянии опьянения.

Помимо этого, во многих городах установлены камеры автоматической видео- и фотофиксации нарушений правил дорожного движения с распознаванием автомобиля-нарушителя, переработана классификация автодорог, повышены требования к перевозкам пассажиров в целях их безопасности и т.д.

Вместе с тем мы убеждены, что еще не имеется достаточных оснований для заявлений о «коренном переломе» в обеспечении безопасности дорожного движения и взятии аварийности под контроль. И дело даже не в том, что уровень травматизма и смертности на отечественных дорогах по-прежнему является одним из самых высоких в мире. Детальное рассмотрение происходящих процессов позволяет обнаружить ряд признаков, которые требуют критического пересмотра всего, что было сделано, того, что происходит в настоящее время, и прогнозов на будущее вместе со стратегией и тактикой предупреждения дорожно-транспортной преступности и аварийности. Приведем два основных аргумента в пользу нашего тезиса.

Первый основной аргумент: предпринимаемые меры по совершенствованию административного и уголовного законодательства недостаточно обоснованы криминологически. По общему правилу,

необходимо воздействовать на причины явления – тогда мы получим необходимый эффект. Как мы уже отмечали, на первый взгляд может создаваться впечатление, что внесенные поправки в КоАП и УК, подкрепленные активной работой компетентных государственных органов, как раз и обеспечили снижение показателей аварийности. Проверим это предположение.

Современная правовая политика России в области обеспечения безопасности дорожного движения в целом может быть охарактеризована как достаточно жесткая и имеющая тенденцию к поступательному ужесточению и в дальнейшем. Большинство нарушений правил дорожного движения грозят водителям большими штрафами либо административным арестом – наиболее суровым видом административного наказания для физических лиц.

Статьи УК о дорожно-транспортных преступлениях (с неосторожной формой вины), в особенности самая распространенная статья 264, безальтернативно предусматривают в качестве основного наказания лишение свободы на определенный срок – вплоть до девяти лет, т.е. практически на уровне максимального размера самого строгого наказания для тех, кто совершил тяжкое преступление.

Кроме этого, депутаты Государственной Думы неоднократно поднимали вопрос о введении такого наказания, как пожизненное лишение прав на управление транспортным средством.

К этому следует добавить существующие в административном и уголовном праве явные и латентные механизмы возложения ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (далее – ПДДиЭТС) по схеме объективного вменения с элементами возмездия.

Например, в случае фиксации нарушения правил дорожного движения автоматическими фото- или видеокамерами административную ответственность несет не тот, кто совершил это правонарушение, а титульный владелец автомобиля. Административное наказание при этом налагается автоматически по результатам уста-

новления принадлежности транспортного средства. В этом вопросе согласно примечанию к статье 1.5 и статье 2.6¹ КоАП теперь действует принцип презумпции виновности, и обязанность доказывать обратное возложена на владельца транспортного средства.

Эти и другие существующие средства правового воздействия позволяют упростить процедуры расследования правонарушений, обеспечивая ощутимую реакцию государства на каждое выявленное нарушение правил дорожного движения.

Со всей очевидностью можно говорить о смещении акцента государственной политики в сторону устрашения: суровые меры ответственности должны послужить уроком для всех других участников дорожного движения, если они не хотят участи выявленных нарушителей. Для последних жесткая реакция со стороны государства также должна служить назиданием и гарантировать их правомерное поведение после отбытия наказания.

Эффективность именно этого подхода, кажущегося на первый взгляд логичным и наиболее действенным, вызывает сомнение по целому ряду причин.

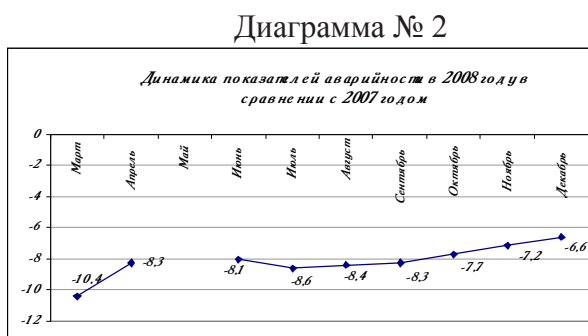
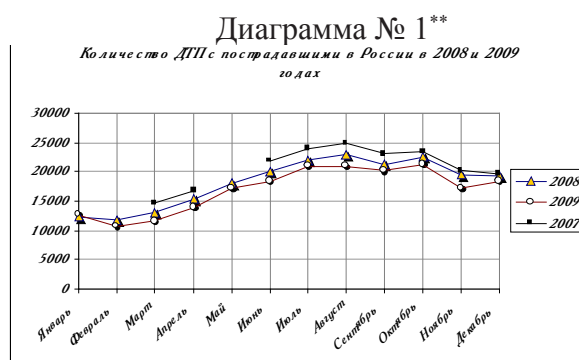
На деле снижение дорожно-транспортной аварийности по основным позициям началось до ужесточения законодательства за нарушение ПДДиЭТС. В частности, в Приволжском, Уральском и Сибирском федеральных округах по итогам 2007 года прирост аварийности, травматизма и смертности либо не превышал одного процента, либо вовсе был отрицательным [2]. В 2008 году впервые за два десятка лет было отмечено поступательное и достаточно существенное сокращение дорожно-транспортной аварийности и сопряженных с ней показателей*.

Однако следует заметить, что административное законодательство ужесточилось поэтапно и большинство нововведений стало действовать с 1 июля 2008 года, но отрицательная динамика наблюдаемых показателей совершенно не отражает наступления некоторого временного рубежа,

* Травматизм и смертность в результате дорожно-транспортных происшествий.

связанного с усилением юридической ответственности.

В частности, в 2008 году в России динамика ДТП с пострадавшими повторяла ту же форму кривой, что и в предыдущие годы. Эта же форма кривой сохраняется до настоящего времени. Более того, во втором полугодии 2008 года темпы сокращения аварийности и травматизма стали не столь выраженными, нежели это было в первом полугодии (до вступления в силу новых редакций статей КоАП об ответственности на нарушения ПДДиЭТС). Это достаточно отчетливо видно из диаграмм №№ 1 и 2.

Тут можно возразить: социальные процессы достаточно инертны, поэтому не могут резко отреагировать на изменения внешних условий – плавное поступательное сокращение уровня аварийности при сохранении прежней кривой сезонных колебаний как раз и есть тот результат, которого добились ужесточением административной и уголовной ответственности.

Мы согласны с таким утверждением

** На диаграммах №№ 1 и 2 сведения об аварийности за 2007 год по месяцам рассчитаны исходя из той информации, которая имеется на официальном сайте ДОБДД МВД России [3]. Остальные сведения рассчитаны на основании статистики аварийности в Российской Федерации [4].

и также считаем, что к заявлениям должностных лиц правоохранительных органов и СМИ о положительных тенденциях (как это и было в 2008 году [5]) следует относиться весьма критично. Однако в ходе исследований нами был получен ряд других аргументов в пользу того, что сокращение уровня аварийности на автодорогах произошло не только, и даже не столько вследствие ужесточения мер юридической ответственности.

Так, в марте–мае 2008 года, а также в сентябре–октябре 2009 года в Иркутской области в два этапа нами проводился опрос водителей транспортных средств. Всего опрошено 439 респондентов (преимущественно водители из городов Иркутск, Ангарск, Шелехов, Усолье-Сибирское, а также из ряда других населенных пунктов Иркутской области); 56,5 % респондентов опрошено весной 2008 года, 43,5 % – осенью 2009 года. По результатам этого опроса было установлено, что каких-либо существенных изменений в содержании правосознания, а равно в особенностях правового поведения за этот период времени не произошло.

Например, 93,6 % респондентов из числа опрошенных в 2008 году сообщили, что нарушали ПДДиЭТС, причем 37,93 % ответивших на этот вопрос имели опыт нарушения ПДД в месяце проведения опроса; еще 17,24 % нарушали их в месяце, предшествовавшем опросу, еще 13,79 % – в течение первого полугодия 2008 года. Иными словами, более чем 2/3 водителей не отказались от противоправного поведения вопреки начавшемуся ужесточению наказания. Лишь 31,03 % ответивших респондентов указали, что в последний раз нарушали правила дорожного движения ранее 2008 года, как правило, год назад или еще раньше.

Результаты опроса в 2009 году выявили подобную картину: 90,05 % респондентов заявили о наличии опыта нарушения ПДДиЭТС. В месяце проведения опроса правонарушение совершили 53,4 % респондентов, в месяце, предшествовавшем опросу, – 4,19 %, в предыдущие месяцы

2009 года – 26,7 %, а в 2008 году или ранее – 15,71 %.

При этом уровень своей правопослушности (по шкале от 0 до 100 баллов) респонденты оценивают традиционно достаточно высоко, и за год он изменился весьма незначительно. Всего по итогам опроса, в 2008 году 87,45 % респондентов оценили свое законопослушание на 70 баллов и выше, а в 2009 году такую оценку себе поставили 72,25 % водителей.

Весьма показательны утверждения респондентов относительно того, о чем они задумываются во время нарушения ПДД. Согласно результатам опроса, в 2008 году в 24,51 % случаев респонденты сообщили, что думают о том, нет ли поблизости инспекторов ДПС и как избежать ответственности в случае разоблачения; 23,74 % вариантов ответов сводились к тому, что в момент нарушения ПДД водители ни о чем особенно не задумываются, просто ведут автомобиль (в том числе вариант «безразлично»). В 2009 году уже 53,77 % респондентов во время нарушения ПДД задумывались о том, нет ли поблизости инспекторов ДПС, а в 9,55 % случаев респонденты указали на безразличное отношение к нарушению ПДД.

При этом отношение к органам ГИБДД существенно не изменилось. Например, подавляющее большинство водителей (82,35 % вариантов ответов в 2008 г. и 72,18 % – в 2009 г.) ассоциируют световые сигналы от встречных автомобилей как предупреждение о нахождении наряда ДПС ГИБДД впереди (затруднились с ответом либо не ассоциировали эти сигналы с ГИБДД 16 респондентов в 2008 году и 7 респондентов в 2009 году; в большинстве своем эти респонденты имеют стаж вождения не более 1 года либо проходят службу в ОВД). Эта «азбука водителей» активно используется участниками дорожного движения: не предупреждают водителей встречных потоков об обнаруженных постах ГИБДД лишь немногие – 16,19 % в 2008 году и 14,14 % в 2009 году. Парадоксальные результаты были получены нами в ходе опроса сотрудников ГИБДД, которые оказались в числе респондентов:

вне службы, управляя личным автомобилем, они также предупреждают встречные автомобили о наличии поблизости наряда ГИБДД. Двое пояснили это так: «Что ж мы, не люди, что ли?»

Даже учитывая влияние погрешности^{***}, полученные сведения позволяют сделать вывод: заметных изменений в содержании правосознания не произошло. ГИБДД, действительно, стала активнее выявлять нарушителей – это прослеживается по изменению результатов ответа на вопросы о содержании сознания при нарушении ПДД. Вместе с тем образ ГИБДД, равно как и суровые санкции в КоАП и УК, не являются серьезным останавливающим фактором: нарушение ПДДиЭТС по-прежнему является вполне обыденным явлением и не препятствует достаточно высоким оценкам водителями своей законопослушности. Опыт нарушения ПДД имеют практически все водители автомобилей и нарушают их достаточно часто, образовав на дорогах своеобразное коллективное единство, препятствующее представителям власти в поимке своих членов.

Таким образом, сокращение количества ДТП с пострадавшими не обусловлено процессами изменения правосознания вследствие страха перед ответственностью, равно как и значительным, поступательным ежегодным сокращением случаев противоправного поведения участников дорожного движения.

Одновременно происходит рост общей аварийности – всех дорожно-транспортных происшествий, в том числе таких, в которых никто не пострадал. Централизованный учет их не ведется, а с 2009 года эти сведения вообще не подлежат обязательному учету, ведь на многие такие ДТП можно не вызывать наряд ГИБДД. Однако имеющаяся в территориальных органах ГИБДД информация за последние семь лет позволяет обнаружить продолжающийся

^{***} Допустимая ошибка, согласно проведенным расчетам, не превышает 8 %, что позволяет признать полученные результаты пригодными для проверки либо обоснования выводов [7, с. 98-103; 8, с. 156-159].

рост этого явления [6]. Затруднение движения, вызываемое большим количеством аварий и пробок, на фоне сокращающегося финансирования является серьезной проблемой. Для участников дорожного движения это выливается в состояние напряжения, когда соблюдение ПДДиЭТС становится препятствием для достижения других социально одобряемых целей, связанных с работой или бытом: по отечественным дорогам практически невозможно передвигаться, не нарушая правил****.

Рост общего количества ДТП в таких условиях является убедительным свидетельством распространенности правонарушающего поведения участников дорожного движения.

Приведем другой показательный пример, подтверждающий наши выводы. В 2008–2009 годах государство существенно ужесточило ответственность для водителей, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения. В частности, проведена дополнительная дифференциация уголовной ответственности в статье 264 УК: для нетрезвых водителей, совершивших это преступление, максимальный срок наказания в виде лишения свободы повышен на два года по сравнению со сроком наказания для тех, кто совершил такое же преступление, но был трезвым. Этими мерами предполагалось сократить дорожно-транспортную аварийность и преступность, победив одну из главных проблем на отечественных дорогах – «пьянство за рулем» [9].

Обосновывая целесообразность внесения таких изменений в уголовный закон, отдельные специалисты утверждали, что по вине пьяных водителей в стране происходит каждое 13-е – 14-е ДТП с пострадавшими. Эти же цифры были озвучены на заседании Правительства Российской Федерации в рамках вопроса об ужесточении уголовной ответственности водителей, совершивших ДТП в состоянии опьянения [10].

**** На это прямо указали 15,2 % респондентов в ходе опроса. См. также соответствующее высказывание депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г. Гудкова [11].

Однако эти же самые сведения означают, что речь идет о 7 % ДТП от общего их количества, а трезвые водители в нынешних условиях совершают до 93 % аварий. Более того, удельный вес ДТП с пострадавшими по вине нетрезвых водителей сократился на 8 % уже по итогам 2007 г., то есть до ужесточения административной и уголовной ответственности. Эта тенденция не изменилась и до настоящего времени. Очевидно, что это происходит не за счет ужесточения законодательства. Иными словами, на протяжении более чем трех лет увеличивается доля ДТП по вине трезвых водителей. Вне всякого сомнения, пьянство за рулем представляет опасность, однако истинные причины аварийности кроются не в этом.

В таких условиях весьма убедительной является гипотеза о том, что причина распространенной правонарушаемости и высокого уровня транспортной аварийности кроется не столько в личности отдельно взятого участника дорожного движения или ее общественно опасных свойствах, недисциплинированности или беспечности, а в чем-то другом. И это нужно исследовать.

Такая гипотеза позволяет связать все едино и объяснить перечисленные нами факты:

1. Ужесточение мер ответственности, рассчитанное преимущественно на эффект общей превенции, опирающееся на представление о личности как ведущей причине дорожно-транспортной аварийности и преступности, не воздействует на настоящие детерминанты.

2. Наблюдаемое снижение дорожно-транспортной аварийности обусловлено не ужесточением ответственности, а лишь отчасти совпало с ним во времени. В лучшем случае новые редакции КоАП и УК поддерживают влияние основной причины, которая не находится на поверхности. Механизм ее влияния недостаточно ясен и в дальнейшем процесс может развиваться иначе.

Мы, конечно, не склонны отрицать проверенные временем концепции причинности, ориентированные на особеннос-

ти личности деятеля, однако считаем, что имеется объективная потребность в их дополнении.

Достаточно ярким аргументом в пользу наших умозаключений служит такой факт: первоначально на реализацию федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах» планировалось потратить 53,4 миллиарда рублей, в том числе 30 миллиардов 602 миллиона рублей из бюджетов регионов и порядка 530 миллионов рублей из внебюджетных фондов [12]. Многие представители государственной власти и специалисты связывали снижение дорожно-транспортной аварийности именно с таким подходом государства к обеспечению национальной безопасности наряду с ужесточением ответственности и внедрением различных технических средств слежения и контроля [5; 13; 14].

В действительности в течение последних двух лет дорожно-транспортная аварийность сокращается не благодаря финансированию федеральной целевой программы, а несмотря на его сокращение. Об этом, в частности, сообщил начальник Департамента обеспечения безопасности дорожного движения МВД России В. Кирьянов на пленарном заседании Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [15]. По его словам, в 2009 г. финансирование программы было сокращено на 29 %, а в 2010 г. – на 63 %. Кроме того, в условиях сложной экономической ситуации привлечение средств регионов к софинансированию мероприятий также уменьшилось и составило около 45 % от запланированного объема. При этом в ряде регионов, например, в Архангельской и Ивановской областях, в Еврейской автономной области и Чукотском крае финансирование из средств региональных бюджетов полностью приостановлено.

В подтверждение этих слов мэр Москвы Ю.М. Лужков заявил: «У нас ни на дорожки денег не дают, ни на метро. Из года в год все меньше и меньше – до обнуления! Поэтому вопросы о пробках в Москве я прошу адресовать министру финансов.

Магистралей и метро раньше всегда финансировались государством» [16].

Таким образом, уровень аварийности и травматизма меняется независимо от наличия или отсутствия средств на реализацию федеральной целевой программы, его изменения не обусловлены фактом ужесточения мер ответственности для нарушителей ПДДиЭТС, а отсюда возникает необходимость определения действительной эффективности предпринимаемых мер с точки зрения их возможности повлиять на комплекс ведущих детерминант исследуемого явления.

Примечательно, что подобное суждение о стратегии обеспечения безопасности дорожного движения высказал депутат Государственной Думы, заместитель председателя комитета по безопасности Г. Гудков: «Создайте условия для выполнения ПДД, а потом наказывайте. А у нас что получается? Мосгордума предлагает в 10 раз поднять счетчики на стоянку и парковку, при этом город так и не обеспечил ни парковками, ни стоянками, ни стандартным строительством, ни развязками – ничем не обеспечил, но виноват будет всегда водитель, а власть – ни при чем» [17].

Второй основной аргумент в пользу тезиса о необходимости пересмотра проводимой правовой политики и средств ее реализации в области обеспечения безопасности дорожного движения – используются не самые оптимальные модели воздействия средствами уголовно-правовой репрессии.

Например, в специальной литературе не раз подвергалась сомнению целесообразность применения суровых мер ответственности за неосторожные преступления [18, с. 374], в том числе формулировка небрежности и вообще ее наличие среди видов вины [19, с. 698], либо ставился вопрос о справедливости установления уголовной ответственности за неосторожные преступления, в том числе за нарушение ПДДиЭТС только при наступлении тяжких последствий, ведь их наличие либо отсутствие зачастую объясняется стечением случайных обстоятельств [20; 21].

При выборе средств и моделей правового воздействия на правонарушающее поведение в области дорожного движения необходимо, на наш взгляд, учитывать то, как эти нарушения и наступающие последствия представлены в сознании участников дорожного движения. Продолжительный временной ряд показателей правонарушаемости (выявленной), аварийности и дорожно-транспортной преступности свидетельствует о такой прямой корреляции, при которой в среднем на 300 административных правонарушений приходится одна авария с травмами или гибелью людей [22, с. 331-341].

В процессе формирования этих статистических показателей, однако, имеется ряд погрешностей, на которые необходимо делать поправку, поскольку они могут существенно влиять на видимые тенденции и полученные выводы [22, с. 334-338]. Это и достаточно высокая латентность административных правонарушений в области дорожного движения, и коррупция, увеличивающая степень этой латентности, а также подвижные границы правонарушаемости, учитываемой аварийности и уголовной противоправности.

В итоге факт наступления общественно опасных последствий в результате нарушения ПДДиЭТС в подавляющем большинстве случаев представлен в сознании индивида как случайность, особенно если имеется опыт неоднократного (в среднем более 300 раз) благополучного нарушения правил безопасности. Именно этот опыт «благополучного» нарушения ПДДиЭТС в условиях, когда их нарушение является целесообразным либо неизбежным, позволяет участнику дорожного движения считать себя вполне порядочным и даже полезным членом общества – ничуть не хуже других.

В кругу ученых и практикующих юристов считается банальностью тезис о том, что неосторожный преступник (особенно небрежный) в целом является добропорядочным гражданином, характеризуется положительно, а наступившие последствия для него являются досадной случайностью и уже само их наличие оказывает на виновного сильнейшее влияние.

В результате возникает серьезное противоречие между реальной социальной действительностью с индивидуальной шкалой оценки поведения индивидов, с одной стороны, и категориями социального общего, социальной шкалой оценки, содержащейся в уголовном законе, с другой стороны. Уголовная ответственность, полностью зависящая от наступления общественно опасных последствий, которые воспринимаются как случайность, начинает ассоциироваться с категориями везения/невезения, а отсюда – с государственным возмездием за фактически причиненный вред.

Содержание санкций, предусматривающих лишение свободы в таких размерах, которые характерны для тяжких преступлений, в данном случае является необоснованным. Чему стремится государство научить неудачливого водителя за такой срок? Нужно ли для исправления содержать его в колонии-поселении порядка пяти, а то и девяти лет? Здесь, на наш взгляд, отчетливо видна политика устрашения и возмездия взамен политики исправления. Эффективность такого подхода при прочих равных условиях, как мы показывали выше, вызывает обоснованные сомнения.

В процессе правоприменения такое противоречие между предписаниями закона и социальной практикой приводит к конфликту индивидуальной шкалы оценки правоприменителя с категорией социального общего.

В частности, санкции статьи 264 УК в настоящее время не имеют альтернативы лишению свободы. Это наказание в большинстве случаев представляется излишне суровым, в особенности если потерпевший не скончался. Как результат – кризис наказания за дорожно-транспортные преступления: суды в подавляющем большинстве случаев постановляют считать наказание условным либо в порядке статьи 64 УК назначают менее строгое наказание, нежели это предусмотрено санкцией статьи 264 УК. Иными словами, модель пенализации дорожно-транспортных преступлений, рассчитанная на общее устрашение, оказалась

весьма неудачной. Этот вопрос достаточно подробно рассмотрел А.И. Коробеев [23]. Конкретные статистические данные на диаграммах №№ 3–5 подтверждают наши выводы.

Диаграмма № 3****

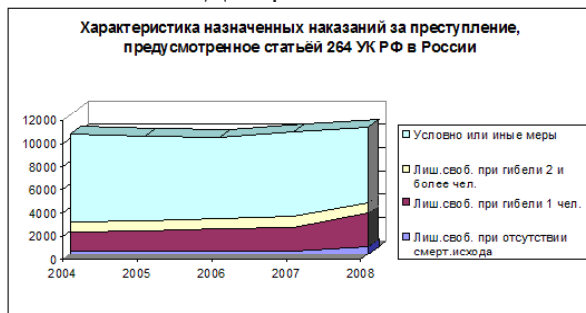

Диаграмма № 4

Диаграмма № 5*****

Сопоставление диаграмм №№ 3–5 со сведениями о динамике показателей аварийности в России позволяет обнаружить,

**** Диаграммы №№ 3 и 4 рассчитаны по материалам Главного информационного центра МВД России и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [24, с. 176].

***** Сведения по Иркутской области приводятся по данным Управления Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по Иркутской области.

что практика назначения наказаний не оказала превентивного влияния на изменение вектора в сторону снижения количества аварий и травматизма. Заметное ужесточение позиции судов (остающейся вместе с тем достаточно либеральной) произошло уже после того, как уровень аварийности начал снижаться. Рост общего количества осужденных в 2008 году не связан с повышенной активностью органов уголовной юстиции, а вызван вынесением приговоров преимущественно по уголовным делам о преступлениях, которые произошли в 2007 г. – в год пика травматизма и смертности в России.

Достаточное количество нареканий имеется и к самой статье 264 УК. Остановимся на двух основных.

Во-первых, бланкетная конструкция диспозиции, отсылающая к большому количеству недостаточно систематизированных нормативных актов с неконкретными предписаниями, а также сложная опосредованная причинно-следственная связь делают механизм применения этой уголовно-правовой нормы похожим на объективное вменение и усиливают возмездный характер уголовной репрессии.

В качестве примера можно привести п. 10.1 Правил дорожного движения: «Водитель должен вести транспортное средство со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние транспортного средства и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требования Правил» [25].

Как трактовать этот пункт, каковы точные признаки того, что выбранная скорость позволяет полностью и постоянно контролировать движение транспортного средства и выполнение требований Правил дорожного движения? Как проверить это в ходе движения? Конкретного ответа на этот вопрос не существует. Таким образом, подобный правовой конструкт – когда

диспозиция статьи Особенной части УК ссылается на неконкретные нормативные предписания, – позволяет применить рассматриваемый пункт Правил дорожного движения в любом случае, когда произошло ДТП, в особенности наезд на пешехода или препятствие.

По исследованным нами уголовным делам нарушение приведенного выше пункта Правил дорожного движения вменялось обвиняемым в абсолютном большинстве случаев.

Так, в приговоре по делу № 1-963-2000, рассмотренному Ленинским районным судом г. Иркутска, водителю А. вменялось, что он, следуя по объездной дороге «...на автомашине ВАЗ 2121 в нарушение п. 10.1 ч. 1 ПДД РФ вел транспортное средство со скоростью, не обеспечивающей водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил. При возникновении опасности в виде пешехода И., пересекавшего проезжую часть слева направо, в нарушение п. 10.1 ч. 2 ПДД РФ не принял возможных мер к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства и допустил наезд на пешехода И., который от полученных травм скончался на месте» [26].

Приведем другой пример. Гражданин Ж. был признан виновным в причинении вреда здоровью пешеходу Ш. и осужден по ч. 1 ст. 264 УК РФ при следующих обстоятельствах.

Ж., следуя на автомобиле ВАЗ 2103, в нарушение требований ч. 1 п. 10.1 ПДД, не избрал скорость движения в соответствии с дорожными условиями, обеспечивающую водителю возможность постоянного контроля за движением транспортного средства. В районе нерегулируемого железнодорожного переезда в нарушение знака «2.5 Движение без остановки запрещено» и требований ч. 2 п. 10.2 ПДД, при возникновении опасности для движения в виде заноса автомобиля, не принял мер к снижению скорости вплоть до полной остановки, в нарушение п. 8.1 и п. 9.9 ПДД изменил направление движения вправо, не убедившись в безопасности маневра, вы-

ехал на правую обочину по ходу движения автомобиля и допустил наезд на пешехода Ш.

В процессе расследования было установлено, что водитель Ж. управлял технически исправной автомашиной, в том числе с шинами в надлежащем состоянии, двигался со скоростью, не превышающей установленных ограничений и, подъезжая к железнодорожному переезду, в целях выполнения требований знака «2.5 Движение без остановки запрещено», начал притормаживать. Однако ввиду неудовлетворительного состояния дорожного покрытия и неблагоприятных метеоусловий автомобиль занесло вправо на обочину по ходу движения, где и произошел наезд. Указанные обстоятельства не нашли соответствующей правовой оценки в суде: скорость и другие параметры движения были признаны недостаточно адекватными фактическим условиям предаварийной ситуации [27].

Применение подобных пунктов правил дорожного движения, вне всякого сомнения, граничит с объективным вменением, когда водителю вменяется в вину нарушение исходя только из факта наступления последствий.

Как справедливо отметил А.А. Тер-Акопов, в настоящее время при нарушении специальных правил констатация причинения вреда а priori означает наличие вины [28, с. 116-117].

Во-вторых, применение одновременно двух оснований дифференциации ответственности сделало ее конструкцию (из шести частей) неудачной. Части 2, 4 и 6 ужесточают ответственность по сравнению с частями 1, 3 и 5 по признаку состояния опьянения водителя. Толкование этого повторяющегося квалифицирующего признака позволяет уяснить, что он относится не к объективной стороне (не является прямо указанной разновидностью нарушения ПДД, приведшего к наступлению неосторожных последствий), а является признаком субъекта и описывает особое физиологическое состояние.

В итоге четные части статьи 264 УК вошли в противоречие с положениями Об-

щей части УК: в статье 23 уголовного закона состояние опьянения расценивается как нейтральное и не влияющее на степень ответственности преступника. Нет этого состояния и в числе обстоятельств, отягчающих наказание (в статье 63 УК).

Учитывая, что отечественный уголовный закон – кодифицированный нормативный правовой акт и положения его Общей части являются базовыми для всех предписаний Особенной части, следует вывод: имеющаяся коллизия должна решаться правоприменителями в пользу статьи 23 УК, а все приговоры, вынесенные к настоящему времени по частям 2, 4 и 6 статьи 264 УК, оказались за рамками правового поля и подлежат отмене.

Таким образом, существующие уголовно-правовые инструменты обеспечения безопасности дорожного движения по своей целевой направленности и конструкции обладают рядом существенных недостатков, снижающих их эффективность.

Особого внимания заслуживает информационная составляющая социального контроля в сфере дорожного движения. Органы ГИБДД, а также целевые программы федерального и регионального уровня уделяют большое внимание пропаганде дорожного движения. В то же самое время отечественная социальная реклама по-прежнему вызывает справедливые замечания в свой адрес: не учитывает достижений науки, известных и широко применяемых за рубежом, и по целому ряду позиций уступает зарубежным аналогам [29; 30].

В качестве примера одной из неудачных инноваций приведем ноу-хау новосибирской ГИБДД. «Перед самым началом учебного года новосибирские сотрудники ГИБДД решили напомнить водителям о безопасности на дорогах, но только в несколько странной форме. Водителям рассылают письма от лица погибших в ДТП детей. О подробностях этого нововведения рассказал автор журнала urich.livejournal.com: «Напугать водителей таким способом перед началом учебного года в ГИБДД решили из-за того, что именно сентябрь и октябрь считаются самыми напряженными месяцами в году по количеству ДТП с

участием детей. В листовках, по словам Подзюбань (Подзюбань – инспектор новосибирской ГИБДД. – Прим. автора обзора), много разных историй: “Я погибла почти сразу” или “Мама собрала все мои куклы и книжки и отдала бабушке, чтобы они не напоминали родителям, что они виноваты в моей смерти”» [31].

Даже не останавливаясь на описании признаков, по которым этот рекламный ход не соответствует предъявляемым требованиям, мы считаем принципиально недопустимыми подобные способы пропаганды безопасности дорожного движения, поскольку они противоречат этическим нормам.

В целом современная социальная реклама о безопасности дорожного движения, размещаемая на улицах и в СМИ, обладает недостаточной наглядностью, перегружена текстовой информацией либо не учитывает неоднозначность трактовки используемых символов, не формирует четких, пускай и иллюзорных, причинно-следственных связей между нарушением ПДДиЭТС и наступлением общественно опасных последствий, а также не вытесняет из сознания индивидов образ автомобиля как исключительно символа развлечения, престижа или деловых качеств обладателя.

Несмотря на все высказанные нами замечания, мы не отрицаем важности осуществления тех мероприятий, которые предусмотрены федеральной целевой программой «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах», а также не считаем, что с 2006 года работа была проделана впустую. Решение сложнейшей социально-технической проблемы, связанной с нанесением серьезного урона национальной безопасности, вряд ли возможно в короткие сроки и с минимальными усилиями. Поэтому критический анализ достигнутых результатов и используемых для этого средств позволит рассмотреть проблему с новых позиций и найти более эффективные инструменты снижения дорожно-транспортной преступности и аварийности. Тем более что имеется достаточно оснований для сомнения в

эффективности существующей стратегии решения проблемы.

1. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах»: постановление Правительства Российской Федерации от 20 февр. 2006 г. № 100 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 9. Ст. 1020.
2. Статистика аварийности в Российской Федерации за 12 месяцев 2007 года // Официальный сайт ДОБДД МВД России. URL: http://www.gibdd.ru/news/main/?20080117_report (дата обращения: 16.04.2010).
3. Архив новостей// Официальный сайт ДОБДДМВД России. URL: http://www.gibdd.ru/news/main/?20070416_report; http://www.gibdd.ru/news/main/?20070802_report; http://www.gibdd.ru/news/main/?20071109_report (дата обращения: 16.04.2010).
4. Статистика аварийности в Российской Федерации// Официальный сайт ДОБДД МВД России. URL: <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 16.04.2010).
5. Поляков А. Штрафные потери казны // Аргументы недели. 2009. 26 марта.
6. Шиханов В.Н. Методологические и политико-правовые проблемы предупреждения дорожно-транспортной аварийности с позиций исследования ритмов социальной активности // Вестник ВСИ МВД России. 2008. № 3. С. 23-34
7. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. 3-е изд., испр. М.: Омега-Л, 2007. 567 с.
8. Новикова С.С., Соловьев А.В. Социологические и психологические методы исследования в социальной работе. М.: Гаудеамус, 2005. 496 с.
9. О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 13 февр. 2009 г. № 20-ФЗ // Рос. газ. 2009. 18 февр.
10. Владимир Путин провел заседание президиума правительства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rambler.ru/news/politics/putin/13126920.html> (дата обращения: 05.09.2009).
11. Чубайсу не нужны деньги // Аргументы и Факты. 2008. № 29 (1446). 16-22 июля. С. 2.
12. Правительство увеличило финансирование ФЦП «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах»: Дайджест новостей. Авто [Электронный ресурс] // Транспортный дозор. URL: <http://transbez.com/news/200708225802.html> (дата обращения: 20.03.2008).
13. Начальник Департамента ОБДД МВД России Виктор Кирьянов дал интервью корреспонденту «Российской газеты», в котором рассказал о ближайших нововведениях [Электронный ресурс] // Архив новостей официального сайта ДОБДД МВД России. URL: http://www.gibdd.ru/news/main/?20070206_rg_kiryanov (дата обращения: 20.03.2010).
14. Автошколам позволят самостоятельно принимать экзамены на права [Электронный ресурс]: Интервью с начальником ДОБДД МВД России В. Кирьяновым: Авторамблер. URL: <http://autorambler.ru/journal/events/26.11.2009/560956068/> (дата обращения: 25.11.2009).
15. Государство экономит на дорожной безопасности [Электронный ресурс] // Авторамблер. URL: <http://autorambler.ru/journal/road/11.02.2010/560957608/> (дата обращения: 11.02.2010).
16. Лужков винит главу Минфина в московских пробках [Электронный ресурс] // Авторамблер. URL: <http://autorambler.ru/journal/road/08.04.2010/560958822/> (дата обращения: 08.04.2010).
17. Количество стационарных постов ГИБДД будет сокращено [Электронный ресурс] // Авторамблер. URL : <http://autorambler.ru/journal/road/09.03.2010/560958114> (дата обращения: 09.03.2010).
18. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. 504 с.
19. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. Вып. 3. М., 1912. С. 699 с.
20. Бикеев И. Актуальные проблемы учения о субъективной стороне преступления // Уголовное право. 2002. № 3. С. 9-13.

21. Лукьянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: специальные вопросы уголовного и административного права. М.: Дашков и К, 2003. 44 с.
22. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
23. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 406 с.
24. Преступность и правонарушения: Статистический сборник (2004–2008 годы). М.: ГИАЦ МВД России, 2009. С. 176.
25. Правила дорожного движения Российской Федерации: утв. Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090: ред. от 24.02.2010 // Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 47. Ст. 4531; 2006. № 11. Ст. 1179; Собрание законодательства Рос. Федерации. 2010. № 9. Ст. 976
26. Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 1-963-2000.
27. Архив Ленинского районного суда г. Иркутска. Уголовное дело № 1-916-1999.
28. Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М.: Юрид. лит., 1995. 173 с.
29. Кравцов А.Ю., Скоморохов Р.В. Информационная политика и предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых по небрежности // Российский следователь. 2008. № 24. С.19-21.
30. Shikhanov V., Sirokhin A. Structure of Psychic Attitude of a Person to Careless Traffic Violations and Potential Ways of Accident Prevention // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 3. С. 474-480.
31. Креатив новосибирской ГИБДД // Пятница. 2008. № 36. С. 42.

Раздел 3. Частное право, договорное регулирование

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ ДОГОВОРНОЙ СВОБОДЫ

В.А. Кочев

(заведующий кафедрой конституционного и финансового права
Пермского государственного университета, доктор юридических наук, профессор;
8 (342) 2-396-325)

В контексте основополагающей идеи конституционного права о координации частных и общественных интересов автор анализирует цивилистические постулаты о свободе договора, ее проявлениях и ограничениях. В числе исследуемых им аспектов проявления договорной свободы: право сторон заключить смешанный договор; исключить своим соглашением действие какой-либо диспозитивной нормы в отношениях между ними; право руководствоваться свободой договора не только на стадии установления отношений, но и на стадии их изменения.

Ключевые слова: *интересы частные, интересы публичные, ограничения договорной свободы, метод правонаделения, метод дозволения, диспозитивные нормы, смешанный договор.*

Развитая рыночная система предполагает способность к рациональному выбору модели поведения, которая бы в наибольшей степени способствовала достижению частных интересов. Один из приемов рационального выбора в гражданском (а также трудовом, семейном) праве связан с договорной моделью поведения, позволяющей минимизировать возможные негативные последствия непредсказуемости действий со стороны контрагента. Как отмечал Б.Е. Пашуканис, «вне договора сами понятия субъекта и воли в юридическом смысле существуют лишь как безжизненные абстракции» [1, с. 113]. Отсюда с известной степенью условности можно констатировать, что в частноправовой сфере все совершается по договору, а само понимание частноправового регулирования связывается с его исходной идеей о том, что гражданское право, во многом основанное на договоре, – это «система юридической децентрализации, система координации, область свободы и частной инициативы» [1, с. 40].

Договор чаще всего рассматривается как один из видов сделок, пусть и наиболее распространенных. Гораздо реже говорится о том, что договор «по самому своему назначению есть способ регулирования отношений между частными лицами сообразно их индивидуальным интересам и потребностям» [2, с. 245].

Восприятие договора в сугубо теоретическом контексте, где его ценность воспринимается через юридический факт и (или) правоотношение, укоренилось в период устранения частного права в советский период, когда сама идея договора была девальвирована, поэтому в большинстве случаев понятие договора использовалось лишь в качестве формы. В этот период истории сама идея договора как регулятора индивидуальных отношений «ушла» из договорного права, естественно, «испарился» и дух договорной свободы.

Исходная идея договора родилась у римлян, обративших внимание на то, что одними лишь деликтами обойтись трудно. Месть решили заменить платой, а для этого требовалось договориться об условиях. Именно поэтому римляне не стремились сформулировать его общее понятие – им важнее было скоординировать частные интересы, обеспечить их разумную субординацию с интересами публичными. Не имея потребности в связи с этим определить договор, римские юристы весьма основательно разработали классификацию видов и типов договоров и ввели в оборот ставшую вечной максиму *pacta sunt servanda* (договоры нужно исполнять). При этом договор считался действительным в случае соблюдения пяти групп условий: волевое действие; объект – вещи, не изъятые из оборота; соблюдены законодательные

запреты; цель договора не пересекается с интересами государства^{*}; есть согласие договаривающихся сторон. Все эти установки римского права, отчасти утраченные советским законодательством^{**}, нашли свое полное воплощение в действующем российском законодательстве, будучи развитыми и дополненными за счет введения в текст ГК РФ одного из таких основных начал гражданского законодательства, как свобода договора.

На практике договорная свобода представляет собой реализацию способов саморегулирования правил поведения юридически равных участников гражданского оборота. Благодаря этому началу абсолютное большинство типичных договорных связей, унифицирующих правила экономического оборота, оказались построенными на единой основе, а сам договор на деле стал представлять систему взаимного уравнивания прав.

Как идеальное состояние, договорная свобода допустима лишь в условиях реального экономического равенства (что невозможно), а не формально-правового. Поэтому при всем своем значении начало договорной свободы не может быть абсолютным и имеет свои пределы. Следовательно, в контексте права договорной свобода договора, будучи субъективным правом, предоставляет возможность делать все, что не наносит вред другой стороне договора, основам правопорядка и нравственности или публичным интересам в целом. Последние, как известно, обеспечиваются

* Как ранее, так и сейчас право выбора цели договора связано с выбором его предмета, в котором заключается тот конечный результат, ради которого стороны устанавливают договорные отношения. Ограничения по выбору цели договора определяются доктриной правомерности цели договора, согласно которой цель договора не может быть противоправной или направленной против основ правопорядка.
^{**} Как отмечал Ф.И. Гавзе, следствием огосударственной экономики являлось чрезмерное вмешательство государства во все сферы жизни общества, что оставляло мало места усмотрению сторон. Воля участников всегда испытывала на себе в той или иной степени «планирующее воздействие государства». См.: Гавзе Ф.И. Социалистический гражданско-правовой договор. М.: Юрид. лит., 1972. С. 89.

нормами не только права публичного, но и, в значительной мере, права частного, в абсолютном большинстве своем состоящем из позитивных, дозволительных (правонаделительных) предписаний. Но единые основы бытия в обществе устанавливает государство. Оно не может дать отдельным индивидам волю идти вразрез с его установками в целях удовлетворения их частных выгод и разрушать основы, определенные им. Поэтому существенным является вопрос о разумности пределов действия договорной свободы. Это и обуславливает наличие в данном начале некоторых публично-правовых характеристик в виде определенных ограничений. В конечном итоге ограничение свободы договора преследует одну из трех целей: защита слабой стороны; защита интересов кредитора, нарушение которых может отразиться на гражданском обороте; защита интересов государства в концентрированном виде, выражающем интересы граждан.

Наиболее обобщенные формулы адекватного соотношения пересекающихся интересов заключены в Конституции РФ и лишь затем, с учетом ее верховенства, логически развиты в отраслевых источниках. Поэтому базовой идеей для всего договорного права служит конституционная норма о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ст. 17). В этих границах может и должно происходить дальнейшее отраслевое наполнение принципа договорной свободы.

Содержание принципа может быть выведено не только из многочисленной учебной и научной литературы, но и из нормативного текста. Так, ст. 421 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), поименованная как «Свобода договора», содержит императивное правило, согласно которому граждане и юридические лица свободны в заключении договора, что, по мнению большинства ученых, означает:

1. Субъекты гражданского права – физические и юридические лица свободны в решении вопроса о том, будут ли они заключать гражданско-правовой договор или нет. Понуждение к заключению договора

не допускается за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусматривается законом или добровольно принятым сторонами обязательством.

2. Субъекты права свободны в выборе договорной структуры и вида договорной связи, они вправе заключать договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законами и другими правовыми актами. Стороны вправе самостоятельно создавать модели договоров, не противоречащих действующему законодательству.

3. Субъекты права осуществляют свободный выбор контрагентов, т.е. лиц, с которыми они намерены вступить в договорные отношения, за исключением случаев, когда закон предусматривает обязанность определенного выбора.

4. Субъекты права свободны в формировании условий заключаемого договора. Условия договора определяются прежде всего усмотрением сторон. Роль инициативных условий значительно возросла, главное требование – они не должны противоречить закону, так как в его нормах содержится немало обязательных для участников гражданского оборота требований в отношении формы договоров, его государственной регистрации, обязательных условий.

Исходя из такого «наполнения» принципа свободы договора в науке формулируется функциональная роль этого принципа. По мнению Ю.Л. Ершова, принцип свободы договора выполняет, во-первых, функцию выражения основных идей отрасли, во-вторых, функцию непосредственного регулирования общественных отношений, которая реализуется при использовании аналогии права, в третьих, функцию мировоззренческую [3, с. 14]. Нет оснований не согласиться с выделенными автором функциями, однако требуется их конкретизация, отсутствие которой в доктрине порождает от недостатка работ, посвященных функциональной роли принципов права в целом и гражданского в частности. Это, естественно, отражается на литературной стороне вопроса, посвященной принципу свободы договора.

«Свобода договора» – понятие емкое и насыщенное. Одной из первых стран, где широко начал применяться принцип свободы договора, стала Англия. Этой стране, одной из первых вступивших на путь капиталистического развития, пришлось решать вопрос о необходимости установления пределов этой свободы. Вначале государство мало стесняло договорную свободу, а устанавливаемые ограничения и запрещения договора были малочисленными и узкими [4, с. 67], позднее ограничения получили более широкое значение в целях соотношения частной выгоды с публичной. Принято считать, что все существующие ограничения принципа свободы договора, зафиксированные в российском законодательстве, также подчинены этой цели.

Все наличные законодательные ограничения в настоящее время можно разделить на две группы. Первые следуют из общих норм договорного права и касаются главным образом обязательных случаев заключения договора. Вторые – из смысла и содержания всего гражданского законодательства. Так, предметом договора не могут быть действия по передаче вещей, изъятых из гражданского оборота. В целом же следует отметить, что проблема законодательных ограничений принципа свободы договора не столь часто затрагивается в цивилистических исследованиях, чему можно найти двоякое объяснение. Одно из них связано с методологической стороной вопроса, ведь проблема гражданско-правовых ограничений берет свое начало в более общей и отнюдь теоретически небезопасной тематике о пределах и ограничениях в праве. Второе относится к методической составляющей, связанной с основной чертой диспозитивного метода гражданско-правового регулирования – правонаделением, в связи с этим более типичными для гражданско-правовой доктрины являются исследования, посвященные проявлениям дозволений, а не ограничений. Но в этой, второй, части не все оказывается «полнокровным» в силу того, что принцип свободы договора, пребывая в разряде новейших для российского законодательства, раскрывается весьма стереотипно и стандартно.

На самом деле его значимость проявляется не только в тех аспектах, которые были обозначены выше, но и в других.

Так, своеобразным проявлением свободы договора является то, что теперь стороны могут заключить договор, в котором содержатся элементы различных договоров, так называемые смешанные договоры. В законе требования к этой конструкции отсутствуют.

Однако анализ ст.ст. 8, 10, п. 3 ст. 421 ГК РФ позволяет выделить следующие признаки смешанного договора: а) этот договор прямо не может быть отнесен к какому-либо одному из известных договоров, ибо он содержит элементы двух и более договоров. Иначе говоря, строго классифицировать его трудно, а иногда и невозможно; б) такой договор должен содержать элементы не любых договоров, а лишь тех, которые уже предусмотрены законом, иными правовыми актами, т.е. известных, регулируемых законодательством России; в) смешанный договор в различных своих частях (элементах) регулируется правилами о тех или иных договорах, элементы которых он включает в свое содержание. Этим видам договоров посвящено немалое число работ, поэтому в данной статье на их характеристике специально останавливаться не будем.

Однако важно подчеркнуть методологическую значимость начала свободы договора при характеристике данных договорных конструкций. Еще в советский период исследования в области договорного права не ограничивались лишь теми типами договоров, которые предусматривались в законодательстве; стороны вольны создавать по мере необходимости и новые, не урегулированные в законе, виды договоров, лишь бы они не противоречили основным принципам данного законодательства [5, с. 17].

Представляется, что элементом сущностной стороны принципа свободы договора является право сторон своим соглашением исключить действие какой-либо диспозитивной нормы в отношениях между ними, тем самым как бы парализуя одно из прав какой-либо стороны в договоре. Безу-

словно, что это право безгранично, поэтому может быть реализовано только не в противоречии с интересами самих сторон договора и третьих лиц, на которых распространяются правовые последствия заключенного договора.

Вопреки традиционному восприятию принципа свободы договора автор настоящей статьи исходит из того, что адекватность понимания данного начала побуждает искать его выражение не только в стадиях становления договорных отношений, но и в стадиях последующего развития гражданско-правового отношения, основанного на договоре, – его изменения и прекращения.

Вполне справедливо мнение, что выражением договорной свободы является также наделение сторон широкой возможностью определять дальнейшую судьбу договора, поскольку «те, кто обладают правом по собственной воле заключать договор, должны быть, в принципе, столь же свободны в вопросах его расторжения или изменения отдельных договорных условий» [6, с. 348].

Право свободно установить размер ожидаемых убытков за нарушение договора также является одной из форм проявления свободы договора. Контрагентам всегда виднее, какой размер убытков может понести потерпевшая в договоре сторона. Осуществление данного права сторонами облегчает процесс взыскания заранее определенных убытков по той причине, что при нарушении договора неустойка не подлежит доказыванию.

Таким образом, принцип свободы договора требует нормативной детализации. Повышенное внимание должно быть уделено параллельным и сопутствующим законодательным сферам, и в первую очередь сферам конституционно-правового регулирования. Эти и подобные им уточнения содержательной стороны принципа свободы договора позволят минимизировать технико-юридические погрешности, которые нередко затрудняют реализацию такого основного начала, как свобода договора в практике правореализации и правоприменения.

1. Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.: Юрид. лит., 1980.

2 Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2005. (Серия «Классика российской цивилистики»).

3 Ершов Ю.Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

4. Халфина Р.О. Договор в английском гражданском праве. М.: Юрид. лит., 1959.

5. Новицкий И.Б. Обязательства из договоров. Заключение договора. Дарение. Двусторонние договоры. Договоры в пользу третьего лица. Комментарий к ст.ст. 130, 140 и 144–146 ГК. М.: Право и жизнь, 1924.

6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. М.: Статут, 1997.

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ СИТУАЦИЯ»

А.В. Пермяков

(аспирант кафедры гражданского права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета; clapper@mail.ru)

В статье рассматриваются сущностные характеристики таких правовых понятий, как «правовая ситуация» и «гражданско-правовая ситуация». В целях отграничения от иных правовых явлений автор предлагает дефиницию понятия «гражданско-правовая ситуация», классифицирует его и определяет место этого явления в механизме гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: ситуация, правовая ситуация, гражданско-правовая ситуация, совокупность обстоятельств, заблуждение, юридический факт.

Рассматривая вопрос о ситуационных состояниях в гражданском праве, прежде всего необходимо определиться с первоосновой самого понятия «ситуация», его формально-логическим аспектом. Оно часто упоминается в доктринальных исследованиях, однако ученые не останавливаются на его сущности, в связи с этим обоснованно встает вопрос об адекватности использования в научном обороте как самого понятия «ситуация», так и производных от него, в числе которых понятие «гражданско-правовая ситуация».

Общеизвестно, что в юридических понятиях выражаются и достижения юридической науки. Поэтому в юридической литературе принято делить понятия на понятия науки права и понятия права [1, с. 155]. Участвовавшее употребление в доктрине понятия «ситуация» является собой новый взгляд на категориально-терминологический аппарат права в целом и гражданского в частности. Однако есть и другая сторона. Дело в том, что часть понятий, употребляемых ordinarily и привычно, оказываются тем не менее без должной правовой квалификации как в науке, так и в законодательстве. Например, такие понятия, как «обман», «заблуждение», «иждивение» и подобные им, больше означающие вид правовых состояний, оказывается, весьма непросто поставить на соответствующее им место в механизме правового регулирования в их собственно правовом значении: ни к юридическому факту, ни к правоотношению, ни к какому-либо иному известному понятию они неприменимы. Каждое из них обладает рядом собственных особенностей,

не позволяющих однозначно причислить их к уже известным понятиям, категориям, явлениям. В связи с этим возникает закономерный выбор в виде двух возможностей: либо исследовать проблему, вынесенную в заголовок настоящей статьи, выделяя тем самым гражданско-правовую ситуацию как самостоятельное понятие и соответствующую ему юридическую конструкцию, либо обоснованно признать, что понятие «гражданско-правовая ситуация» является разновидностью (или частью) уже существующих и известных гражданско-правовых явлений.

В отношении того или иного явления можно говорить о различных его аспектах или сторонах: социальных, экономических, этических, правовых. Исходным по отношению к понятию «гражданско-правовая ситуация» является обыденное понятие «ситуация», которое за пределами права, например в гуманитарных науках, согласно энциклопедической литературе, определяется как положение, расположение (от латинского *situs*). В Толковом словаре русского языка – это совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение [2]. В иных словарях в качестве синонимов используются слова «размещение», «состояние», «отношение», «позиция» [3, с. 717; 4, с. 1190; 5].

Ситуация – фундаментальное понятие экзистенциалистской философии, для которой любая мысль может быть понята лишь исходя из определенной ангажированности индивида в мире и истории, это общее отношение живого существа к его

природному окружению, в частности, человека к его общественной и исторической среде. Как указывал К.Т. Ясперс, ситуация, в которой мы оказываемся, противоположна позиции, выражающей собой сознательную реакцию индивида на ситуацию. По сути, в экзистенциализме ситуация выступает как способ бытия человека и основа интерпретации (усвоения) действительности вообще [6, с. 416].

Для социологии в понятие «ситуация» характерно включение состояния самого субъекта, если она (ситуация) обуславливает его поведение. В социологии ситуация рассматривается с позиции совокупности внешних по отношению к индивиду условий, побуждающих и опосредующих его активность. В то же время признание роли субъективных факторов в понимании ситуации – ее восприятия, интерпретации, значимости для человека – становится доминирующим подходом в описании отношений человека с окружающим его миром [7, с. 94]. Отсюда характерные черты понятия «ситуация». Во-первых, ситуация – это совокупность внешних по отношению к индивиду условий (обстоятельств), возникающих стихийно под воздействием объективных факторов. Во-вторых, указанная совокупность обладает признаками неповторимости и уникальности. В-третьих, ситуация оказывает влияние на субъекта общественных отношений. Иначе говоря, ситуация обуславливает поведение оказавшегося в определенных условиях субъекта. При этом ситуация влияет и на отношения, в которых участвует субъект. Влияние на отношения находит свое отражение как в виде факта, в силу которого они возникают, так и в виде той совокупности обстоятельств, в силу которой они изменяются и прекращаются.

Возвращаясь к вопросу о сущности правовой ситуации, обратимся к сущностному признаку данного понятия. Это понятие не является специальным юридическим термином, поэтому на его формальное определение опереться нельзя. Между тем «ситуационные термины» нередко употребляются в международных правовых актах, актах индивидуального судебного

регулирования, а также в юридической литературе [8; 9, с. 187-197; 10]. В нормативном пространстве указанная категория употребляется обычно в одном из двух значений: сложившееся в правовой жизни страны положение (по сути – правовой режим) либо конкретный жизненный случай, подвергшийся правовому воздействию.

По правилам логического анализа можно вычленить тот признак, который для него является существенным. Таким для любого понятия должен считаться тот признак, с исключением которого уничтожается само понятие [11, с. 519-520]. Отсюда в анализе терминологического значения понятия «правовая ситуация» определяющее значение имеет присутствие в нем слова «правовая», указывающего на то, что явление определяется с точки зрения права, связано с ним и иными явлениями, присутствующими в правовой коммуникации.

Вполне естественно, что понятия «правовая ситуация» и «гражданско-правовая ситуация» соотносятся между собой, как целое и часть, т.е. правовая ситуация является разновидностью ситуации вообще, а гражданско-правовая ситуация – частью правовой ситуации. Любое правовое отношение есть общественное отношение, но не всякое общественное отношение есть правоотношение [8, с. 382]. Так же и любая правовая ситуация есть ситуация вообще, но не всякая ситуация есть правовая. Соответственно ей свойственны все те же признаки, что и ситуации в целом.

К специальным же признакам правовой ситуации*, по замечанию И.В. Шипунова, следует, как минимум, относить ее правовой характер, конфликтоопасность, потенциальную типичность [12, с. 283]. Эта ситуация находится в рамках правового воздействия, а значит, подвергается нормативному регулированию. По мнению названного автора, конфликтоопасность свойственна юридической ситуации постольку, поскольку она отражает различные,

* Для целей настоящей работы понятия «юридическая ситуация» и «правовая ситуация» рассматриваются в качестве тождественных. Однако, как представляется, указанный вопрос требует отдельного рассмотрения.

подчас противоположные и противоречивые интересы субъектов права. В такой ситуации всегда существует возможность возникновения конфликта этих интересов, который может перерасти собственно в юридический конфликт [13, с. 333].

Известно, что право представляет собой такой социальный регулятор, который основан на поиске типичных моделей поведения, выявлении сущностных, атрибутивных свойств, образующих правовую материю явлений, «отбрасывании» всего того, что не является юридически значимым [12, с. 283]. Соответственно для юридической ситуации, в отличие от других родовых понятий, свойственна потенциальная типичность, возможность выявления сходных, а порой и аналогичных по своим сущностным характеристикам правовых ситуаций. Указанное вносит коррективы в признак уникальности и неповторимости ситуации, предполагает некоторое преломление этого свойства.

С.С. Алексеев указывает, что принципиально важным аспектом правовой ситуации является заложенная в данную ситуацию необходимость получить ее юридическое разрешение [14, с. 257]. При этом правовая ситуация должна получить именно правовое разрешение, то есть ответ на вопрос: кто и на что имеет право. В свою очередь, свойство разрешимости правовой ситуации проявляется и в том, что она должна быть обязательно разрешена, существует императив, не позволяющий правоприменителю отказаться от разрешения правовой ситуации.

Аналогичные свойства следует предписать и гражданско-правовой ситуации с той лишь разницей, что совокупность обстоятельств имеет место в сфере гражданско-правового регулирования. Это объективно накладывает свой отпечаток.

Так, одним из принципов (и методов) гражданско-правового регулирования является принцип дозвоительной направленности. С учетом этого субъекты правоотношения, они же участники гражданско-правовой ситуации, имея выбор вариантов поведения, вправе совершать любые действия, не запрещенные законом. При этом

усмотрение субъектов гражданского права при осуществлении принадлежащих им прав опирается только на их имущественные и иные интересы [15, с. 27]. Указанные особенности, предопределяющие специфику воздействия гражданско-правовых норм на регулируемые общественные отношения, отражаются на понимании гражданско-правовой ситуации.

Вместе с тем свобода усмотрения субъектов гражданско-правовой ситуации не безгранична и существует в определенных юридических рамках. Иначе говоря, субъект гражданского права может воспользоваться сложившейся гражданско-правовой ситуацией в своих интересах, а может и не воспользоваться, отказавшись от принятия и осознания сложившейся совокупности обстоятельств. Указанное также свидетельствует и о том, что для гражданско-правовой ситуации, по сравнению с ситуацией правовой, характерно еще большее преломление свойства типичности. Это объясняется еще и тем, что осуществление и защита гражданских прав зависят от усмотрения участников гражданского оборота, а не от усмотрения органов государственной власти, местного самоуправления, а также иных лиц.

Одновременно указанное обстоятельство преломляет и свойство разрешимости правовой ситуации в сфере гражданско-правового регулирования. По сути, в отличие от отраслей публичного права, где правоприменитель обязан разрешить сложившуюся правовую ситуацию в силу прямого указания на это в норме права**, гражданское законодательство не содержит императивных норм по разрешению гражданско-правовых ситуаций. Содержащие-

** Так, к примеру, в ч. 2 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) указано, что в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления.

ся в гражданском законодательстве нормы права выражают в первую очередь частные интересы участников гражданского оборота. Это означает, что органы государственной власти и местного самоуправления и любые иные лица не вправе вмешиваться в частные дела субъектов гражданского права, если они осуществляют свою деятельность в соответствии с требованиями законодательства.

Иначе говоря, ни один государственный или муниципальный орган, а равно и любое иное лицо не могут принудить участников гражданского оборота разрешить сложившуюся гражданско-правовую ситуацию как самостоятельно, так и посредством обращения к компетентному органу. В этом, в частности, проявляется принцип недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. Соответственно, если правовая ситуация должна быть обязательно разрешена, то гражданско-правовой ситуации этот императив не свойственен: разрешение получают только те гражданско-правовые ситуации, участники которых либо сами разрешают их, либо инициируют процесс разрешения, обращаясь к компетентным органам.

В связи со сказанным выше также необходимо обратить внимание на тот факт, что нормы гражданского законодательства зачастую стимулируют участников гражданского оборота к уходу от возникновения гражданско-правовых ситуаций (иначе говоря, от возможного конфликта). При этом участники гражданских правоотношений самостоятельно выбирают те меры (способы обеспечения обязательств, заключение предварительного договора, совершение сделок под условием и т.д.), которые будут придавать отношениям бесконфликтный характер, то есть учитывать интересы участников гражданских правоотношений в максимально возможной степени. Естественно, что какое-либо принуждение (по общему правилу) со стороны любых лиц в данных вопросах отсутствует. Даже если, к примеру, мы говорим о договоре присоединения (статья 428 ГК РФ), где условия определены в стандартных формах и могут быть приняты другой сто-

роной не иначе как путем присоединения к предложенному договору в целом, то и здесь мы обнаружим бесконфликтную направленность гражданско-правового регулирования. Во-первых, исходя из принципа свободы договора (статья 421 ГК РФ) сторона вправе не присоединяться к договору. Во-вторых, даже если она и присоединилась к договору, то для нее законодательно закреплена возможность изменения или расторжения указанного договора (пункт 2 статьи 428 ГК РФ). Одновременно норма об изменении или расторжении договора присоединения стимулирует сторону, определяющую условия договора, учитывать возможные интересы другой стороны, не злоупотреблять предоставленным правом, а равно и не уходить от ответственности по договору.

Таким образом, правовую (юридическую) ситуацию следует рассматривать как совокупность подвергшихся правовому воздействию обстоятельств, возникающих стихийно, характеризующихся конфликтностью, потенциальной типичностью, императивно требующих разрешения и оказывающих влияние на возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Соответственно, гражданско-правовая ситуация – это совокупность подвергшихся гражданско-правовому воздействию обстоятельств, возникающих стихийно, характеризующихся относительными конфликтностью и потенциальной типичностью, диспозитивно требующих разрешения и оказывающих влияние на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Возможность изучить явление в разных аспектах позволяет его классификация. Так, гражданско-правовые ситуации следует дифференцировать в зависимости от времени действия. Как представляется, по данному основанию следует выделить следующие гражданско-правовые ситуации, т.е. те, которые имеют место не одномоментно, а в течение определенного периода времени, и разовые (одномоментные) гражданско-правовые ситуации, продолжительность действия которых занимает крайне незначительный период време-

ни. Исходя из понимания того факта, что субъект является элементом социальной структуры общества, общественного отношения, а равно и гражданского правоотношения, необходимо разграничить ситуации в зависимости от факта участия субъекта в них. Соответственно ситуации можно разделить на бессубъектные, которые происходят без участия субъекта, и субъектные. Последние можно дифференцировать на моносубъектные (с одним субъектом), бисубъектные (два субъекта) и полисубъектные (три и более субъекта). В связи с данной классификацией необходимо ответить на вопрос: что подразумевает под собой «участие субъекта в ситуации»?

Как представляется, для права важным является понимание участия не только в форме непосредственного участия субъекта, но и в форме восприятия ситуации этим субъектом при отсутствии непосредственного участия, т.к. понимание того, как субъект воспринимает ту или иную совокупность обстоятельств, является зачастую важным и необходимым условием участия в правоотношениях.

Так, заблуждение относительно природы сделки и качеств ее предмета может привести к признанию ее недействительной (пункт 1 статьи 178 ГК РФ). Соответственно гражданско-правовую ситуацию следует отнести только к субъектным ситуациям вообще. В связи с этим также следует выделить гражданско-правовые ситуации по критерию значимости для субъекта: безразличные, т.е. те, к которым субъект относится индифферентно, и значимые, которым субъект придает значение в той или иной степени.

Гражданско-правовые ситуации допустимо дифференцировать в зависимости от их влияния на гражданские правоотношения. Соответственно можно выделить гражданско-правовые ситуации, не влияющие на гражданские правоотношения и влияющие на гражданские правоотношения. Последние можно разграничить на ситуации, влекущие возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений.

Так, например, с точки зрения ситуационной начало снегопада в лесу для проживающих в городе не имеет юридического значения. Однако если снегопад наблюдается в городе, то это будет иметь последствия не только фактические, но и юридические. Для коммунальных служб это повлечет необходимость привлечения к выполнению обязанностей по гражданско-правовым договорам соответствующих организаций (возникновение правоотношений). Для организаций, осуществляющих непосредственную уборку снега, – необходимость увеличения объема работ в рамках одного договора либо привлечения субподрядчиков (изменение сложившихся правоотношений между лицами). В свою очередь, указанное обстоятельство может быть рассмотрено и в качестве непреодолимой силы, а следовательно, влекущего невозможность выполнения обязательств и, в крайнем случае, их прекращение.

По нашему мнению, в основе гражданско-правовой ситуации может лежать одно обстоятельство, с одной стороны, необходимое и достаточное, с другой стороны, существенное, т.е. влияющее на возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений (единичные ситуации). Это обстоятельство может быть как внутренним, так и внешним. Так, заблуждение относительно природы сделки и качеств ее предмета может привести к признанию ее недействительной (пункт 1 статьи 178 ГК РФ). При этом заблуждение следует рассматривать как несоответствие субъективного образа объективной действительности, т.е. оно является внутренним явлением.

По сути, наличие заблуждения у лица относительно природы сделки влечет (или может повлечь) за собой изменение или прекращение тех гражданских правоотношений, которые сложились между сторонами. Однако следует остановиться на следующем моменте. Если заблуждение – явление внутреннее и связано с отношением лица к сделке, то гражданско-правовая ситуация, как правило, явление внешнее, представляющееся как совокупность обстоятельств, подвергшихся гражданско-правовому ре-

гулированию. Исходя из позиции, что заблуждение (ошибка) представляет собой основанное на незнании ошибочное представление о наличии или отсутствии того или иного факта или обстоятельства [16, с. 11], следует прийти к выводу, что само по себе указанное незнание есть определенное обстоятельство. При этом указанному обстоятельству свойственны все те признаки, что и обстоятельствам, входящим в понятие гражданско-правовой ситуации, с той лишь разницей, что оно одно уже влияет на гражданские правоотношения, а значит, является существенным, необходимым и достаточным для возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений.

Соответственно гражданско-правовые ситуации следует классифицировать на единичные гражданско-правовые ситуации (в основе которых лежит одно необходимое, достаточное и существенное обстоятельство) и неединичные гражданско-правовые ситуации (многоаспектные, в основе которых лежит совокупность обстоятельств).

Классификация гражданско-правовых ситуаций возможна по степени схожести: на однородные и неоднородные. Однородные – аналогичные по своей сути, слагающиеся из схожих обстоятельств, гражданско-правовая оценка которых схожа до степени необходимости вынесения одинаковых решений.

Другим критерием классификации гражданско-правовых ситуаций является статус правоприменителя, по которому все ситуации делятся на судебные и несудебные. Правосудие как осуществляемая исключительно судом деятельность по разрешению юридических дел в отличие от иного правоприменения суть не механическое претворение в жизнь писаных юридических предписаний, а само живое право, право в жизни, поэтому органы правосудия призваны прежде всего утверждать дух права, глубокие правовые начала [14, с. 322].

Возникает вопрос: следует ли рассматривать единичную гражданско-правовую ситуацию (в качестве примера – заблужде-

ние) как юридический факт, отождествлять указанные категории? Как представляется, нет. Содержащиеся в гражданском законодательстве правовые нормы сами по себе не порождают, не изменяют и не прекращают гражданских правоотношений. Для этого необходимо наступление определенных правовыми нормами обстоятельств, которые называются основаниями возникновения гражданских прав и обязанностей (статья 8 ГК РФ). Это такие юридические факты, с реальным наступлением которых возникают определенные жизненные обстоятельства (условия, ситуации). Нормы права связывают с их наступлением возникновение, прекращение или изменение гражданских правоотношений.

Таким образом, гражданско-правовая ситуация (пример единичной правовой ситуации – заблуждение) при рассмотрении с точки зрения традиционного понятийного аппарата юриспруденции представляет собой «юридический факт», а точнее – «фактический состав» [14, с. 261].

Как известно, все юридические факты можно классифицировать на действия или события. Действия совершаются по воле человека. Например, исполнение обязательства, заключение договора, принятие наследства и т.д. Но если имеет место заблуждение, то говорить о наличии воли человека в данном случае не приходится. Его воля направлена на заключение сделки, но не на непонимание ее природы и существа. Таким образом, отнести заблуждение как единичную гражданско-правовую ситуацию (и правовую ситуацию в целом) к действиям не представляется возможным.

В свою очередь, события – внешние по отношению к субъекту обстоятельства, протекающие независимо от воли человека. Между тем заблуждение выступает явлением внутренним. Иначе говоря, отнести заблуждение к событиям не представляется возможным.

Юридический факт (состав) предусматривается нормой (в нашем случае гражданско-правовая ситуация, хотя и может быть смоделирована в общем виде, выступает как случайное явление, т.е. заранее не пре-

дусмотренное. Юридическая значимость обстоятельств, составляющих гражданско-правовую ситуацию, определяется и оценивается уже после ее завершения, в то время как юридический факт закрепляется в существующей до его возникновения норме (гражданского) права.

Таким образом, в гражданско-правовой ситуации может присутствовать обстоятельство, которое не определено в качестве юридического факта, а следовательно, гражданско-правовая ситуация может быть шире юридического состава и включать такие элементы, которые собственно юридическими фактами признать нельзя.

Так, В.Б. Исаков выделял социально значимые факты, образующие ту или иную социальную ситуацию, юридические условия (которые презюмируются) и собственно юридические факты. Ученый указывал, что составляющие социальную ситуацию факты могут не входить в число юридически значимых, но иметь принципиальное значение [17, с. 20-23]. В силу сказанного, следует прийти к выводу, что гражданско-правовая ситуация оказывает влияние на правоотношения, но не всегда приводит к их возникновению, изменению или прекращению.

Как заметил С.С. Алексеев, правовая ситуация – более сложное явление, чем юридический факт, в ней заложены иные сущностные характеристики, особенно с позиции различных юридических систем и теории правовых средств [14, с. 262]. Таким образом, необходимо говорить о (гражданско-) правовой ситуации как о самостоятельной категории, обладающей своим набором признаков и свойств.

1. Власенко Н.А. Язык права: монография. Иркутск, 1997. 176 с.

2. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Издание 1935–40 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 10.05.2010).

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой (22-е изд., стер.). М.: Рус. яз., 1990. 1200 с.

4. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. М.: Норинт, 2000. 1536 с.

5. Словарь синонимов [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 10.05.2010).

6. Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра-М, 1997. 816 с.

7. Гришина Н.В. Психологические проблемы восприятия ситуаций // Вестник СПбГУ. Сер. 6, Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2001. Вып. 2 (№ 14). С. 94-102.

8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.

9. Людике, Белкасем и Коч против Федеративной Республики Германия: постановление Европейского Суда по правам человека от 28 нояб. 1978 г. (рус. извлечение) // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 187-197.

10. Договор между Российской Федерацией и Королевством Бельгия о согласии и сотрудничестве (подписан в Брюсселе 8 декабря 1993 года) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 43. Ст. 4172.

11. Трубецкой Е.И. Труды по философии права: монография / вступ. ст., сост. и примеч. И.И. Евлампиева. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. 543 с.

12. Шипунов И.В. Юридическая ситуация как фактор правообразования // Источники права: проблемы создания, систематизации и реализации: Межвуз. сб. статей / под ред. В.Я. Музыкина, В.В. Со рокина. Барнаул, 2007. С. 279-294.

13. Глазырин В.А. Юридическая социология: учебник для вузов. М.: Норма, 2000. 368 с.

14. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения: монография. М.: Норма, 2001. 752 с.

15. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Велби, Проспект, 2007. 784 с.

16. Заекало А.Ю. Заблуждение при совершении сделки: европейская правовая традиция и современное российское право: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск: Позитив, 2008. 26 с.

17. Исаков В.Б. Юридические факты в советском праве: монография. М.: Юрид. лит., 1984. 144 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Г.А. Алиханова

(соискатель Научно-исследовательского института частного права
Казахского гуманитарно-юридического университета, г. Алматы,
кандидат юридических наук; praga-07@list.ru)

Автор анализирует законный режим супружеского имущества, соотносит его с режимом брачного договора. Исследует вопросы общей собственности супругов в отношении паев (долей), вкладов в банках, а также проблемы, связанные с дачей согласия на совершение сделки с общим имуществом супругов.

Ключевые слова: брачный договор, соглашение о разделе имущества супругов, законный режим имущества супругов, корпоративные права, доли, фактическое и юридическое согласие.

Правовой режим имущества супругов в Республике Казахстан регулируется двумя законодательными актами: Законом Республики Казахстан «О браке и семье» от 17 декабря 1998 года (далее – ЗоБС РК) и Гражданским кодексом Республики Казахстан (общая часть), принятым 27 декабря 1994 г. и вступившего в силу 1 марта 1995 г. (далее – ГК РК). Согласно ЗоБС РК отношения по общему имуществу супругов отнесены к предмету регулирования семейного законодательства. Нормы гражданского законодательства применяются лишь тогда, когда эти отношения окажутся не урегулированными брачно-семейным законодательством и не противоречащими существу брачно-семейных отношений, т.е. в субсидиарном порядке (п. 1 ст. 5 ЗоБС РК). Данная норма подчеркивает приоритет семейного законодательства в регулировании имущественных отношений супругов.

Законодательством предусмотрено два режима имущества супругов: законный и договорный. Как и в большинстве государств, законным является режим общей совместной собственности супругов, если брачным договором не установлено иное (п. 1 ст. 32 ЗоБС РК). Брачным договором может быть установлен режим раздельной собственности супругов либо режим общей долевой собственности; либо смешанный режим, когда часть имущества может находиться в собственности каждого из супругов, а остальная часть может быть отнесена к общей совместной собствен-

ности. Договорный режим устанавливается брачным договором. Согласно ст. 38 ЗоБС РК брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Данная норма появилась в семейном законодательстве гораздо раньше принятия ЗоБС РК: возможность заключения брачного контракта была предусмотрена Законом РК «О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье КазССР» от 23 октября 1993 г. (далее – КоБС КазССР). Статьей 19-1 было предусмотрено заключение брачного контракта на добровольной договорной основе по желанию лиц, вступающих в брак. Брачным контрактом также могли устанавливаться иные имущественные отношения супругов, отличные от ранее предусмотренных КоБС КазССР.

В настоящее время брачный договор является основным документом, определяющим имущественные права и обязанности супругов в браке. Его заключение является правом, а не обязанностью лиц, вступающих в брак и живущих в браке, т.е. супругов. Форма договора письменная, с обязательным нотариальным удостоверением. Договор может быть заключен как до государственной регистрации брака, так и в любое время после регистрации брака, т.е. в период брака. В случае заключения договора до государственной регистрации брака он обретает юридическую силу только со дня государственной регис-

трации брака. Это свидетельствует о том, что брачный договор и брак тесно связаны между собой и брачный договор не влечет юридических последствий без факта заключения брака.

При распространенности брачного договора в законодательстве остается неурегулированным вопрос о соотношении брачного договора с другими соглашениями между супругами, например соглашением о разделе имущества. В частности, имеет ли приоритет брачный договор по отношению к другим соглашениям между супругами?

Представляется, что брачный договор и соглашение о разделе общего имущества супругов – это различные юридические факты с неоднородными правовыми последствиями. Как форма этих документов, так и содержание юридических действий, их составляющих, не являются одинаковыми. Нормы о брачном договоре содержатся в части 2 главы 7 ЗобС РК, регулиющей договорный режим имущества супругов. Брачный договор может быть заключен в отношении как имеющегося, так и будущего имущества супругов; личного имущества каждого из супругов; имущества, которое будет передано каждому из супругов в случае расторжения брака; для регулирования иных имущественных отношений супругов.

Нормы о разделе общего имущества супругов содержатся в части 1 гл. 7 ЗобС РК, посвященной законному режиму имущества супругов. Под разделом здесь понимается как реальный раздел, так и определение долей в праве общей собственности. Договор о разделе общего имущества супругов не подлежит обязательному нотариальному удостоверению (исключением является согласие супругов об этом). Такое соглашение может заключаться только в отношении наличного имущества, находящегося в совместной собственности супругов, и факт его заключения не изменяет режима иного имущества супругов, в том числе и будущего. Тем самым, в отличие от брачного договора, соглашение о разделе общего имущества супругов может касаться лишь имущества, нажитого во время

брака. Юридическое значение соглашения о разделе общего имущества заключается в прекращении режима общей совместной собственности и установлении долевой либо раздельной собственности супругов на нажитое в браке имущество. При этом супруги вправе по своему усмотрению определить размер доли каждого в отношении нажитого во время брака имущества, а также состав того имущества, которое переходит к каждому из супругов в результате раздела.

Проблема соотношения брачного договора с иными соглашениями по поводу супружеского имущества не единственная. Так, вызывает сомнения и правильность п. 1 ст. 39 ЗобС о возможности заключения брачного договора в любое время после регистрации брака, т.е. уже в период существующего брака. Фактически это означает, что законный режим имущества супругов может быть изменен на договорный в любой момент существования брака. Между тем это может привести к возникновению негативных последствий у кредиторов одного из супругов (например, если один из них или оба занимаются предпринимательской деятельностью).

Представляется, что возможность предотвращения таких последствий должна быть предусмотрена законодателем. В настоящее время в Республике Казахстан нет единой базы данных по брачным договорам или иным соглашениям между супругами, они нигде не регистрируются (кроме реестров нотариальных контор). Речь идет не о регистрации содержания, а о факте заключения такого договора. Например, при совершении одним из супругов сделок, требующих нотариального удостоверения или государственной регистрации, ни нотариусы, ни регистрирующие органы не имеют информации о том, установлен ли между супругами иной, кроме законного, режим имущества. Указанная проблема оборачивается на практике различного рода исками в судебные органы. Иная практика принята, например, во Франции, в ст. 1394 Гражданского кодекса которой установлено, что «если один из супругов является коммерсантом на момент заклю-

чения брака или становится им в дальнейшем, то брачный договор должен быть опубликован на условиях и под страхом применения санкций, предусмотренных регламентами, относящимися к торговому реестру» [1, с. 66].

Тема брачного договора для доктрины привлекательна в силу не только относительной новизны этой конструкции, но и части неразрешенных проблем. Поэтому она продолжает интенсивно осваиваться доктриной, привлекая внимание большого числа ученых [2; 3]. Автор же намерен привлечь внимание к проблеме имущественных отношений супругов при отсутствии брачного договора.

Известно, что законным режимом имущества супругов является режим их общей совместной собственности. Право общей совместной собственности супругов возникает при наличии такого юридического факта, как заключение брака. Совместное проживание мужчины и женщины, так же как и совместное ведение общего хозяйства без регистрации брака, не является основанием для возникновения общей совместной собственности. Имущество, приобретенное такими лицами на общие средства, может находиться в общей долевой собственности.

Высокий уровень правообеспеченности отношений общей совместной собственности при отсутствии брачного договора обусловлен задачей обеспечения имущественного равноправия супругов. Принцип равноправия – один из ведущих в содержании норм, регулирующих имущественные отношения супругов. К нему обращались отдельные исследователи [4; 5], стремясь дать содержательное наполнение принципа. Обобщенная его характеристика сводится к возможности супругов иметь равные условия для осуществления прав по владению, пользованию и распоряжению имуществом, нажитым в браке. Это означает, что супруги сообща владеют и пользуются общей совместной собственностью, распоряжаются ею по обоюдному согласию, которое предполагается независимо от того, кем из супругов совершена сделка по распоряжению имуществом. Но

при этом ни один из них не вправе распоряжаться общим имуществом вопреки воле другого.

Обоюдное согласие предполагает необходимость получения согласия другого супруга. Однако, вслед за законодателями других стран, казахстанский законодатель закрепил, что наличие такого согласия предполагается (п. 2 ст. 33 ЗбС РК). А это значит, супруг, вступающий в правоотношения с третьими лицами по поводу общего имущества, не обязан предоставлять доказательств об отсутствии возражений со стороны другого супруга. Аналогичная норма содержится и в Семейном кодексе Российской Федерации (п. 3 ст. 35). Как отмечено в связи с этим в доктрине, «необходимость представления доказательств согласия другого супруга привела бы к чрезвычайному затруднению гражданского оборота [6, с. 146].

В том случае, когда один из супругов возражал против совершения сделки по распоряжению общим имуществом супругов, но сделка все-таки была совершена другим супругом, он может требовать в судебном порядке признания такой сделки недействительной, если докажет, что вторая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о его несогласии на ее совершение. Следовательно, иск о признании такой сделки недействительной может подать только супруг по мотивам отсутствия его согласия, и бремя доказывания того факта, что вторая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о его несогласии на совершение данной сделки, лежит на нем самом. При этом законодатель устанавливает специальный срок исковой давности для признания сделки недействительной. Так, супруг, нотариально удостоверенное согласие которого на совершение указанной сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального

удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга (п. 3 ст. 33 ЗбС РК). Это тот случай, когда сделка является значительной и согласие другого супруга должно быть выражено непосредственно. Данная норма соответствует реалиям сегодняшнего дня. В настоящее время в Республике Казахстан значительное число сделок может быть совершено устно или в простой письменной форме, без нотариального удостоверения. Обязательная письменная форма совершения сделок предусмотрена только в трех случаях. Согласно п. 1 ст. 152 ГК РК это:

– сделки, осуществляемые в процессе предпринимательской деятельности, кроме сделок, исполняемых при самом их совершении, если для отдельных видов сделок иное специально не предусмотрено законодательством или не вытекает из обычаев делового оборота;

– сделки на сумму свыше ста расчетных показателей, за исключением сделок, исполняемых при самом их совершении;

– в иных случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон.

Сделка, для которой законодательством или соглашением сторон не установлена письменная (простая или нотариальная) или иная определенная форма, может быть совершена устно. Таковы, в частности, все сделки, исполняемые при самом их совершении. Поэтому необоснованно, на наш взгляд, требовать удостоверения согласия супруга на совершение всех сделок, совершаемых другим супругом. Ведь особенность правоотношений общей совместной собственности супругов в том и заключается, что супруги выступают в гражданском обороте как одно лицо. И, соответственно, распоряжение общим имуществом в гражданском обороте осуществляют по взаимному согласию, которое, как было сказано, практически всегда предполагается.

Особый интерес вызывает вопрос о праве на долю в уставном капитале хозяйственного товарищества с точки зрения

брачно-семейных отношений. В последнее время значительную распространенность приобрели споры по отчуждению доли в товариществах с ограниченной ответственностью (ТОО), т.к. именно ТОО является в Республике Казахстан наиболее популярной организационно-правовой формой не только в разряде хозяйственных товариществ, но и юридических лиц вообще. Поэтому вполне вероятной является ситуация, когда один из супругов передает в уставной капитал ТОО имущество, относящееся к разряду общего. При отсутствии брачного договора и иных соглашений между супругами по поводу общего имущества, на долю в ТОО распространяется законный режим имущества супругов. Следовательно, в настоящее время по семейному законодательству РК доля в ТОО относится к общему имуществу супругов и ее правовой режим отождествляется с правом общей собственности (п. 2 ст. 32 ЗбС РК), несмотря на то, что учредителем ТОО является лишь один из супругов. В Инструкции о порядке совершения нотариальных действий нотариусами в Республике Казахстан, утвержденной приказом министра юстиции РК от 28 июля 1998 г., не различается порядок выдачи свидетельства о праве на долю в общем имуществе супругов в зависимости от того, выдается ли это свидетельство на объекты, принадлежащие на праве собственности или на ином имущественном праве.

Право на долю (вклад) в ТОО есть самостоятельное имущественное право. Однако данное право порождает еще и определенные права участника ТОО, так называемые корпоративные права. Как отметил В.А. Рахмилович, «внутри организаций корпоративного типа основанных на членстве, отношения представляют собой совокупность имущественных и личных неимущественных отношений» [7, с. 61]. Аналогично и мнение А.М. Эрделевского, относящего права на участие в управлении и на получение информации к числу личных неимущественных прав, с оговоркой о том, что под личными неимущественными правами правовая доктрина понимает не имеющие имущественного содержания не-

отчуждаемые абсолютные права, неразрывно связанные с личностью гражданина [8]. Солидарен с указанным автором Ф.О. Богатырев, считающий, что корпоративные права относятся к числу неимущественных. [9]. П.В. Степанов также считает, что членские отношения следует рассматривать как личные неимущественные [10]. Н.В. Козлова и В.С. Ем, напротив, определяют отношения членства как особые, сложные по структуре правоотношения, сочетающие в себе имущественные и неимущественные правомочия их участников, так как корпоративное правоотношение, являясь сложным структурным образованием, в качестве внутренних элементов включает в себя юридические связи между корпорацией и отдельными ее участниками, а также юридические связи между участниками корпорации, причем в данных связях участники правоотношения выступают носителями как имущественных, так и неимущественных прав [11, с. 334-337].

Не вдаваясь подробно в полемику по поводу корпоративных прав, отметим следующее. Объект корпоративных отношений – не отдельное действие или совокупность действий организации, а ее деятельность. Субъекты отношений – не должник и кредитор, обладающий правом требования, а организация и участник корпорации, обладающий корпоративными правами (право на управление ТОО, на получение информации, на ознакомление с документацией и т.п.). Как правило, прекращение имущественных прав на долю в ТОО прекращает и корпоративные права. Однако не всегда. Так, лицо может выбыть из состава участников организации и соответственно лишиться корпоративных прав, но долго еще сохранять за собой имущественные требования к ТОО. Поэтому право на долю в ТОО заключается в возможности продать или иным образом уступить свою долю в уставном капитале общества одному или нескольким участникам общества или третьим лицам, если это не запрещено уставом. Реализация данного права приводит к возникновению гражданско-правового обязательства, однако в нем ТОО стороной не является. Следовательно, воз-

никают обязательственные отношения, не являющиеся корпоративными. Как известно, ТОО является коммерческим юридическим лицом, в отношении обособленного имущества которого его участники (учредители) сохраняют обязательственные права (п. 2 ст. 36 ГК РК). Действующее законодательство позволяет сформулировать общий подход, который состоит в том, что права учредителя в отношении созданного им юридического лица относятся к разряду обязательственных. Однако обязательство все равно оказывается в разряде нетипичного как по способу возникновения, так и по содержанию.

Всякое обязательство осуществляется по отношению к управомоченному лицу. Следовательно, субъектом правоотношений по распоряжению долей в ТОО выступает только один из супругов. Даже если эта доля входит в состав общего имущества супругов, в обязательственные отношения с ТОО вступает только один из супругов. Участник ТОО утрачивает право собственности на передаваемое имущество, приобретая взамен право на часть прибыли (дохода) и на ликвидационный остаток. Участник ТОО в случае выбытия из состава участников имеет право на выплату ему стоимости его доли в уставном капитале. Аналогичная ситуация складывается в случае выхода члена производственного кооператива (п. 1 ст. 100 ГК РК), ему должна быть выплачена стоимость пая или выдано имущество, соответствующее его паю, а также осуществлены другие выплаты, предусмотренные уставом кооператива. С гражданско-правовых позиций, другой супруг не признается субъектом данных обязательственных правоотношений. Следовательно, нельзя признать за другим супругом право требовать от ТОО того, что причитается другому супругу – участнику ТОО как кредитору. Второй супруг дает лишь молчаливое или выраженное согласие на использование принадлежащего общего имущества, а также приобретает права на те имущественные блага, которые он получит в результате исполнения обязательства. Требование в отношении общего имущества, представля-

ющего собой долю в капитале или вклад в имущество ТОО, может быть предъявлено одним из супругов только к другому супругу, но не к организации.

На практике нередко возникает вопрос: может ли супруг на основании документов, подтверждающих брачные отношения (свидетельство о браке), получить в банке вклад, оформленный на имя другого супруга, поскольку депозит относится к общему имуществу супругов? Какими правами обладает второй супруг в отношении этого общего имущества, если другого общего имущества нет?

Норма ст. 34 ЗоБС РК озаглавлена «Собственность каждого из супругов» и помещена в гл. 7 закона. В ней содержатся нормы, регулирующие законный режим имущества супругов. Таким образом, предусматривается возможность существования на законных основаниях собственности каждого из супругов наряду с общей совместной собственностью вне зависимости от существования брачного договора. В такой ситуации кредитная организация не может однозначно идентифицировать, является ли вклад совместной собственностью, а презумпция согласия другого супруга на распоряжение общим имуществом предполагается исключительно по отношению к совместной собственности, но отнюдь не к собственности каждого супруга. Кроме того, на деньги, лежащие на депозите в банке, право общей собственности не распространяется. С момента заключения договора банковского вклада и открытия депозита на эти деньги распространяется только право требования клиента банка как обязательственное право, вытекающее из договора банковского вклада. Если супруг, выступая вкладчиком – стороной в договоре с банком, вносит на депозит денежные средства, относящиеся к общему имуществу супругов, то он приобретает обязательственное право требования к банку о возврате вложенной суммы и выплате процентов (ст. 756 ГК РК). Вкладчиком по договору банковского вклада может быть только одно лицо. Следовательно, другой супруг может предъявить требование в

отношении денег, лежащих на депозите, только к другому супругу, но не к банку.

Как утверждают А.А. Игнатенко и Н.Н. Скрыпникова, право требования к банку – это имущественное право, которое является составной частью общей собственности супругов, независимо от того, на чье имя внесены денежные средства. Полученные супругом по окончании действия договора денежные средства в виде процентов на сумму вклада также войдут в состав общего имущества супругов [12]. Соглашаясь со второй частью данного утверждения, можно выразить несогласие по поводу первой части и заметить, что право требования к банку как имущественное право является составной частью не общей собственности, а общего имущества.

Вопрос о наличных и безналичных деньгах как объектах гражданских прав довольно широко исследован в юридической литературе [13; 14; 15]. Правовая природа денег имеет двойственный характер: право на наличные деньги – это вещное право, право на безналичные деньги – обязательственное право. Следовательно, в данном случае на деньги, лежащие на депозите в банке, не распространяется право общей собственности, а возникает право требования. Право требования является элементом обязательственного правоотношения и относится к категории имущественных прав. Имущественные права, безусловно, относятся к имуществу. Так, согласно п. 2 ст. 115 ГК РК к имуществу относятся: вещи, деньги, в том числе иностранная валюта, ценные бумаги, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права и другое имущество. Следовательно, понятие «имущество» гораздо шире понятия «вещь» и включает в себя, кроме вещей, еще и имущественные права. Но указание на имущество как на объект права собственности содержится и в п. 1 ст. 188 ГК РК. Таким образом, законодатель распространяет право собственности на имущественные права. Именно это законодательное положение дало тол-

чок для расширительного толкования объекта права собственности и иных вещных прав и зарождения конструкции «право на права». Так, по мнению М.И. Брагинского, едва ли не большинство гражданских правоотношений являются смешанными – «вещно-обязательственными» [16, с. 278]. Между тем нельзя забывать, что граница между вещными и обязательственными правами слишком подвижна. Это связано с тем, что вещные права могут возникать из обязательственных и наоборот. Согласно ст. 379 ГК РК из договора могут возникать не только обязательственные, но и вещные правоотношения. Происходит переплетение различных прав (вещных и обязательственных), которые одновременно могут существовать в отношении одной и той же вещи. Однако это не значит, что одно и то же право является одновременно и вещным, и обязательственным.

По ст. 32 Закона РК «О браке и семье» понятия «общее имущество супругов» и «общая совместная собственность супругов» отождествляются. Это представляется неверным по существу. К общей собственности супругов отнесены приобретенные за счет общих доходов паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения. Но право на паи, вклады и доли в капитале – это обязательственное право. Право собственности – это вещное право, его объектом не могут быть обязательственные требования, хотя они и относятся к имуществу. В юридической литературе так или иначе затрагивается этот вопрос, особенно когда речь идет об отдельных объектах гражданских прав [17; 18; 19]. Вклады, внесенные в кредитные учреждения, не относятся к общей собственности, но являются общим имуществом. В ГК РК и в ЗоБС РК наблюдается переплетение данных понятий. Как правило, общее имущество выставляется объектом права общей собственности. К сожалению, на законодательном уровне еще не различаются данные понятия. Между тем при написании комментария ГК РК нами уже обращалось внимание на то, что общая собственность является лишь видом общего имущества [20]. Понятие общей собственности является

основным видом более широкого понятия общего имущества. Понятием общего имущества охватывается не только общая собственность, но и другие общие вещные и обязательственные имущественные права. Поэтому право общей собственности как вид прав на общее имущество следует отличать от других общих вещных и обязательственных прав.

В рамках действующего законодательства следует подвергнуть раздельному правовому регулированию общую собственность супругов и имущественные права супругов. Последние следует рассматривать как усеченные общие имущественные права, поскольку осуществление имущественных прав одним из супругов всегда должно производиться через обеспечение интересов другого супруга.

1. Гражданское, торговое и семейное право капиталистических стран: сб. нормативных актов: гражданские и торговые кодексы / под ред. В.К. Пучинского, М.И. Кулагина. М.: Изд-во УДН, 1986.

2. Тусубжанова Д.Д. К вопросу о понятии, признаках и особенностях брачного договора как способа регулирования имущественных отношений супругов // Гражданское право и гражданское законодательство: материалы Междунар. науч.-теоретич. конф., посвящ. юбилею Гражданского кодекса Республики Казахстан (15-летию Общей части и 10-летию Особенной части). Алматы, 13-14 мая 2009 г. Алматы, 2009. С. 565-572.

3. Муканова М.Ж. Значение брачного договора в регулировании семейно-брачных отношений // Актуальные проблемы современного гражданского права: материалы Междунар. науч.-теоретич. конф. аспирантов и соискателей. Алматы, 2001. С. 211-215.

4. Дзыба Р.А. Равноправие супругов – основной принцип советского семейного права. Казань: Изд-во КГУ, 1972.

5. Чиквашвили Ш.Д. Имущественные отношения в семье. М.: Юрид. лит., 1976.

6. Антокольская М.В. Семейное право: учебник. изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Юристъ, 1999.

7. Рахмилович В.А. Гражданское право России: курс лекций. М., 1996.
8. Эрделевский А. О защите личных неимущественных гражданских отношений // Хозяйство и право. 1997. № 6.
9. Богатырев Ф.О. Состав относительных неимущественных гражданских отношений // Журнал российского права. 2002. № 11.
10. Степанов П.В. Корпоративные отношения как предмет гражданского права // Законодательство. 2002. № 6.
11. Гражданское право: в 2 т. Т. 2. Полут. 2 / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: БЕК, 2000. С. 334-337.
12. Игнатенко А.А., Скрыпникова НН. Брачный договор. Законный режим имущества супругов. М.: Филин, 1997.
13. Карагусов Ф.С. Деньги и ценные бумаги в системе гражданских прав. Алматы, 2002.
14. Маметова Р.А. Деньги как объект гражданских прав // Объекты гражданских прав / под ред. М.К. Сулейменова. Алматы, 2008. С. 125-134.
15. Ефимова Л.Г. Правовые аспекты безналичных денег // Закон. 1997. № 1. С. 97-105.
16. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 2003.
17. Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. М., 1996.
18. Право и собственность в РК. Алматы, 1998.
19. Гражданское право: академический курс. Алматы, 2000.
20. Алиханова Г.А., Покровский Б.В. Общая собственность. Гражданский кодекс Республики Казахстан (общая часть). Комментарий (постатейный) / под ред. М.К. Сулейменова и Ю.Г. Басина. Кн. 2. Алматы, 2007. С. 68.

Раздел 4. Уголовное законодательство и криминологическая наука

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДМЕТА ГРАБЕЖА

Л.В. Чернышева

(старший оперуполномоченный по особо важным делам 2-го отдела организационно-аналитического управления Департамента экономической безопасности МВД России, г. Москва; 8 (495) 667-05-02)

В статье рассматриваются законодательные, правоприменительные и научно-теоретические вопросы предмета грабежа. На основе анализа норм гражданского права автор исследует различные аспекты категории «имущество», на основании этого уточняет его уголовно-правовое понимание и предлагает его закрепление в акте нормативного толкования уголовного закона.

Ключевые слова: предмет, грабеж, имущество, хищение, вещь, чужое.

Определение признаков предмета хищения как преступления против собственности, в частности грабежа, представляет большое практическое значение в процессе квалификации преступлений. В уголовном праве принято считать, что предметом преступления является указанный в законе предмет материального мира, путем воздействия на который виновный непосредственно осуществляет посягательство на объект преступления [1; 2, с. 14]. Таким образом, природа предмета преступления обусловлена его связью с объектом преступления – общественными отношениями.

Предметом грабежа, как и любого другого хищения, является чужое имущество. Термин «имущество» употребляется в юриспруденции в разных значениях. Отметим, что в хищении он понимается эже, чем в гражданском законодательстве. Так, согласно ч. 2 ст. 15 и ч. 2 ст. 46 ГК РФ под имуществом понимаются отдельные вещи или их совокупность. По смыслу нормативных установлений, закрепленных в ч. 2 ст. 302 и ч. 1 ст.ст. 3-7 ГК РФ, понятием «имущество» охватываются вещи, деньги и ценные бумаги. К имуществу примыкают и имущественные права (ст. 18, ч. 1 ст. 56 ГК РФ). Кроме того, понятие «имущество» обозначает всю совокупность наличных вещей, денег, ценных бумаг, имущественных прав, а также связанных с ними прав и обязанностей субъекта (ч. 2 ст. 63 ГК РФ). Таким образом, имущество выступает в

уголовном праве в нескольких аспектах: а) имущество как предмет преступного посягательства и б) имущество как материальное выражение имущественных прав, то есть составляющая предмета имущественных отношений [3, с. 115].

В уголовно-правовой доктрине существуют различные мнения по поводу признаков имущества, характеризующих его как предмет хищений. По мнению Н.А. Лопашенко, таких признаков три: «1) физический или вещный признак имущества; 2) комплекс экономических признаков; 3) комплекс юридических признаков. Только при одновременном наличии всех признаков сразу, – отмечает автор, – можно говорить о предмете хищения» [4, с. 170-171].

С.М. Кочои выделяет не три, а четыре признака предмета хищения: 1) физический признак – предмет хищения всегда материален; 2) социальный признак – предметом могут быть лишь объекты, в которые вложен человеческий труд; 3) юридический признак – предметом может быть лишь чужое имущество; 4) экономический признак – предмет имеет определенную хозяйственную ценность [5, с. 172-173]. Отметим, что все перечисленные признаки имеют место и в трехзвенной классификации, предложенной Н.А. Лопашенко.

По мнению И.Я. Козаченко, предмет хищения наделен тремя признаками: предметным – он выступает как материальный объект, экономическим – он воплощает в себе овеществленный человеческий труд,

и юридическим – имущество чужое и у лица на него нет прав [6, с. 357-358].

Отчасти можно согласиться с А.В. Шульгой, считающим, что традиционное материальное понимание предмета преступления против собственности, имеющего стоимость в зависимости от вложенного труда, не отвечает современному состоянию развития общественных отношений [7, с. 3]. «Предмет преступления, – полагает указанный выше автор, – должен быть расширен за счет тех благ, которые имеют цену независимо от трудовых вложений (земля, предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, информация имущественного характера и др.). ...Основным признаком предмета посягательств против собственности, – по мнению А.В. Шульги, – должна быть признана не материальная природа и создание человеческим трудом, а его действительная или потенциальная коммерческая ценность, способность быть товаром, то есть участвовать в легальном экономическом обороте. В условиях рыночных отношений и информационного общества товарные свойства предмета проявляются вне зависимости от его материальной природы и вложений человеческого труда. Поэтому в условиях современного общества следует менять представление об исключительной материальной сущности предмета преступлений против собственности, что в итоге приведет к необходимости иного, более широкого понимания объекта рассматриваемых посягательств» [8, с. 11, 13].

Как видим, такое понятие предмета преступлений против собственности, в том числе и деяний, выраженных в хищении чужого имущества, существенно расходится как с действующей уголовно-правовой доктриной, так и с положениями, закрепленными в гражданском законодательстве. Вместе с тем рациональность отдельных суждений, высказанных А.В. Шульгой, на наш взгляд, очевидна. Действительно, современное состояние развития общественных отношений привело к тому, что давно уже назрело решение многих насущных проблем. Так, например, до сих пор нет

однозначного ответа на вопрос об оправданности жесткого деления имущества на движимое и недвижимое, а также дифференциации ответственности за хищение соответствующего имущества в разных нормах УК. Своего решения ждут и некоторые другие проблемы, о которых будет сказано ниже.

Отметим, что по общему правилу предметом грабежа могут быть только вещи материального мира. Прежде всего, это вытекает из правомочий собственника (п. 1 ст. 209 ГК РФ), содержание которых определяется в большей мере натуральными, вещными свойствами объекта. Имущество, лишенное материального признака, например, электрическая энергия, интеллектуальная собственность, не может выступать в качестве предмета грабежа. Следовательно, противоправное воздействие на подобные виды имущества не может образовывать состав рассматриваемого преступления.

Уголовное законодательство не называет конкретные виды имущества, которые могут быть предметом грабежа. В связи с этим в доктрине высказывается мнение о том, что в настоящее время в УК РФ существует пробел, связанный с отсутствием ответственности за незаконное завладение чужим недвижимым имуществом [9, с. 23; 3, с. 116; 8, с. 11]. Вместе с тем, логически толкуя закон и основываясь на сложившейся практике, можно сделать совершенно определенный вывод о том, какого рода имущество законодатель имеет в виду. Таковым в составе грабежа в качестве предмета названного преступления может быть только чужое движимое имущество, то есть имущество, которое может перемещаться в пространстве без потери его потребительских свойств и целевого назначения. Данный вывод основывается на традиционном понимании хищения как перемещения имущества в пространстве с постоянного или временного его местонахождения, в результате которого собственник или иной владелец лишается контроля над своим имуществом, перестает обладать им, а виновный становится фактическим владельцем имущества [10, с. 18]. Если исходить

из такого понимания хищения, то признание чужого недвижимого имущества предметом такого преступления невозможно. Если же брать за основу толкование движимого и недвижимого имущества, то становится очевидным, что в одних случаях под имуществом понимается совокупность принадлежащих лицу вещей, а также имущественных прав и обязанностей, а в других – только наличное имущество, то есть совокупность имущества в виде вещей и имущественных прав. Иногда закон, в силу сложившихся обычаев словоупотребления, придает понятию имущества еще более узкое значение, подразумевая под ним только вещи, принадлежащие конкретному лицу*. Поэтому в гражданском праве понятие имущества многозначно и каждый раз необходимо путем толкования уяснять значение того или иного термина в конкретной гражданско-правовой норме [11, с. 300].

Отметим, что вопрос о значимости гражданско-правового деления имущества на движимое и недвижимое обсуждался еще в дореволюционной уголовно-правовой доктрине. Так же, как и в действующем уголовном законодательстве, он решался в пользу признания предметом хищения только лишь чужого движимого имущества. Однако вряд ли обосновано абсолютизировать данное положение.

Действительно, разделение имущества на движимое и недвижимое в гражданском законодательстве обусловлено тем, что под недвижимостью понимают не только земельные участки, участки недр,

* Как определенные объекты материального мира вещи более всего соответствуют физическим и экономическим представлениям о предмете хищения. Они обладают физическими параметрами – весом, объемом, количеством, другими свойствами. Их эксплуатация связана с физическим господством над этими объектами, обособляемыми, благодаря своей пространственной ограниченности, для использования собственником. Для права собственности отправным является именно правомочие владения, от которого зависит содержание и других правомочий – пользования и распоряжения. Право владения может осуществляться, прежде всего, в отношении материального предмета, ограниченно в пространстве. Поэтому такие объекты гражданских прав, как вещи, остаются распространенным, традиционным предметом грабежа.

обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, но и имущество, подлежащее государственной регистрации – здания, сооружения, предприятия, иные имущественные комплексы, многолетние насаждения (ст. 130 ГК РФ). Между тем, как справедливо отмечает профессор В.С. Устинов, «...это понятие недвижимого имущества является относительным, ибо преступник нередко способен превратить недвижимое имущество в движимое (перевезти в другое место: дом, гараж, линию электропередачи, станки, многолетние насаждения, культурный слой земельного участка и др.)» [12, с. 155-156].

Наиболее веский аргумент против жесткого разделения ответственности за посягательства на чужую собственность в зависимости от того, движимое оно или нет, содержится в действующем ГК РФ. Пункт 2 ст. 130 названного источника относит к недвижимым вещам также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Перемещение этих предметов вполне возможно без всякого ущерба их назначению. И было бы совершеннейшим анахронизмом, нелепицей хищение этих объектов, особенно воздушных и водных транспортных средств, оценивать как завладение недвижимым имуществом.

Вместе с тем, конечно, посягательства на ряд недвижимых вещей возможны не во всех формах. Например, квартирой в многоквартирном доме невозможно завладеть путем кражи, грабежа или разбоя, но можно – путем мошенничества и вымогательства. Однако это обстоятельство не требует, на наш взгляд, особого учета в диспозиции нормы [3, с. 119], также как не следует писать в законе, что предметом хищения не является газ в трубах, электричество в проводах, вода в водопроводе и т.п.

Профессор И.Я. Фойницкий, как бы предвидя отступление гражданского законодательства от естественного понятия движимости, писал, что для уголовного права обязательно лишь это естественное понимание движимого имущества. И поэ-

тому в любом случае под движимым имуществом «...понимается все то, что может быть захвачено и передвинуто с места на место, хотя бы до захвата оно составляло часть недвижимости...» [13, с. 166].

В связи с изложенным выше, полагаем необходимым в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» внести дополнение и дать определение чужого имущества, указав в нем какое именно имущество может быть предметом хищения. Представляется, что данное разъяснение следует сформулировать в пункте 1¹ названного акта казуального толкования в следующей редакции: *«Предметом хищения является чужое имущество, под которым следует понимать имущество, не находящееся в собственности или в законном владении виновного. Чужое недвижимое имущество может являться предметом хищения лишь в случаях, если его перемещение в пространстве осуществляется без ущерба его назначению»*. Полагаем, что дача такого разъяснения, *во-первых*, отвечает современному состоянию развития объекта и предмета преступлений, посягающих на собственность в условиях рыночных отношений и информационного общества, *во-вторых*, не противоречит нормативным установлениям, закрепленным в гражданском праве, *в-третьих*, развивает основные положения действующей уголовно-правовой доктрины в области противодействия корыстным преступлениям против собственности, и, наконец, *в-четвертых*, способствует единообразию и эффективности правоприменительной практики по делам о хищениях.

Отметим, что среди движимых вещей чаще всего предметом грабежа выступают деньги как всеобщий эквивалент стоимости^{**}. Их овеществленной формой являются банкноты, казначейские билеты и разменная монета. По общему правилу в качестве

^{**} По данным нашего исследования деньги являлись предметом анализируемого преступления в 57 % случаев, в остальных случаях это были: ювелирные изделия (14 %); сотовые телефоны (17 %); предметы одежды (19 %); иное (3 %).

предмета хищения выступает национальная и иностранная валюта, находящаяся в обращении в качестве законного средства платежа. Валюта, изъятая из обращения, может быть предметом хищения лишь в том случае, если она имеет нумизматическую, историческую или научную ценность.

З.А. Незнамова считает, что деньги могут выступать в качестве предмета хищения как в наличной, так и в безналичной форме [14, с. 197]. М.М. Вакула полагает, что все это в полной мере относится и к грабежу [15, с. 95]. Представляется, однако, что хищение денег в безналичной форме характерно прежде всего для мошенничества. Завладение же денежными средствами в безналичной форме путем грабежа или разбоя, в силу специфики объективной стороны этих форм хищений, обычно не свойственно данным преступлениям. Гипотетически можно себе представить ситуацию, когда виновный совершает путем грабежа, например, хищение барсетки, в которой оказывается пластиковая карта с номером пинкода. Тогда, если потерпевший не успеет заблокировать свою карту, у похитителя имеется потенциальная возможность обналечить имеющиеся на ней безналичные денежные средства. Правда, и в данном случае пластиковая карта, по сути, является лишь средством доступа к безналичным деньгам, но не представляет сама по себе аналог безналичных денег.

В качестве предмета хищения могут выступать также ценные бумаги^{***}. Вместе с тем вряд ли можно согласиться с М.М. Вакулой, что грабеж ценных бумаг является достаточно распространенным преступле-

^{***} Согласно Гражданскому кодексу РФ ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможна только при его предъявлении. В гражданском праве различают несколько разновидностей ценных бумаг. Прежде всего, выделяют документарные и бездокументарные ценные бумаги. В бездокументарных права, закрепленные ценной бумагой, фиксируются на магнитных носителях с помощью средств электронно-вычислительной техники.

нием^{****}. Как свидетельствует практика, в том числе зарубежная, ценные бумаги могут служить предметом таких форм хищения, как мошенничество, кража, присвоение и растрата. В частности, такое хищение может совершаться с использованием компьютерной техники, в том числе путем несанкционированного проникновения в компьютерные сети. Открытым способом данное хищение совершить возможно лишь в тех случаях, когда ценные бумаги находятся при потерпевшем (например, облигации, ценные бумаги на предъявителя и т.п.^{*****}). Размер хищения при изъятии ценных бумаг определяется по общему правилу их номиналом. Если рыночная стоимость ценной бумаги отличается от номинала, размер хищения следует определять по ее рыночной стоимости. Однако следует заметить, что уголовная ответственность за грабеж в основном связывается с достаточно опасным способом совершения хищения, поэтому действия могут быть признаны уголовно наказуемыми даже при незначительной стоимости похищенного.

Кроме ценных бумаг, предметом хищения могут выступать так называемые суррогатные ценные бумаги, которые по Гражданскому кодексу РФ не признаются ценной бумагой, но удостоверяют определенные имущественные права его обладателя, право на определенное имущество или услуги и работы. Нередко данные бумаги выступают в качестве суррогатных платежных средств, которые имеют оборот

**** Результаты нашего исследования показывают, что завладение ценными бумагами в процессе совершения грабежа происходило всего в двух процентах случаев, причем в некоторых из них ценные бумаги похищались наряду с деньгами или другим имуществом.

***** Именные и ордерные ценные бумаги также могут быть изъяты, но получить имущественное право, удостоверенное данной ценной бумагой, несобственнику невозможно. Поэтому предметом хищения они, а также штампы, печати, бланки, бездокументарные ценные бумаги быть не могут, если они не представляют самостоятельной материальной ценности. В случае если эти предметы похищены с целью незаконного безвозмездного завладения чужим имуществом, действия лица квалифицируются как приготовление к хищению и хищение документов.

лишь в определенной сфере. Таковыми могут быть признаны: талоны на горюче-смазочные материалы; проездные документы (абонементы, проездные билеты); жетоны для оплаты проезда на метро, жетоны междугородней телефонной сети и городской телефонной сети; знаки почтовой оплаты (марки, открытки, конверты); билеты лотерей (денежно-вещевой, книжной, ювелирной). Не могут выступать в качестве предмета хищения бумаги, которые сами по себе, без внесения соответствующих изменений, не являются носителями определенных материальных ценностей, работ или услуг. К числу таковых могут быть отнесены: билеты на проезд на транспорте, продаваемые кассирами или приобретенные через кассовые аппараты; бланки проездных билетов на транспорте, доверенности. Их изъятие может получить различную уголовно-правовую оценку, но в качестве предмета грабежа они и иные документы, кроме указанных выше, выступать не могут.

Отметим, что некоторое время назад в юридической литературе велась дискуссия по вопросу о том, могут ли быть предметом преступных посягательств на собственность документы и вещи, хотя и не представляющие сами по себе материальной ценности, но дающие право на получение имущества (например, квитанции на вещи, сданные в камеру хранения, накладные на получение товара и т.п.). Некоторые авторы склонялись к тому, чтобы признавать указанные документы предметами таких преступлений [16, с. 273].

Однако, по нашему мнению, более правильную позицию занимали авторы, полагавшие, что названные выше документы необходимо рассматривать не как предмет преступных посягательств на собственность, а как средство хищения. Так, например, Т.Л. Сергеева указывала, что «не документы как таковые могут послужить незаконному обогащению преступника, а материальные ценности, полученные в результате использования этих документов. Но тем самым конечной целью преступника при изъятии документов является не получение этих документов, а незаконное

безвозмездное получение по ним для себя или для других лиц государственного, общественного или личного имущества. Поэтому изъятие документов выступает в качестве приговорительной к хищению преступной деятельности и документ используется впоследствии в качестве средства для осуществления хищения» [17, с. 29-30]. Данное мнение разделяет большинство криминалистов [18, с. 30-31].

Необходимо отметить, что не может быть предметом грабежа бесхозяйное имущество. Действующий УК РФ не предусматривает ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного имущества. В связи с этим не может выступать в качестве предмета преступлений против собственности находка. Но относительно клада нельзя сделать столь однозначного вывода. Клад – это зарытые в землю или сокрытые иным способом деньги или ценные предметы, собственник которых не может быть установлен либо в силу закона утратил на них право. В соответствии с гражданским законодательством клад поступает в собственность лица, которому принадлежит земельный участок либо строение, в котором найден клад, и лица, обнаружившего клад. Таким образом, по общему правилу клад не может быть предметом хищения. Однако согласно ГК РФ при обнаружении клада, содержащего вещи, относящиеся к памятнику истории или культуры, они подлежат обязательной передаче в государственную собственность. Собственник участка (помещения) и лицо, обнаружившее клад, получают право на вознаграждение. При таких обстоятельствах присвоение клада следует считать хищением государственного имущества, которое может быть совершено, в том числе в форме грабежа, но действия виновных должны быть квалифицированы по ст. 164 УК РФ, ибо предметом преступления в данном случае выступают вещи особой исторической, научной, художественной или культурной ценности.

В соответствии с гражданским законодательством правила о вознаграждении не применяются к лицам, в круг трудовых или служебных обязанностей которых вхо-

дит производство раскопок и поиска, направленных на обнаружение клада. Присвоение ими клада необходимо квалифицировать как хищение в форме присвоения или растраты (если лицо является материально ответственным) либо в форме кражи, а также в случае открытого способа хищения, в форме грабежа (если лицо только в силу выполняемой работы имело доступ к найденному кладу).

Особое внимание необходимо уделить природным богатствам, отдельные части которых в определенных случаях могут выступать в качестве предмета хищения. Законодатель установил, что незаконная добыча водных животных и растений, незаконная охота должны рассматриваться не как хищения, а как преступления против природной среды, за исключением случаев, когда представители флоры и фауны извлечены из их естественного состояния либо являются результатом искусственного разведения, завладение ими должно квалифицироваться как хищение.

Как хищение, совершение которого возможно и форме грабежа, надлежит расценивать завладение плодами леса на участке, принадлежащем юридическому или физическому лицу и закрытому для доступа посторонних лиц. Если же сбор грибов, ягод и иных лесных плодов имел место на государственных, муниципальных или частных участках, открытых для свободного доступа, такие действия лица не образуют хищения и не влекут ответственности.

Как хищение следует квалифицировать завладение полезными ископаемыми, золотом, иными драгоценными металлами или камнями на золотоносных площадях или территориях, на которых ведутся разработки или которые уже разведаны, во владениях, переданных по лицензии частным или юридическим лицам. По иному должен решаться вопрос в случае, если лицо находит золото на отработанном участке или на неразведанных золотоносных территориях, принадлежащих государству или муниципальным образованиям. Такие действия могут содержать признаки, указанные в ст. 198 УК РФ.

Предметы, изъятые из гражданского оборота (оружие, боеприпасы, радиоактивные вещества, наркотические средства и т.д.) не могут являться предметом преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями гл. 21 УК РФ, и их хищение должно быть квалифицировано по специальным уголовно-правовым нормам. Подводя итог, следует заметить дискуссионный характер некоторых сделанных выводов, вместе с тем отдельные предложения, в частности о характеристике недвижимого имущества как предмета хищения, о возможном решении вопроса об уголовно-правовой оценке хищения денег в безналичной форме, представляют практическое значение в сфере уголовно-правовой борьбы с хищениями, в частности с грабежами.

1. Коржанский Н.И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1981.
2. Кравцов С.Ф. Предмет преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1976.
3. Рудаков С.А. Дифференциация уголовной ответственности за кражу по российскому и зарубежному законодательству (теоретико-прикладной анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005.
4. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. М.: ЛексЭст, 2005.
5. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, АИ. Чучаева. М., 2004.
6. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2004.
7. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений против собственности в услови-

ях рыночных отношений и информационного общества. М.: Юрлитинформ, 2007.

8. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность в условиях рыночных отношений и информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009.
9. Скляр С. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества // Российская юстиция. 2001. № 6.
10. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12.
11. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
12. Устинов В.С. Российское уголовное законодательство об ответственности за преступления против собственности (история и концепция). Н. Новгород, 1997.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. 4-е изд., доп. и перераб. СПб., 1901.
14. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко. М.: ИНФРА М – НОРМА, 1998.
15. Вакула М.М. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия грабежу: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.
16. Меньшагин В.Д., Вышинская З.И. Советское уголовное право. М., 1950.
17. Сергеева Т.Л. Уголовно-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М., 1954.
18. Кригер Г.А. Ответственность за хищение государственного и общественного имущества по советскому уголовному праву. М., 1957.

ТИПЫ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЮЩИХ ГРАБЕЖИ И РАЗБОЙНЫЕ НАПАДЕНИЯ

А.А. Кузнецов

(начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, профессор; omakrim55@mail.ru)

А.Т. Бекбулатова

(адъюнкт кафедры криминалистики Омской академии МВД России; b.ami08@mail.ru)

Авторами на основе анализа имеющихся в научной литературе мнений о типах личности преступников, а также существующей практики расследования грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними, выделены типы личности несовершеннолетних, совершающих корыстно-насильственные преступления, и обоснована их практическая значимость.

Ключевые слова: личность, типология, несовершеннолетний, грабеж, разбой.

Самостоятельным элементом криминалистической характеристики грабежей и разбойных нападений, совершаемых несовершеннолетними, являются сведения о личности преступника. Последние приобретают практическую значимость в совокупности с данными, полученными в ходе проверки сообщения о преступлении и производстве первоначальных следственных действий, так как способствуют выдвижению версии о лице, совершившем преступление. Как справедливо отмечают В.Я. Колдин и Н.С. Полевой, «информационно-познавательная деятельность по раскрытию преступления начинается до возбуждения уголовного дела и может осуществляться вне рамок уголовно-процессуальных действий» [1, с. 18].

Криминалистическая характеристика является типичной моделью преступления и состоит из отдельных, но в то же время взаимосвязанных элементов. Мысленное моделирование преступлений отдельных категорий, основанное на сведениях о типичных проявлениях каждого из элементов криминалистической характеристики и некоторых данных о конкретном преступном событии, позволяет получить новую доказательственную информацию. Прав, на наш взгляд, В.А. Жбанков, полагающий, что «направление поисковой деятельности определяется конкретной следственной ситуацией, решающее значение в которой играет информационный аспект, т.е. наличие соответствующей информации о личности преступника и построений на ее основе

модели» [2, с. 24]. И.М. Лузгин в качестве разновидности мысленного моделирования рассматривает образные представления следователя о месте происшествия, связанные с логическими суждениями о внешнем облике разыскиваемого, вещественных доказательствах, о связях между людьми, предметами, явлениями, касающимися преступления [3, с. 8].

При совершении несовершеннолетними грабежей и разбойных нападений проявляются свойства их личности, которые оказывают влияние на формирование элементов криминалистической характеристики и образуют модели преступных событий. Через выявление таких свойств повышается значимость и эффективность практического применения криминалистической характеристики.

На основе информации, содержащейся в криминалистической характеристике, а также закономерностей проявления тех или иных свойств личности подростка при совершении преступлений возможно типологизировать личность несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбойные нападения. А уже на ее основе для каждого из выделенных типов личности построить модели преступной деятельности для применения в практике раскрытия и расследования преступлений.

С точки зрения Ю.Д. Блувштейна, «значение типологии как инструмента научного познания огромно: она позволяет выделить общие, наиболее существенные черты изучаемого явления, а только знание

этих черт (характеристик, закономерностей) дает возможность развивать анализ дальше» [4, с. 16].

При поступлении сообщения о совершенном преступлении практически единственным источником криминалистически значимой информации, содержащим сведения о лице, его совершившем, является уголовно-правовая квалификация деяния. Так, поиск лица, совершившего преступления корыстно-насильственной направленности (грабежи и разбойные нападения), будет ориентирован на обнаружение дерзкого, жестокого, агрессивного, решительного, физически развитого, способного к применению насилия человека. В случае же наличия данных о том, что при совершении преступления участвовала группа лиц, вполне обоснованы выдвижение и проверка версии о том, что преступление совершено несовершеннолетними. Этот вывод возможен в связи с проявлениями в процессе осуществления преступной деятельности особенностей подростковой психологии, вызванной отсутствием индивидуальной решительности, желанием самоутверждения среди сверстников, незавершенностью процесса физического развития, неуверенностью в собственных силах, иными словами, в особенностях подростковой психологии.

В юридической литературе было предпринято значительное число попыток типологизировать личность несовершеннолетнего преступника.

Выявлением причин, побуждающих людей совершать преступления, занимались еще в 80-х годах XIX века итальянский психиатр, криминалист, криминолог Чезаре Ломброзо (1835–1909) и итальянский криминолог Энрико Ферри (1856–1929), которые в основу учения об антропологических признаках внешности и психики преступника положили идею «прирожденного преступника».

В результате проведенных совместно с Ч. Ломброзо исследований, Э. Ферри предложил классификацию преступников, согласно которой все преступники подразделяются на пять групп, среди них: «преступники *душевнобольные*, преступники

прирожденные, преступники *привычные или по приобретенной привычке*, преступники *случайные*, преступники *по страсти*» [5, с. 148]. В основе данной классификации находятся причины совершения преступлений без учета возрастных особенностей преступников. В связи с этим предложенные типы личности нам представляются весьма общими и способными выполнять ориентирующие функции при попытке типологизации личности несовершеннолетних преступников.

С точки зрения В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова, «типология несовершеннолетних преступников строится на сопоставлении данных: о проявившихся (в отношениях и действиях подростка, образе жизни, связях, поведении и т.д.) его потребностях, интересах, взглядах, чертах характера, мотивации поведения; о социально-демографической характеристике, в которой также проявляются названные признаки; об обстоятельствах преступления с точки зрения выраженности в них личностных черт несовершеннолетнего» [6, с. 61]. По мнению авторов, «...в конечном счете могут быть выделены четыре типа несовершеннолетних преступников, для которых совершение преступления было: случайным, противоречащим общей направленности личности; вероятным, вследствие общей неустойчивости личностной направленности; соответствующим общей направленности личности, но случайным с точки зрения повода и ситуации; соответствующим преступной установке личности и включающим поиск или создание необходимых повода и ситуации» [6, с. 62]. При этом «каждый из выделенных здесь типов целесообразно в свою очередь подразделить на три подтипа: подростки, впервые совершившие преступление, не представляющее большой общественной опасности; подростки, впервые совершившие тяжкое преступление; подростки, повторно совершившие преступление. Это позволит максимально дифференцировать возможные варианты соотношения направленности личности и содеянного в каждом конкретном случае» [6, с. 62].

Предложенная типология представлена с учетом нравственно-психологической, социально-демографической и правовой характеристик подростков и применима к личности несовершеннолетних, совершивших любые преступления. На ее основе возможна разработка типологии личности несовершеннолетних, совершающих преступления различных категорий.

Вопросы классификации личности преступника подвергались изучению в криминологии и криминалистике. Наиболее значимыми в этой области мы находим исследования, проведенные А.И. Долговой [7, с. 118-119], И.А. Макаренко [8, с. 85], Р.М. Абызовым, Г.А. Юрковым [9, с. 54-55].

Весьма интересной представляется классификация, предложенная С.М. Мирович, применительно к личности взрослого корыстно-насильственного преступника, на основе ее первичной мотивации. Выделяется два основных типа личности корыстно-насильственных преступников.

1. Преимущественно-корыстный тип, проявляется в двух категориях:

- лица, у которых решение использовать насилие в корыстных целях возникает еще до начала преступной деятельности;
- лица, у которых решение использовать насилие возникло в ходе совершения преступления.

2. Преимущественно насильственный тип, имеет также две формы выражения:

- лица, у которых при завладении имуществом насильственным путем отсутствует корыстная мотивация;
- лица, корыстная мотивация которых имеет сопутствующий, производный от первичной некорыстный характер мотивации [12, с. 61-63].

Критерии типологизации личности, предложенные данным автором, мы находим весьма удачными, поскольку в них используется оптимальное сочетание и взаимосвязь психологического, социального и правового аспектов.

В результате изучения и анализа уголовных дел, по которым вступил в закон-

ную силу обвинительный приговор суда*, нам представляется возможным принять предложенные С.М. Мирович основания классификации личности взрослых корыстно-насильственных преступников в качестве основополагающих при определении типов личности подростков, совершающих грабежи и разбойные нападения, в зависимости от момента возникновения корыстного умысла.

С учетом вышеизложенного типология личности несовершеннолетних, совершающих грабежи и разбойные нападения, нам представляется в следующем виде:

1. Подростки, имеющие первичную корыстную ориентацию поведения:

1.1. Несовершеннолетние, применяющие физическое насилие для подавления возможного сопротивления жертвы, при удовлетворении потребности, выражающейся в завладении чужим имуществом.

Так, несовершеннолетние Ж. и К., находясь в вечернее время около магазина «Родничок», вступили в предварительный сговор о совершении хищения чужого имущества. Реализуя задуманное, выбрав в качестве жертвы мимо проходящего П., напали на последнего. Согласно заранее распределенным ролям К. подошел к П. и, не высказывая требований о передаче имущества, нанес удар по голове, от которого потерпевший упал, после чего Ж. совместно с К. стали наносить множественные удары руками и ногами по голове и телу. Подавив тем самым волю последнего к сопротивлению, Ж. и К. осмотрели карманы одежды П., обнаружили и похитили сотовый телефон, с которым с места совершения преступления скрылись [11].

1.2. Несовершеннолетние, применяющие физическое насилие для удержания похищенного, обеспечения беспрепятственного оставления места совершения преступления.

* По специально разработанной анкете в судах Красноярского края, Новосибирской и Омской областей было изучено более 200 архивных уголовных дел, по которым вступил в законную силу обвинительный приговор о совершенных несовершеннолетними грабежах и разбойных нападениях в 2006–2008 годах.

Несовершеннолетний Я. совместно с З. и О. в ночное время находились около магазина «Вымпел», где употребляли алкогольные напитки. Увидев незнакомых несовершеннолетних, К. и Д. подошли и угостили их пивом. В ходе совместного распития З., Я. и О. увидели в руках у К. сотовый телефон, одновременно решили совершить хищение. Реализуя задуманное, З., Я. и О. под предлогом осуществления звонка зашли К. в подъезд стоящего рядом жилого дома. Там О., получив от К. сотовый телефон, выбежал из подъезда, а З. и Я. последовали за ним. К., осознав, что его сотовый телефон похищен, побежал следом за похитителями, выкрикивая требования о возвращении имущества. Однако О., З. и Я. не реагировали на требования К., сели в стоявший рядом автомобиль и попытались скрыться. К. подбежал и преградил дорогу автомобилю. З. и Я., желая удержать похищенное и подавить сопротивление К., вышли из автомобиля. При этом Я. подобрал лежащую на земле металлическую трубу, действуя совместно с З. и доводя задуманное до логического завершения, стали наносить удары К. При этом Я. наносил удары металлической трубой, а З. наносил удары кулаками по лицу. Подавив своими совместными действиями сопротивление К., с места совершения преступления скрылись [12].

2. Подростки, имеющие первичную насильственную ориентацию поведения:

2.1. Несовершеннолетние, которые при применении физического насилия похищают имущество жертвы, не имея при этом такого предварительного намерения.

Между несовершеннолетними Б. и П., с одной стороны, и Ш. – с другой, возникла ссора, сопровождавшаяся взаимными оскорблениями. В результате между подростками завязалась драка. В процессе драки Б. и П., имея численное и физическое превосходство перед Ш., решили открыто похитить и похитили имущество последнего, а именно сотовый телефон и деньги, находившиеся при Ш. [13].

2.2. Несовершеннолетние, которые в процессе применения физического насилия, вызванного причинами не имущест-

венного характера, принимают решение о совершении хищения имущества жертвы в целях наиболее эффективного достижения преследуемой цели.

Между шестнадцатилетними Л. и К., с одной стороны, и Я. – с другой, произошла ссора, в ходе которой К. случайно повалила Я. на землю. После этого Л., действуя самостоятельно, решила открыто похитить у Я. имущество с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, тем самым усилить свой «авторитет» в глазах противницы. Для этого, подавив волю к сопротивлению путем удержания рук Я., открыто похитила ее золотые украшения. Продолжая свои преступные действия, отвела Я. в сторону и потребовала передачи сотового телефона. Получив отказ о выполнении предъявленного требования, желая завершить свое преступное намерение, нанесла несколько ударов ладонями по лицу Я., которая, опасаясь дальнейшего применения насилия, передала сотовый телефон [14].

В соответствии с каждым из предложенных типов личности несовершеннолетних, совершающих корыстно-насильственные преступления, а также сведений, составляющих иные элементы криминалистической характеристики преступлений рассматриваемой категории, полученных в процессе проведенного нами исследования, представляется возможным составить типовые информационные модели преступной деятельности.

Практическая значимость использования типовых информационных моделей заключается в том, что содержащиеся в них сведения могут в течение некоторого времени выполнять компенсаторную функцию по отношению к неизвестным элементам конкретного преступления. Применение типовых информационных моделей преступления в процессе расследования возможно и необходимо только до тех пор, пока не будут достоверно установлены все обстоятельства преступления. При использовании типовых информационных моделей преступной деятельности нельзя забывать о том, что каждое преступление обладает свойствами индивидуальности и неповторимости. Возможно только лишь

общее сходство. Сведения, составляющие типовую информационную модель преступной деятельности, обладают свойством повторяемости. Элементы таких моделей в процессе расследования сменяются объективными обстоятельствами конкретного преступления и в результате образуют механизм конкретного преступления. Информация, составляющая типичную информационную модель, лишь временно заменяет отсутствующие звенья. Применение типичных информационных моделей возможно либо в ситуации, когда лицо, совершившее преступление, неизвестно, либо когда недостаточно информации об иных элементах криминалистической характеристики преступления.

1. Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во МГУ, 1985. 133 с.
2. Жбанков В.А. Человек как носитель криминалистически значимой информации. Вып. 18. М.: Инновация, 1993. 36 с.
3. Лузгин И.М. Моделирование при расследовании преступлений. М.: Юрид. лит., 1981. 152 с.
4. Блувштейн Ю.Д. Криминологическая классификация преступления и преступников: лекция // Организация профилактики правонарушений. Вып. 23 / под ред. Г.А. Аванесова. М.: Академия МВД СССР, 1976. 470 с.
5. Ферри Э. Уголовная социология: пер с ит. М.: ИНФРА, 2005. 658 с.
6. Личность преступника / под ред. В.Н. Кудрявцева, Г.М. Миньковского, А.Б. Сахарова. М.: Юрид. лит., 1975. 270 с.
7. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юрид. лит., 1981. 159 с.
8. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М.: Юрлитинформ, 2006. 350 с.
9. Абызов Р.М., Юрков Г.А. Насильственные преступления несовершеннолетних: характеристика, типология личности, предупреждение. Барнаул: БЮИ МВД России, 2001. 149 с.
10. Мирович С.М. Криминалистическая типология личности корыстно-насильственных преступников // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1991. № 4. С. 57-64.
11. Архив Советского районного суда г. Омска. Уголовное дело № 1-76/2008 г.
12. Архив районного суда г. Бердска Новосибирской области. Уголовное дело № 1-381/2007 г.
13. Архив районного суда г. Бердска Новосибирской области. Уголовное дело № 1-91/2005 г.
14. Архив Бердского городского суда Новосибирской области. Уголовное дело № 213/2007.

Раздел 5. Совершенствование деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений

СПОСОБЫ КРИМИНАЛЬНОГО ПРИСВОЕНИЯ ПРАВ НА ВЛАДЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ

Н.В. Яджин

(заместитель начальника Тюменского юридического института МВД России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент; 8 (3452) 59-84-06)

М.А. Сергеев

(юрисконсульт ЗАО «Промышленное оборудование», кандидат юридических наук, г. Челябинск; 8 (351) 772-15-09)

В работе рассматриваются особенности незаконного перехвата прав акционеров. Авторы указывают, что захват прав на владение и управление (рейдерство) включает совокупность преступлений, объединенных общим умыслом. Авторы приводят свою классификацию данных преступлений, которая включает три группы.

Ключевые слова: рейдерство, способ совершения преступления, захват прав на владение и управление предприятием.

В криминалистической характеристике преступлений способ совершения преступления исследуется с целью выяснения того, какие именно технические и иные средства использовались при совершении преступления; как они готовились; какие следы оставило данное преступление в окружающей среде; какие меры принимались преступником к их уничтожению и сокрытию своей преступной деятельности; где и как такие следы нужно искать; какую информацию они содержат о предмете преступного посягательства, о личности виновного и других обстоятельствах, имеющих значение для дела [1, с. 40].

В криминалистическом понимании способ реализации преступного умысла включает в себя не только действия при совершении общественно опасного деяния, но и подготовку к нему, а также сокрытие его следов [2, с. 355].

Особенностью незаконного перехвата права акционеров на обладание, пользование, распоряжение имущественными правами (рейдерство) является совершение не одного преступления, а *совокупности преступлений, объединенных единым умыслом*. Эта совокупность преступлений складывается в преступную деятельность,

представляющую собой явление, наиболее точно отражающее универсальность и все признаки сравнительно нового для России криминального феномена.

Изученная и проанализированная практика* позволила нам классифицировать преступления, совершаемые в процессе перехвата права владения, управления, распоряжения активами юридических лиц, на преступления:

– сопутствующие реализации конечной цели (захват юридического лица);

– преступления, совершение которых позволяет непосредственно осуществить перехват права;

– преступления, направленные на легализацию криминальной прибыли.

К первой группе (то есть опосредованно влияющих на захват юридического лица) относятся преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, содержащимися в следующих статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ):

* В ходе исследования по специальной программе было изучено 63 уголовных дела, возбужденных по фактам криминального присвоения прав на владение и управление предприятиями и организациями.

137. Нарушение неприкосновенности частной жизни.

138. Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

160. Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному.

169. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности. Неправомерный отказ в государственной регистрации юридического лица либо уклонение от его регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и законных интересов юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность юридического лица.

170. Регистрация незаконных сделок с землей, искажение учетных данных Государственного земельного кадастра, а равно умышленное занижение размеров платежей за землю, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения.

183. Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну.

204. Коммерческий подкуп: незаконная передача лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное оказание ему услуг имущественного характера за совершение действий (бездействия) в интересах дающего в связи с занимаемым этим лицом служебным положением.

210. Организация преступного сообщества (преступной организации), то есть создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями.

299. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности.

325. Похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия.

327. Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, штампов, печатей, бланков.

Всего 11 составов преступлений.

Ко второй группе преступлений (совершение которых направлено на непосредственное осуществление перехвата права) следует отнести деяния, предусмотренные следующими статьями:

119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Используется для оказания давления на акционеров, не желающих продавать свои акции.

126. Похищение человека. Используется для склонения акционеров принимать выгодные решения и оказывать содействие криминальному завладению юридическим лицом.

127. Незаконное лишение свободы.

159. Мошенничество.

162. Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, вооруженные действия по захвату предприятия.

163. Вымогательство. Совершается при работе с проблемными акционерами.

179. Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, при отсутствии признаков вымогательства.

185. Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг. Внесение в проспект эмиссии ценных бумаг заведомо недостоверной информации, утверждение содержащего заведомо недостоверную информацию проспекта эмиссии или отчета об итогах выпуска ценных бумаг, а равно размещение эмиссионных ценных бумаг, выпуск кото-

рых не прошел государственную регистрацию, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству. (Состав преступления образуется вследствие предоставления подложных протоколов, учредительных и иных документов при регистрации проспекта эмиссии акций).

196. Преднамеренное банкротство, то есть совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица действий, заведомо влекущих неспособность юридического лица в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

212. Массовые беспорядки. Организация массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти; участие в массовых беспорядках; призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам. Имеют место при физическом вторжении на территорию захватываемого предприятия, сопряженном с нанесением телесных повреждений обороняющейся стороне, повреждением имущества, применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Когда в аналогичных действиях содержатся признаки нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, образуется состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ (хулиганство).

285. Злоупотребление должностными полномочиями. Использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов организаций.

286. Превышение должностных полномочий. Совершение должностным ли-

цом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций.

291. Дача взятки должностному лицу лично или через посредника.

292. Служебный подлог, то есть внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание.

303. Фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем.

305. Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта.

330. Самоуправство, то есть самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред.

Всего 17 составов преступлений.

К третьей группе следует отнести два преступления, предусмотренные:

Статьей 174 УК РФ. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем, то есть совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенными другими лицами преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом.

Статьей 174.1 УК РФ. Совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенными лицом в результате совершения им преступления, либо использование указанных средств или иного имущества для осуществления предприни-

мательской или иной экономической деятельности.

Практическое значение данной классификации заключается в следующем:

1. Подтверждается сложность преступной деятельности по перехвату управления юридическим лицом и завладению его материальными средствами, заключающаяся в множественности преступлений, совершаемых ради достижения конкретной единой цели – поглощения юридического лица. Это значит, что механизм преступной деятельности в процессе перехвата прав у акционеров на право владения и пользования имущественными комплексами складывается из ряда последовательных процессов криминальной направленности, в результате которых проявляются столь важные для производства по уголовному делу «...следы-отражения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом преступлении и его участниках. Каждый отдельный процесс предполагает наличие других процессов или является их побудителем, придавая всей системе стройный, устойчивый и динамичный характер» [3, с. 37].

Данный вывод подтверждает тенденцию, заключающуюся в том, что в последнее время в поле зрения ученых в качестве предмета изучения все чаще попадают пространственно-временные параметры события преступления. Такая тенденция не случайна, «ведь именно факторы пространства и времени учитываются в обобщенном виде в криминалистической характеристике преступлений. Они имеют гносеологическую природу, что важно принимать во внимание при расследовании преступлений» [4, с. 107].

2. Наглядно демонстрируется и таким образом подтверждается возможность условного деления преступной деятельности на следующие этапы:

- подготовительный к захвату юридического лица;
- непосредственное его криминальное поглощение;
- заключительный этап, связанный с легализацией незаконно полученных денежных средств.

Все эти этапы – звенья одной цепи. В то же время каждый из них может рассматриваться в качестве целостного, относительно самостоятельного процесса, в известной мере автономного вида целенаправленной криминальной деятельности.

Практика показывает, что третий этап является факультативным, то есть необязательным для абсолютно всех поглощений.

Приведем ряд примеров. Так, в июле 2002 г. гражданин С., предоставив в суд г. Верхняя Пышма Свердловской области фиктивный протокол собрания акционеров, занял должность генерального директора ЗАО «Стройтекс». За время нахождения в должности генерального директора им был заключен ряд фиктивных сделок по выводу активов предприятия в контролируемые ОПГ фирмы. В результате проведенных сотрудниками ОБЭП Metallургического РУВД оперативно-розыскных мероприятий в отношении С. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 330 УК РФ, а полномочия и имущество возвращены законному владельцу [5].

В июне 2006 г. Следственным управлением при УВД по Metallургическому району г. Челябинска было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 159 УК РФ по факту незаконной продажи предприятий ООО «Спецмашкомплектация» и ООО «Уралтехкомплект». Основанием для регистрации смены собственника послужил подложный протокол собрания учредителей, который был представлен в ИФНС РФ по Metallургическому району г. Челябинска [6].

Генеральный директор ЗАО «Пирамида» гр-н Ш. получил контроль над ОАО «ЧелКСМИ». В течение некоторого времени на предприятии находились два «легитимных» директора – гр-н Ш. и гр-н К. Вопрос о праве собственности на данное предприятие решался в арбитражном суде. По данному факту было возбуждено уголовное дело по п. «б» ч. 3 ст. 159 УК РФ в отношении гр-на Ш., который, используя свое служебное положение, уничтожив первоначальные документы акционеров ЗАО «ЧелКСМИ», сфальсифицировал документы предприятия, касающиеся списка

акционеров и подтверждающие движение пакетов акций ЗАО «ЧелКСМИ», включив незаконно себя и других подконтрольных себе лиц в состав акционеров с общим пакетом акций около 70 %, оценочная стоимость которого составляет 50 млн руб. [7].

Таким образом, криминальные проявления наблюдаются в виде разнообразных комбинаций совершения преступлений:

- при сделках с акциями;
- организации и проведении повторных собраний;
- назначении нового директора;
- распространении влияния на решения общих собраний акционеров;
- выработке решения совета директоров (единичного руководителя);
- регистрации эмиссии ценных бумаг;
- регистрации изменений в реестре;
- регистрации перехода прав на недвижимость;
- внесении изменений в реестр акционеров, в ЕГРЮЛ, в учредительные документы и т.д.;
- продаже имущества.

Также особенностью способов совершения рассматриваемой преступной деятельности является то, что в процессе поглощения юридических лиц совершаются многочисленные действия, которые, не будучи преступными, могут быть квалифицированы как *злоупотребление правом*. Злоупотребления заключаются в том, что участник корпоративных правоотношений (акционер, управляющий, член совета директоров и т.д.) использует корпоративные возможности не в интересах компании, а в интересах группы лиц.

«Злоупотребления могут допускаться и при совершении сделок от имени общества, участия в работе органов управления, реализации права на информацию и оспаривание действий органов управления, права на утверждение реестродержателя общества и т.д. Для вывода активов из компании злоумышленники создают *искусственные юридические конструкции*, основывающиеся на вышеуказанных правомочиях, формально не содержащие признаков противоправности, но направленные на

причинение вреда собственникам активов, так как фактически эти мероприятия (как правило, их сложный комплекс) прикрывают безвозмездную передачу имущества от одной коммерческой организации к другой» [8, с. 46].

Учитывая то обстоятельство, что рейдерство – это противоправное перераспределение прав собственности сторон, то целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть некоторые как законные, так и незаконные способы перераспределения.

Законные способы. К законным способам можно отнести:

1. Скупка акций. Реализация происходит путем добровольной купли-продажи, мены, дарения акций с целью получения блокирующего и контрольного пакета.

2. Реприватизация. Его сущность заключается в судебной отмене и последующем пересмотре приватизации. Иск может быть подан как миноритарными акционерами, так и представителями государства, с целью последующего перераспределения собственности.

3. Банкротство. Это самый затратный законный способ поглощения предприятий и организаций. Для его осуществления необходимо факторинговое приобретение кредиторской задолженности и бизнеспартнеров, заключение договоров цессии с банковскими и другими финансовыми организациями, формирование конкурсной массы.

Незаконные способы.

1. Преднамеренное или фиктивное банкротство. Отличительными признаками является нарушение законодательства о банкротстве, искусственное создание налоговой или кредиторской задолженности, «продавливание» своего конкурсного управляющего.

2. Установление контроля над менеджментом. Данный способ реализуется преступниками путем подкупа, шантажа или угроз по адресу руководства компании.

3. Мошенничество, чаще всего совершается в виде мошенничества с реестром акционеров предприятия, мошенничества путем обмана регистрирующих органов,

мошенничества через повторное приобретение ранее выкупленных компанией акций и т.д.

4. Силовой захват, который может осуществляться не только криминальными группировками, но и с помощью судебных приставов, частных охранников и т.д.

Следует отметить, что если объект рейдерской деятельности всегда один – собственность предприятия, организации, то субъектов противоправного перераспределения собственности множество. Ими могут являться финансово-промышленные группы, социальное окружение, организованные преступные группировки, собственники предприятия, учреждения и т.д.

Важно обратить внимание на то обстоятельство, что при выявлении правоохранительными органами преступлений, совершенных на первоначальном этапе (подготовительном), следственным подразделением трудно установить то, что имеет место только начало криминальной деятельности по захвату конкретного юридического лица, покушение на его поглощение. В 90 % случаев расследование заканчивалось вынесением обвинительного заключения по уголовным делам, возбужденным после совершения преступлений, относящихся к первой из выделенных нами выше групп. Это преступления небольшой или средней тяжести (за исключением квалифицируемых по статье 210 УК РФ).

Как правило, лицам по приговору суда назначалось наказание, не связанное с лишением свободы. При этом они получали определенный опыт «взаимодействия» с правоохранительными органами, знакомились с их методами работы. С учетом этого опыта участники криминальных поглощений совершенствовали свою преступную деятельность, разрабатывая более организованные способы и формы захвата.

Ввиду этого одной из задач следователей должно быть развитие способности определять не только непосредственный предмет преступного посягательства, предусмотренного конкретной нормой преступления, которое было совершено на первоначальном этапе преступной деятель-

ности, но и устанавливать его промежуточный характер, а далее – конечную цель (захват комплекса).

1. Чистова Л.Е. О соотношении уголовно-правовой и криминалистических характеристик // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 1 (17).

2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.

3. Кустов А.М. Понятие и элементы механизма преступления // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (14). М.: Спарк, 2005.

4. Гавло В.К., Ключко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты: монография / под ред. В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2006.

5. Из практики деятельности сотрудников ОБЭП Metallургического РУВД г. Челябинска за 2002 г.

6. Следственное управление при УВД по Metallургическому району г. Челябинска. Уголовное дело № 838247 за 2006 г.

7. Из практики деятельности ОРЧ УВД Челябинской области. Уголовное дело № 511391 за 2003 г.

8. Никифоров И. В суд против рейдеров: от «точечных» процессов к «кумулятивным» искам // Слияние и поглощение. 2007. № 7-8.

Раздел 6. Процессуальное право, юрисдикция, процедуры

ПРИВИЛЕГИЯ ПРОТИВ САМООБВИНЕНИЯ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ
ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОГЛАШЕНИЯ
О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Н.В. Сидорова

(доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Института государства
и права Тюменского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент; sidorova@list.ru)

Статья посвящена актуальным вопросам реализации привилегии против самообвинения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в современном российском уголовном процессе.

Ключевые слова: права личности, привилегия против самообвинения, досудебное соглашение о сотрудничестве, показания обвиняемого, «иммунитет по сделке», допустимость показаний.

Если рассматривать дачу свидетельских показаний как обязанность каждого гражданина (как это следует из смысла ст. 51 Конституции РФ и ст.ст. 307, 308 УК РФ), то освобождение от этой обязанности следует считать иммунитетом, который может выражаться в различных формах. В зависимости от основания и формы освобождения от обязанности давать показания, свидетельский иммунитет может быть реализован в виде привилегии (привилегия против самообвинения, иммунитет близких родственников и супруга, иммунитет депутатов и дипломатов) или в виде совокупности права и запрета давать свидетельские показания (иммунитет судей, присяжных, защитников, адвокатов и священнослужителей).

В части 1 статьи 51 Конституции РФ следующим образом сформулирована привилегия против самообвинения: «никто не обязан свидетельствовать против себя самого». В этой норме Конституции РФ отражен (но в более широкой формулировке) общепризнанный принцип, закрепленный в п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Как и правила о свидетельском иммунитете в целом, привилегия против самообвинения определяет, во-первых, правила допустимости доказательств в уголовном процессе, во-вторых, правовые условия допроса любых участников уголовного процесса на любой стадии уголовного судопроизводства.

Нельзя принуждать человека давать показания против самого себя, «доказывать свою виновность». Такая практика нарушает права личности, противоречит процессуальным и нравственным принципам. В каком бы качестве ни допрашивался человек, от него не требуется доноса на самого себя, поэтому уголовная ответственность за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний, недонесение о преступлении в таких случаях наступать не должна. Данное положение определяет юридическую цель реализации привилегии против самообвинения.

Субъект привилегии против самообвинения имеет право в любой стадии производства по уголовному делу отказаться давать самоинкриминирующие показания. Допрашиваемое лицо вправе отказаться отвечать на вопросы, если ответ может привести к обвинению его в преступлении или (и) привести к появлению доказательств, из которых можно было бы сделать вывод о его виновности в преступлении. В качестве субъекта привилегии против самообвинения может рассматриваться не только обвиняемый или подозреваемый – это очевидное их право, но и свидетель и потерпевший, если своими ответами они могут навлечь опасность уголовной ответственности для самих себя.

С институтом привилегии против самообвинения в уголовном процессе тесно связан процессуальный институт сви-

детельского иммунитета, полученного в результате соглашения. Производный от привилегии против самообвинения, «иммунитет по сделке» формируется тогда, когда абсолютное конституционное право гражданина на сокрытие самоизобличительной информации вступает в противоречие с интересами государства и общества. Происходит столкновение карательной функции государства с личным конституционным правом гражданина [1, с. 149]. С одной стороны, решения по вопросам, имеющим общегосударственное значение или общественный резонанс, должны приниматься на основе наиболее полной информации; с другой стороны, чем шире право гражданина на привилегию против самообвинения, тем больше затрудняется деятельность государственных органов по изобличению и наказанию преступников. В качестве средства для разрешения этого противоречия возник институт иммунизации показаний, который представляет собой предоставление лицу гарантий того, что сообщенные им инкриминирующие его факты не будут использованы против него в качестве доказательства по уголовному делу. Этот вид свидетельского иммунитета и получил в литературе название «иммунитет по сделке» [2, с. 166].

Вопросы закрепления и реализации иммунитета, полученного в результате соглашения между обвиняемым и государственными органами, приобрели несомненное значение в связи с введением института особого порядка судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в действующее российское уголовно-процессуальное законодательство. Полагаем, что применение института ограниченного использования показаний обвиняемого («иммунизации» показаний) имеет хорошие перспективы в нашем уголовном процессе [3; 4; 5]. Международное сообщество также признает возможность ограничения привилегии против самообвинения в борьбе против преступных организаций. В частности, в 1995 году Совет Европейского Союза принял резолюцию о защите свидетелей в борьбе против организованной преступности. Помимо прочего,

«эта Резолюция отражает ту точку зрения, что знание о преступных организациях может быть существенно расширено, а их деятельность взята под контроль посредством использования заявлений членов таких организаций, согласных сотрудничать с правосудием» [6, с. 144].

Институт «иммунитета по сделке» традиционно широко применяется в уголовном процессе США. Под ним понимают отказ от привилегии против самообвинения как права на молчание и согласие дать самоизобличающие показания при наличии гарантии от соответствующих компетентных органов, что такие показания не будут использованы против лица, их давшего. «Иммунитет по сделке» делает информацию, содержащуюся в вынужденных самоизобличающих показаниях свидетеля (в американском судопроизводстве обвиняемый может быть допрошен только в качестве свидетеля), допустимым доказательством по уголовному делу. Однако такое доказательство не может быть использовано во вред этому свидетелю или обвиняемому: допустимость показаний как доказательств ограничивается по кругу субъектов.

Иначе говоря, лицо, давшее самоизобличающие показания в случаях, когда обеспечивается «иммунитет по сделке», иммунизируется в отношении ответственности, которая может возникнуть в связи с дачей таких показаний. Доказательства же, полученные при подобном, не совсем добровольном отказе от привилегии против самообвинения, при условии реализации действия «иммунитета по сделке» не теряют свойство допустимости полностью. В данном случае можно говорить об «ограниченной» допустимости. Также в этом случае ограничивается действие привилегии против самообвинения: субъект вместо того, чтобы отказаться давать показания, сославшись на данную гарантию, дает показания, но одновременно с этим субъекту гарантируется как можно более полная защита его конституционных прав (как если бы он воспользовался своей конституционной привилегией).

Думается, что применение «иммунитета по сделке» имеет важное практическое значение. В частности, в Соединенных Штатах Америки иммунитет, полученный в результате сделки, – одно из основных уголовно-процессуальных средств, применяемых в борьбе против коррупции и организованной преступности [7; 8]. Неслучайно (и это характеризует назначение и ценность этого явления) «иммунитет по сделке» впервые был применен в Англии в XVIII в. именно как средство в борьбе против коррупции [9, с. 141].

Рассмотрим некоторые вопросы, возникающие в связи с определением сущности, границ применения и доказательственного значения сведений, представляемых подозреваемым или обвиняемым при заключении соглашения о сотрудничестве.

Новая глава УПК РФ, закрепившая правила досудебного соглашения о сотрудничестве и особенности принятия судебного решения в этом случае, не регламентирует вопросы допустимости показаний обвиняемого, заключившего такое соглашение. Законодатель лишь в общих чертах указывает, что подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления; изобличении и уголовном преследовании других соучастников; розыске имущества, добытого преступным путем (ст.ст. 317.1, 317.5 УПК РФ). В частности, к таким действиям можно отнести представление сведений о соучастниках преступления (ч.ч. 1, 2 ст. 317.5 УПК РФ). Законодатель не определяет объем и содержание предоставляемых сведений, форму и способ их представления и, главное, порядок их использования в отношении других лиц и самого обвиняемого.

Полагаем, что объем и содержание сведений, предоставляемых обвиняемым или подозреваемым, заключившим соглашение о сотрудничестве, должен соответствовать целям заключенного соглашения и особенностям конкретного уголовного дела. Способ предоставления сведений может быть только процессуальным, предусмотренным УПК РФ, иначе сведения

нельзя будет использовать в качестве доказательств, а именно получение доказательств является одной из конкретных задач органов предварительного расследования и прокурора при заключении соглашения. Оптимальный способ в таком случае – допрос, в некоторых случаях – очная ставка, проверка показаний на месте, то есть такие следственные действия, в результате которых появляются или уточняются показания.

Однако ответы на остальные вопросы, возникающие по поводу сведений, предоставляемых лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, не столь очевидны. В частности, обвиняемый или подозреваемый, заключая подобное соглашение, фактически отказывается от права на молчание, то есть от привилегии против самообвинения, гарантированной Конституцией РФ. Но если по правилам, действующим в США в аналогичных случаях, он приобретает среди прочего обещание обвинителя не использовать самоинкриминирующие показания против него в суде, российское уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее заключение и содержание соглашения, этого вовсе не гарантирует. Так, ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ предусматривает, что особый порядок принятия судебного решения (привилегированный для обвиняемого по сравнению с общим) не применяется, если содействие следствию осуществлялось только лишь в форме сообщения сведений о его собственном участии в преступной деятельности. Следовательно, отказ обвиняемого от привилегии против самообвинения может привести к раскрытию сведений, о которых он при обычном производстве имел право умолчать. Следователь и прокурор в этом случае получают показания обвиняемого, которые смогут использовать в доказывании его вины, если эти показания были даны в присутствии защитника (а участие защитника в данном виде производства обязательно).

Второй вопрос, не разрешенный нашим законодателем, это вопрос о круге лиц, о преступной деятельности которых обвиняемый или подозреваемый, заклю-

чивший сделку, может дать показания. Статьи 317.1, 317.5, 317.7 УПК РФ указывают, что предметом соглашения о сотрудничестве может быть содействие обвиняемого или подозреваемого следствию «в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников, розыске имущества, добытого в результате преступления». Однако законодатель не упоминает, что предметом соглашения могло бы быть содействие в раскрытии и расследовании других преступлений и изобличение иных лиц, не являвшихся соучастниками обвиняемого в данном преступлении.

Иначе говоря, по действующему законодательству соглашение о сотрудничестве можно заключить только для раскрытия преступления, в котором обвиняемый или подозреваемый участвовал лично. И сообщение важных сведений о других, возможно, более тяжких преступлениях, а также лицах, их совершивших, обвиняемому не выгодно. Думается, вследствие этого может быть утрачено важное назначение нововведенного в российский уголовный процесс института. Ведь, как показывает многовековая практика заключения сделок о содействии государственным органам обвинения в странах англо-американской правовой системы, таким образом государство пыталось бороться не с отдельными преступлениями, а с целыми явлениями, такими как коррупция, организованная преступность, терроризм.

Так, первый исторический пример применения показаний, полученных в результате «иммунитета по сделке», был зарегистрирован в 1721 году в Англии в деле по обвинению лорд-канцлера Менклзфильда в торговле государственными должностями. В связи с данным делом парламент Англии издал специальный закон, упразднивший преступность действий соучастников канцлера – чиновников канцелярии; в результате от «иммунизированных» таким образом чиновников были получены свидетельские показания о деятельности их начальника [9, с. 142-147]. В США также довольно давно, с середины девятнадцатого века, признали целесообразность, и

даже необходимость, применения «иммунитета по сделке» не только в отношении преступления, о котором уже стало известно [9].

В действующем российском законодательстве не прояснен вопрос о том, в какой форме будут использованы сведения, полученные от обвиняемого в результате заключения соглашения о сотрудничестве. Предполагается, что материалы уголовного дела в отношении лица, с которым заключено соглашение, будут выделены в отдельное производство (ч. 1 ст. 154 УПК РФ) и дальнейшее производство как по выделенному, так и по основному делу будет продолжено в общем порядке. Однако каков порядок приобщения показаний, данных обвиняемым или подозреваемым, сотрудничающим со следствием, к основному делу, из которого были выделены материалы? В качестве кого будет допрошен обвиняемый, заключивший соглашение, в судебном следствии по основному делу, если потребуются его непосредственное участие в суде? Каково доказательственное значение и допустимость его показаний?

Для разрешения этих и других вопросов, возникших в связи с закреплением института досудебного соглашения о сотрудничестве, полагаем, следует определиться с сущностью допустимости показаний, полученных в результате соглашения. Полноценного «иммунитета по сделке», как в США, в нашем судопроизводстве, как мы видим, не формируется: «иммунитет по сделке» в своем классическом смысле является частным проявлением свидетельского иммунитета в форме отказа от привилегии против самообвинения. Причем информация, содержащаяся в показаниях, полученных в результате «сделки», не обладает таким свойством, как допустимость по отношению к лицу, эти показания дававшему. В отношении других лиц показания, полученные в результате «сделки», являются обычными доказательствами, то есть информацией, содержащейся в свидетельских показаниях и обладающей свойством допустимости и другими свойствами, характерными для доказательств. Согласно российским процессуальным правилам

потенциальная возможность использовать показания обвиняемого против него самого сохраняется в случае, если суд сочтет, что условия соглашения не соблюдены (ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ). Однако представляется, что «иммунитет по сделке» как процессуальное средство в борьбе против организованной преступности, коррупции, терроризма имеет перспективы развития и в нашей стране, и совершенствование института показаний лиц, заключивших соглашение, и определение их допустимости будет осуществляться именно в этом направлении.

Полагаем, досудебное соглашение о сотрудничестве и, как его следствие, «иммунитет по сделке» (при условии его закрепления в российском уголовно-процессуальном законодательстве) в совокупности должны иметь двойное сложное содержание.

В материально-правовом аспекте – это потенциальная возможность освобождения обвиняемого от наказания (или его значительное снижение) в случае дачи им самоизобличающих показаний и фактического признания вины в конкретном преступлении. Одно из главных условий заключается в том, что эти показания будут способствовать изобличению и осуждению других лиц, чью вину доказать иными методами не представляется возможным (организованная группа преступников, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления; лицо или лица, занимающие высокое должностное положение в органах власти, обвиняемые в коррупции; руководители преступных организаций).

В процессуальном аспекте «иммунитет по сделке», полученный в результате досудебного соглашения о сотрудничестве, будет ограничивать, но не исключать допустимость показаний подозреваемого, обвиняемого, переводя их в «ранг» показаний свидетеля. Ограничение будет состоять в том, что показания лица, содержащие различную информацию, связанную с обвинением его самого и иных лиц в совершении преступлений, могут быть использованы в качестве доказательства любых имеющих отношение к делу обстоятельств,

кроме виновности лица, давшего эти показания.

Следует отметить, что по поводу сущности и видовой принадлежности показаний обвиняемого, используемых для изобличения иных лиц, существуют другие мнения. В частности, Л.М. Карнеева отмечала: «Показания лиц, которым предъявлено обвинение в совершении преступления в соучастии с другими лицами или в заранее не обещанном укрывательстве, недоносительстве, должны в случае разделения дел по мотивам, не связанным с изменением характера обвинения, рассматриваться (когда они даны по выделенному делу соучастника) как показания обвиняемых независимо от того, осужден ли уже сам допрашиваемый по предъявленному ему обвинению. Это вытекает из характера показаний, так как их предмет – преступление, совершенное с участием допрашиваемого, и результаты рассмотрения выделенного дела могут отразиться на его судьбе. Если же показания соучастников по выделенному делу рассматривать как показания свидетелей, то это может привести к игнорированию особенностей этих показаний, к тому, что будет упущена из виду особая заинтересованность допрашиваемого в исходе дела и, следовательно, отношение к ним будет недостаточно критическим» [10, с. 571].

Соглашаясь в целом с высказанным мнением, необходимо отметить следующее: опасность недооценить или переоценить подобные показания, думается, несколько преувеличена, так как еще до начала оценки заранее известен субъект, их давший, условия получения показаний и иные факторы, влияющие на установление достоверности сведений, полученных в результате заключения соглашения о сотрудничестве. В любом случае ценность таких показаний несомненна, так как с помощью «иммунитета по сделке» обеспечивается получение достоверных доказательств по уголовным делам, по которым в ином случае и иным способом они не могут быть получены совсем.

В ситуации, когда российское уголовно-процессуальное законодательство

не всегда может обеспечить осуществление эффективных мер по обеспечению борьбы с проявлениями коррупции, терроризма и экстремизма, особенно в части тех деяний, которые совершаются в условиях неочевидности, введение «иммунитета по сделке» может послужить важным методом получения доказательств. Однако это произойдет только в том случае, если заключение подобной сделки будет облечено в жесткую процессуальную форму и закреплено в уголовно-процессуальном законе.

1. Николайчик В.М. США: «Билль о правах» и полицейское расследование. М., 1973. 254 с.

2. Уайнреб Л. Отказ в правосудии: уголовный процесс. М.: Юрид. лит., 1985. 190 с.

3. Сидорова Н.В. Возможности применения «иммунитета по сделкам» в Российской Федерации // Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. С. 254-256.

4. Сидорова Н.В. Свидетельский иммунитет, полученный в результате соглашения // Новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и практика его применения. Оренбург, 2002. С. 186-191.

5. Сидорова Н.В. Показания свидетеля в российском уголовном процессе: учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. 252 с.

6. Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2003. 512 с.

7. Долгова А.И., Корневский Ю.В. Организованная преступность и переход к рыночным отношениям // Государство и право. 1992. № 3. С. 32-33.

8. Концепция правовой сделки о признании вины // Возможности защиты в рамках нового УПК России. М.: Лекс эст, 2003. С. 118-146.

9. США. Преступность и политика / под ред. Б.С. Никифорова. М.: Прогресс, 1972. 420 с.

10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ АКТА ОФИЦИАЛЬНОГО НОРМАТИВНОГО ТОЛКОВАНИЯ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО АКТА

В.А. Лазарева

(аспирантка кафедры государственно-правовых дисциплин
Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права;
vlazareva@slb.com)

В статье рассматриваются вопросы соотношения акта официального нормативного толкования норм права и нормативно-правового акта посредством выявления отличий, позволяющих разграничивать эти понятия, и некоторых сходных черт, а также рассматривается связь между ними путем определения того, чем является акт толкования по отношению к толкуемому нормативно-правовому акту, и, соответственно, правотолковательное положение по отношению к толкуемой норме права.

Ключевые слова: акт официального нормативного толкования, нормативно-правовой акт, правотолковательное положение, юридическая сила, пределы (сферы) действия, обратная сила.

В целях определения соотношения акта официального нормативного толкования норм права и нормативно-правового акта следует выявить как отличия, позволяющие разграничивать эти понятия, так и некоторые сходные черты, а также рассмотреть связь между ними, определить, чем является акт толкования по отношению к толкуемому нормативно-правовому акту, и, соответственно, правотолковательное положение по отношению к толкуемой норме права.

К сожалению, в юридической науке нет пока полной ясности в отношении юридической природы актов официального нормативного толкования, что, конечно же, отрицательно сказывается на правоприменительной практике.

Необходимо заметить, что в литературе по данной проблеме существуют две прямо противоположные точки зрения. Согласно первой из них акты официального нормативного толкования права могут содержать в себе новые нормы права или новые их отдельные положения, поэтому они (акты) являются источниками права. По мнению авторов, придерживающихся такой позиции, невозможно представить разъяснение смысла правовых норм, являющееся общеобязательным, без изменения их содержания, ведь законы в жизни, в ди-

намике приобретают подчас иной смысл, нежели первоначально в них вкладывал законодатель. В связи с этим любое общеобязательное толкование равно новой норме, как перевод стихов является соавторством [1, с. 23; 2, с. 44; 3, с. 385].

В соответствии со второй точкой зрения акты официального нормативного толкования права не являются источниками права и не должны содержать в себе новых норм права. Такие акты могут только разъяснять содержание толкуемых норм права, а значит, относятся к актам совершенно иного вида [4, с. 354-355; 5, с. 33, 142; 6, с. 163; 7, с. 74-75].

Как представляется, толкование – это не изменение содержания норм права, в том числе неясного или неточного характера, а всего лишь разъяснение смысла нормы без какого-либо изменения ее содержания. Оно призвано лишь объяснять и уточнять то, что сформулировано в норме, раскрывать юридическую волю законодателя. Естественно, нормативное толкование не может осуществляться в отрыве от окружающей обстановки, но это вовсе не должно означать, что в процессе толкования под предлогом учета изменившихся условий можно вкладывать в норму то содержание, которое расходится со смыслом, вложенным в нее законодателем. В усло-

виях становления правового государства, укрепления законности нормативные акты изменяются и приспособляются к новым условиям не в процессе их толкования и применения, а в установленном порядке самим правотворческим органом.

В.М. Сырых отмечает, что не всегда можно провести четкую грань между новой нормой права и комментариями действующей, о чем свидетельствует многолетний опыт деятельности Пленума Верховного Суда СССР, а также Пленума Верховного Суда РСФСР. Официально им разрешалась только дача разъяснений действующего законодательства. Однако в актах официального нормативного толкования этих органов достаточно часто обнаруживались и оригинальные нормы права. Наличие таких норм рассматривается как правонарушение, а нормы не могут использоваться в регулировании общественных отношений [8, с. 232].

Исходя из того, что правотолковательное положение не может являться нормой права, представляется неверным используемый некоторыми авторами подход к проведению соотношения между официальным разъяснением и нормой права путем определения, чем является такое разъяснение относительно нормы права – самостоятельной правовой нормой или составной частью разъясняемой нормы, некорректной представляется сама постановка данного вопроса.

Так, М.С. Ходунов рассматривал акты толкования в качестве неотъемлемой составной части разъясняемого нормативного акта [9, с. 32]. А.С. Пиголкин высказывался несколько иначе, применяя дифференцированный подход при разрешении данного вопроса. Так, он писал: «Можно считать интерпретационный акт в определенной степени составной частью, неотъемлемым элементом нормативного акта, но сугубо условно. Такой вывод можно отнести в первую очередь к аутентическому толкованию... Что же касается так называемого легального толкования, то на них этот вывод явно не может быть распространен. Иначе можно констатировать, что у нормативного акта имеется два автора – сам

правотворческий орган и орган, осуществляющий легальное толкование» [7, с. 71].

Другие же авторы находят утверждение о том, что разъяснение – неотъемлемая часть толкуемой нормы, весьма спорным и недостаточно аргументированным. Такое утверждение неприемлемо, по их мнению, потому, что ставит фактически знак равенства между правотворческой деятельностью и деятельностью отдельных органов, дающих обязательное толкование норм, но не имеющих законодательных функций, а равно между актами их деятельности [10, с. 155; 4, с. 355; 11, с. 44]. Очевидно, что данная позиция является верной. По существу вопрос о том, что представляет собой официальное разъяснение – часть разъясняемой нормы или самостоятельную правовую норму, уже предполагает, независимо от ответа, признание того, что такое разъяснение является нормой права. Однако вопрос здесь заключается в том, является ли такая правовая норма самостоятельной. Кроме того, сама возможность рассмотрения правотолковательного положения в качестве части толкуемой правовой нормы является внутренне противоречивой: неизбежно возникают вопросы о соотношении этих частей «правовой нормы» (по-видимому, «правовую норму» в таком понимании составляют как непосредственно норма, содержащаяся в нормативно-правовом акте, так и толкующее ее разъяснение, которое является как бы «продолжением» нормы права). В случае же безоговорочного признания неравноценности этих частей возникают вопросы о зависимости одной части от другой, о возможности применения одной части в отрыве от другой и т.д.

Как представляется, правильнее говорить о вспомогательном характере правотолковательных положений по отношению к нормам права. Как акт официального нормативного толкования представляет собой относительно самостоятельный вид правовых актов, так и содержащиеся в нем положения являются относительно самостоятельными по отношению к нормам права.

Отмечая вспомогательный характер правотолковательных положений и актов толкования в целом, следует сказать о конструктивности обобщающей категории «правовой акт». Нормативные, интерпретационные и другие виды правовых актов образуют подсистемы единой системы правовых актов. Как отмечает С.С. Алексеев, место каждой из этих подсистем, их субординация, взаимозависимости обусловлены свойствами тех активных содержательных элементов правовой системы (правовых норм; интерпретационных положений), которые они закрепляют и выражают [12, с. 315]. Вместе с тем при наличии определенных структурных и функциональных связей в системе правовых актов принципиально важно подчеркнуть, что ядром, стержнем в этой системе являются нормативно-правовые акты.

В нормах права закрепляются правовые предписания, в том числе правила возможного, должного, запрещенного, рекомендованного поведения. В свою очередь, правотолковательное положение, сформулированное в результате официального нормативного толкования нормы права, представляет собой «официальную директиву, как правильно понимать конкретную норму» [13, с. 490], таким образом, такое положение можно назвать правилом, предписанием, но это правило (предписание) надлежащего понимания толкуемой нормы права.

Положение, определяющее понимание разъясняемой нормы права – правотолковательное положение – по характеру содержащихся в нем установлений не подпадает ни под одну категорию правовых предписаний, содержащихся в нормах права.

Правоположение – поднормативное средство юридического воздействия на общественные отношения. В качестве основного средства воздействия на поведение людей в сфере правового регулирования государство использует правовую норму. Ее свойства оказываются наиболее подходящими для того, чтобы распространить государственное веление на неопределен-

ный круг общественных отношений и относительно определенный круг лиц.

Признаком нормы права является ее общеобязательность. По вопросу же об основаниях и характере обязательности правотолковательных положений, содержащихся в актах официального нормативного толкования, среди ученых-правоведов нет единой точки зрения.

В науке существуют разные взгляды на основания, которые придают официальному толкованию обязательный характер. Так, Б.П. Спасов и В.М. Хропанюк считают, что обязательный характер официального толкования обусловлен компетентностью государственного органа, который выдает соответствующее разъяснение нормы права [6, с. 123; 14, с. 321]. Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов полагают, что обязательность правотолковательных положений «покоится не на авторитете силы, а на силе авторитета создающих их органов» [15, с. 160]. С.С. Алексеев объясняет обязательный характер официального толкования его самостоятельностью в системе юридической практики и правотворческим происхождением [12, с. 309-310].

Как отмечает А.С. Пиголкин, официальное нормативное разъяснение обязательно для всех лиц и органов, подчиненных (подведомственных) органу, производящему толкование. В свою очередь обязательная сила аутентичного толкования распространяется на тех субъектов, которые подпадают под юрисдикцию органа, дающего толкование. А разъяснения легального толкования обращены в первую очередь к судебным органам и формально обязательны для них. В то же время они обязательны для всех других лиц и органов, которые в той или иной форме непосредственно участвуют в судебной деятельности [13, с. 490-491].

В.С. Нерсисянц полагает, что акты официального нормативного толкования являются «официально-обязательными для соответствующих субъектов правоприменения». При этом он признает обязательность лишь актов официального нормативного толкования, издаваемых Конституционным Судом РФ [16, с. 500-501].

М.Н. Марченко считает, что для исполнителей толкуемой нормы и правоприменителей официальное толкование является обязательным даже тогда, когда они выражают несогласие с толкованием, и в то же время отмечает специфику обязательной силы актов легального толкования – они обязательны лишь для тех лиц и объединений, которые подпадают под юрисдикцию органа, осуществляющего толкование [17, с. 696-697]. Аналогичного мнения придерживается и А.В. Поляков [18, с. 814].

Более осторожно по данному поводу высказываются А.С. Пиголкин и В.Н. Протасов, указывающие на формальную обязательность официального толкования для определенного круга исполнителей толкуемой нормы [13, с. 490; 19, с. 211].

Особо следует отметить дискуссионность вопроса об обязательности правотолковательных положений, являющихся результатом легального толкования, в частности, множество споров вызывает утверждение об обязательном характере разъяснений, даваемых Верховным Судом РФ, разногласия возникают и в случае признания обязательности таких разъяснений уже по поводу лиц, на которых она распространяется.

По мнению В.В. Ершова, «обязательный характер постановлений Пленума Верховного Суда РФ противоречит принципу независимости судей и подчинения их только закону» [20, с. 121]. Как представляется, такая интерпретация принципа независимости является искаженной. Если бы разъяснения закона, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, могли интерпретироваться как незаконное вмешательство в судебную деятельность, подрывающее независимость судей, то это исключало бы не только их обязательный характер, но и саму возможность дачи таких разъяснений. В этом случае «эффективность необязательных разъяснений сводится к минимуму и судебное толкование утрачивает свое значение» [21, с. 513].

Что касается разъяснений Конституционного Суда РФ, то их обязательность за-

креплена на законодательном уровне. Так, в соответствии со ст. 106 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений [22].

Перечисляя в ст. 13 ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» полномочия Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, в том числе и такое, как разъяснение по вопросам судебной практики, законодатель в п. 2 применительно ко всем перечисленным полномочиям записал: «По вопросам своего ведения Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации принимает постановления, обязательные для арбитражных судов в Российской Федерации» [23].

Таким образом, общеобязательными для всех субъектов являются акты толкования высших представительных органов власти, а также акты, содержащие толкование Конституции Российской Федерации, издаваемые Конституционным Судом РФ. Акты толкования высших судебных, прокурорских органов формально обязательны только для подчиненных им органов.

Следует также указать на совпадение форм закрепления актов официального нормативного толкования и нормативно-правовых актов: по форме первые могут облекаться в те же акты, что и нормативные – указы, постановления, инструкции и т.д. Это влечет за собой значительную сложность в разграничении таких актов на практике, поскольку при частом совпадении наименований они обладают различными правовыми свойствами.

Можно предпринять попытку провести соотношение между актом официального нормативного толкования и нормативным правовым актом и по такому критерию, как юридическая сила.

Понятие юридической силы применяется обычно к характеристике право-

вой нормы, регулятивные возможности которой обусловлены ее местом в системе права. Ю.Е. Пермяков отмечает, что юридическую силу можно было бы интерпретировать как функцию внутри некоего множества – системы права, и за пределами права понятие юридической силы неуместно [24, с. 6].

Как представляется, применять понятие «юридическая сила» по отношению к актам официального нормативного толкования можно лишь условно, по аналогии с юридической силой нормативно-правовых актов. При этом данное понятие можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, как свойство данного акта порождать определенные юридические последствия, во-вторых, как понятие, указывающее на место этого акта в системе интерпретационных актов как разновидности правовых актов.

Является спорной точка зрения, в соответствии с которой интерпретационный акт, принятый тем же субъектом, который издал интерпретируемый акт, имеет юридическую силу последнего, а интерпретационный акт, принятый другим субъектом, в зависимости от его статуса, может иметь надзаконный (постановления Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам толкования Конституции) и подзаконный (например, постановления пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов) характер [25, с. 11]. Ведь понятия юридической силы акта толкования и юридической силы нормативного правового акта неравнозначны, акт толкования вне зависимости от статуса субъекта, его издавшего, не может и не должен иметь ту же юридическую силу, что и нормативный правовой акт, прежде всего потому, что акты толкования не содержат нормы права, а лишь разъясняют уже существующие. Правотолковательные положения, содержащиеся в таких актах, имеют юридическую силу иного характера: она определяется компетенцией субъекта, издавшего акт, и, как представляется, это понятие может использоваться при определении места такого акта в иерархии, системе актов официального нормативного толкования, т.е.

при сравнении по юридической силе интерпретационных актов между собой, но никак ни при рассмотрении соотношения по юридической силе акта официального нормативного толкования и нормативного правового акта (не только из-за бессмысленности такого сравнения, а скорее в связи с тем, что данное понятие имеет разное содержание, «наполнение», когда его применяют к актам толкования и нормативным правовым актам).

Кроме того, следует отметить, что если по отношению к нормативно-правовым актам законодательно закрепленный принцип иерархичности форм права проявляется наиболее ярко и прямолинейно, то в отношении актов официального нормативного толкования все обстоит несколько по-иному. Об иерархическом характере отношений данных актов между собой можно говорить лишь весьма условно, полагаясь на «доводы разума», согласно которым «вместо стихийности и анархии среди правовых актов иерархия обеспечивает их взаимосвязь и согласованность в рамках правового порядка» [26, с. 70].

По вопросу соотношения юридической силы рассматриваемых видов правовых актов можно привести позицию Верховного Суда РФ, прослеживаемую в Определении Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2001 г. № 83-Г01-О «О признании частично недействительным закона Брянской области «О законах и иных нормативных правовых актах Брянской области»: «Вопросы толкования принятых областным законодателем законов применительно к данному делу имеют юридическое значение только в той мере, в какой это касается формы толкования законодателем принятых им же правовых норм. Поскольку законы субъекта Российской Федерации, как и федеральные законы, имеют приоритет перед всеми другими нормативными правовыми актами, изменение содержания их норм, в том числе неясного или неточного характера, может быть произведено только в форме принятия равного по значению областному закону акта, то есть только в форме принятия другого закона, изменяю-

щего (уточняющего, конкретизирующего, устраняющего неточности и т.п.) содержание нормы, нуждающейся в официальном толковании. Именно поэтому правильным является решение суда о той части, которой признан противоречащим федеральному законодательству пункт 4 статьи 38 закона Брянской области «О законах и иных нормативных правовых актах Брянской области», указывающий на придание официальным актам-разъяснениям областной Думы той же юридической силы, что и самим областным законам» [27].

Следующим основанием, по которому можно провести соотношение, является внутренняя структура правотолковательного положения и нормы права. Согласно сложившемуся в юридической научной литературе представлению под структурой нормы права понимают такое ее внутреннее строение, ее внутреннюю форму, в которых отражается способ связи и порядок расположения составляющих ее структурных элементов [17, с. 616]. Безусловно, правотолковательное положение не имеет внутренней логической структуры, аналогичной структуре нормы права. Однако вопрос о структуре правоположений требует обсуждения. Как представляется, если и вести речь о «составных элементах структуры правоположений» [28, с. 184], то следует пойти по пути отыскания у них какого-то подобия структурным элементам правовой нормы, т.е. находить своего рода гипотезу, диспозицию и санкцию правоположения. Вместе с тем такой поиск до некоторой степени искусственен, так как интерпретационные правоположения органически вплетаются в ткань тех элементов нормы, которые подверглись разъяснению и развитию. Таким образом, как отмечает В.В. Лазарев, формулирование собственных гипотез и диспозиций правоположений возможно лишь при неременном учете того, что они имеют относительную обособленность и в значительной мере «обслуживаются» элементами самой нормы права [29, с. 52].

Разграничение актов официального нормативного толкования права и нормативных правовых актов можно провести и

по такому основанию, как пределы (сферы) действия указанных актов, в частности по критериям предметной сферы действия этих актов и их действию во времени.

Каждый акт официального нормативного разъяснения имеет свой предмет правового воздействия, то есть определенные отношения, на которые направлены праворазъяснительные предписания, закрепленные в данном акте. При этом многие авторы придерживаются презумпции совместного действия актов официального нормативного толкования и интерпретируемых ими предписаний, данная презумпция предполагает, в частности, совпадение предметных сфер их действия [11, с. 23; 7, с. 74; 30, с. 35].

Была предпринята попытка опровергнуть данную презумпцию. В частности, утверждается, что, во-первых, при ограниченном или распространительном результатах интерпретационной практики официальное нормативное толкование может сужать или расширять сферу действия интерпретируемого предписания, во-вторых, анализ материалов интерпретационной практики показывает, что нередко субъекты толкования совершают ошибки и иные погрешности, в результате которых сужается или расширяется предметная сфера действия акта толкования, либо существенно искажаются сферы действия интерпретируемого предписания [31, с. 24].

Действительно, субъекты толкования могут вовлекать в праворазъяснительный процесс дополнительные (субсидиарные) юридические предписания, общественные отношения, факты и т.д. Но это, по нашему мнению, не свидетельствует о том, что сфера действия толкуемой нормы изменяется в результате толкования, правотолковательное положение не может распространять свое действие на те общественные отношения, которые не регулируются данной нормой права, это противоречило бы юридической природе толкования.

Что касается соотношения актов официального нормативного толкования права и нормативного правового акта по их действию во времени, то по данному вопросу также нет единой точки зрения.

Согласно распространенной в отечественной литературе точке зрения правотолковательные положения не могут существовать отдельно от интерпретируемых предписаний, т.е. имеют силу и значение только в течение срока действия толкуемых норм и в случае отмены последних прекращают свое действие [11, с. 73; 6, с. 149; 32, с. 46]. Официальное юридически обязательное обоснование данной позиции (применительно к разъяснениям Государственной Думы РФ) дал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 17 ноября 1997 г. № 17-П. Конституционный Суд пояснил, что разъяснения Федерального закона, данные Государственной Думой, не имеют самостоятельного значения в отрыве от разъясняемых норм, неотделимы от этих норм, не могут применяться независимо от них, то есть содержание оспариваемых постановлений находится в неразрывном единстве с содержанием разъясняемых актов [33].

Существует и другая позиция, в соответствии с которой некоторые акты официального нормативного толкования норм права «переживают» срок действия толкуемых правовых предписаний [31, с. 25]. Наглядным примером такого интерпретационного акта (действующего в пределах действия во времени интерпретируемой нормы, а не содержащих ее нормативных актов) может служить совместное Постановление Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам» [34], которое содержит толкование норм, в частности, Арбитражного процессуального кодекса, принятого еще в 1992 г. Причем названное Постановление действует и применяется до настоящего времени, несмотря на то, что в 1995–2002 гг. принималось два новых арбитражных процессуальных кодекса.

Таким образом, действие актов толкования во времени обусловлено не столько судьбой толкуемого нормативного правового акта, сколько судьбой норм, в нем сформулированных, поскольку те или

иные нормы при отмене одного акта могут «перекочевать» в другой, принятый взамен старого, а значит, может сохраниться и значение разъяснений относительно такой нормы [25, с. 10]. Поэтому правильнее рассматривать соотношение времени действия акта толкования и толкуемых норм права, а не нормативно-правового акта, содержащего эти нормы.

При этом если порядок вступления нормативных правовых актов в юридическую силу должным образом урегулирован, момент вступления в силу актов официального нормативного толкования норм права указывается весьма редко. В связи с этим в научной литературе высказываются предложения по внесению в соответствующие нормативные правовые акты дополнительных положений, которые бы регламентировали порядок вступления в юридическую силу актов официального нормативного толкования [31, с. 27].

Однако анализ положений Указа Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763 «О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти» позволяет сделать вывод о том, что им регулируется порядок вступления в силу не только нормативно-правовых актов, но и актов толкования, издаваемых этими органами и должностными лицами. Так, в данном Указе используются формулировки «акты Президента Российской Федерации», «акты Правительства Российской Федерации», при этом не содержится оговорок о том, что Указом регламентируется порядок вступления в силу лишь такой разновидности правовых актов, как нормативные правовые акты [35]. Аналогичным образом обстоит ситуация и с Федеральным законом от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» [36]. Таким образом, с одной стороны, действительно, вопрос о вступлении в силу актов официального нормативного толкования в указанных

нормативных правовых актах специально, отдельно не оговаривается, но, с другой стороны, ими регламентируется порядок вступления в юридическую силу тех правовых актов, которые может принимать соответствующий орган или должностное лицо. Одной из разновидностей таких правовых актов являются акты официального нормативного толкования норм права.

Кроме того, следует отметить достаточную урегулированность данного вопроса на уровне субъектов РФ (примером может служить Закон Тюменской области от 20 февраля 2003 года № 121 «О порядке подготовки, принятия и действия нормативных правовых и правовых актов Тюменской области» [37]).

В связи с вопросом о соотношении границ действия актов официального нормативного толкования и нормативно-правовых актов, необходимо рассмотреть такое понятие, как обратная сила, под которой понимается распространение действия правового акта на отношения, возникшие до его принятия и вступления в силу.

Большинство ученых-юристов считает, что акт официального нормативного толкования всегда обладает ретроактивным эффектом (обратной силой), поскольку начинает действовать с момента вступления в юридическую силу толкуемых нормативно-правовых актов. Так, А.С. Пиголкин пишет: «Акт нормативного толкования имеет обратную силу, т.е. распространяет свое действие на факты, события, которые имели место до принятия соответствующего акта, поскольку он не создает новых предписаний, а разъясняет смысл уже действующих» [7, с. 76]. При этом, как отмечает Е.В. Березовская, пределы обратной силы актов толкования определяются моментом вступления в силу правовой нормы [38, с. 45].

В свою очередь, нормативные правовые акты, по общему правилу, обратной силы не имеют.

В связи ретроактивным действием актов официального нормативного толкования возникает проблема юридических и иных социальных последствий от такого эффекта. Как представляется, целесооб-

разным было бы в содержание самих актов толкования включать предписания, согласно которым эти акты в целом либо отдельные их положения имеют или не имеют обратную юридическую силу. По аналогии с нормативными правовыми актами не должны иметь обратной силы акты толкования, каким-либо образом ухудшающие положения субъектов правоотношений.

Таким образом, рассмотрев общетеоретические вопросы соотношения акта официального нормативного толкования и нормативно-правового акта, можно сделать следующие выводы.

1. Нормативно-правовой акт содержит в себе правовые нормы, он направлен на установление, изменение и отмену норм права, акт официального нормативного толкования содержит в себе правотолковательные положения, представляющие собой правила, предписания, но это лишь правило (предписание) надлежащего понимания толкуемой нормы права, данный акт не вносит и не может вносить поправок и изменений в действующие нормы. Правотолковательное положение не может быть рассмотрено в качестве неотъемлемой части толкуемой нормы, поскольку это фактически ставит знак равенства между ними.

Обязательность правотолковательного положения является производной от обязательности разъясняемой нормы права и означает обязательное выполнение предписаний правотолковательного положения каждым субъектом, оказавшимся в условиях, предусмотренных толкуемой нормой права.

Правотолковательное положение не имеет внутренней логической структуры, аналогичной структуре нормы права.

2. Акт официального нормативного толкования носит вспомогательный характер по отношению к толкуемому нормативно-правовому акту, вместе с тем первый представляет собой относительно самостоятельный вид правовых актов.

3. Юридическая сила интерпретационного акта определяется компетенцией субъекта, издавшего акт, и, как представляется, это понятие может использоваться при определении места такого акта в ие-

рархии, системе актов официального нормативного толкования, т.е. при сравнении по юридической силе интерпретационных актов между собой, но никак ни при рассмотрении соотношения по юридической силе акта официального нормативного толкования и нормативного правового акта.

4. Предметные сферы действия акта официального нормативного толкования права и толкуемого нормативного правового акта совпадают.

5. Акт официального нормативного толкования всегда обладает ретроактивным эффектом, в свою очередь, нормативные правовые акты, по общему правилу, обратной силы не имеют.

6. Сфера действия актов официально-нормативного толкования определяется сферой действия толкуемого нормативного правового акта, однако при этом акт толкования не всегда полностью разделяет судьбу последнего. В настоящий момент существует немало интерпретационных актов, которые продолжают действовать несмотря на то, что толкуемые ими акты уже утратили силу.

1. Муромцев Г.И. Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. 1992. № 2. С. 21-34.

2. Топорнин Б.Н. Система источников права: тенденции развития // Судебная практика как источник права / отв. ред. серии Б.Н. Топорнин. М., 2000. 160 с.

3. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997. 392 с.

4. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М.: Госюриздат, 1960. 486 с.

5. Шляпочников А.С. Толкование уголовного закона. М.: Госюриздат, 1960. 342 с.

6. Спасов Б.П. Закон и его толкование. М.: Юрид. лит., 1986. 368 с.

7. Пиголкин А.С. Толкование норм права и правотворчество: проблемы соотношения // Закон: создание и толкование / под. ред. А.С. Пиголкина. М.: Спарк, 1998. 283 с.

8. Сырых В.М. Теория государства и права. М.: Былина, 1998. 512 с.

9. Ходунов М.С. Судебная практика как источник права // Соц. законность. 1956. № 6. С. 32-45.

10. Дагель П.С., Елисейкин П.Ф. Рецензия на монографию А.С. Пиголкина «Толкование нормативных актов в СССР» // Советское государство и право. 1964. № 7. С. 154-156.

11. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М.: Юрид. лит., 1976. 178 с.

12. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.

13. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт, 2005. 613 с.

14. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М.: Интерстиль, 2006. 382 с.

15. Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: Понятие, основные черты и функции: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. 205 с.

16. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА, 2000. 552 с.

17. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник. М.: Велби, Проспект, 2005. 768 с.

18. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 894 с.

19. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М.: Юрайт-М, 2001. 346 с.

20. Ершов В.В. Статус суда в правовом государстве. М.: Юрид. лит., 1992. 179 с.

21. Ржевский В.А., Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации: Конституционные основы организации и деятельности. М.: Юристъ, 1998. 576 с.

22. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конст. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ: с изм. от 2 июня 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447; 2009. № 23. Ст. 2754.

23. Об арбитражных судах в Российской Федерации: федер. конст. закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ: с изм. от 30 апреля 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 18. Ст. 1589; Рос. газ. 2010. 4 мая. № 94.
24. Пермяков Ю.Е. Юридическая сила правовых суждений // Юридический аналитический журнал. 2003. № 4 (8). С. 6-15.
25. Шайхутдинов Е.М. Интерпретационные акты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 28 с.
26. Мицайков М. Иерархия в праве // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. 1999. № 6. С. 70-82.
27. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2001 г. № 83-Г01-08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. 246 с.
29. Лазарев В.В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. 472 с.
30. Тарасова В.В. Акты судебного толкования правовых норм. Саратов, 2002. 227 с.
31. Шаронов А.Н. Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 30 с.
32. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М.: Юристъ, 1998. 377 с.
33. По делу о проверке конституционности постановлений Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 21 июля 1995 года № 1090-1 ГД «О некоторых вопросах применения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и от 11 октября 1996 года № 682-П ГД «О порядке применения пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1997 г. № 17-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 47. Ст. 5492.
34. О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 1992. № 11.
35. О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: указ Президента РФ от 23 мая 1996 г. № 763: с изм. от 28 июня 2005 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 22. Ст. 2663; 2005. № 28. Ст. 2865.
36. О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания: федер. закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ: с изм. от 22 октября 1999 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 8. Ст. 801; 1999. № 43. Ст. 5124.
37. О порядке подготовки, принятия и действия нормативных правовых и правовых актов Тюменской области: закон Тюменской области от 20 февраля 2003 года № 121: с изм. от 29 декабря 2009 г. // Парламентская газета «Тюменские известия». 2003. 14 марта. № 47-48; 2009. 31 дек. № 235 (4977).
38. Березовская Е.В. Общая характеристика актов судебного правоприменительного толкования // Вестник ТИСБИ. 2005. № 2. С. 45-59.

НАЛОГОВАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ. ИХ УЧАСТИЕ В НАЛОГОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Д.Н. Карнаухов

(адъюнкт кафедры гражданско-правовых дисциплин Тюменского юридического
института МВД России; dnkarnaukhov@mail.ru)

В статье рассматривается налоговая правосубъектность учреждений Министерства внутренних дел России. Автор анализирует актуальные проблемы, возникающие при участии данных учреждений в налоговых правоотношениях, в результате этого определяются их субъективные налоговые права и обязанности.

Ключевые слова: налоговое право, налоговая правосубъектность, учреждения Министерства внутренних дел России, субъекты налоговых правоотношений.

В настоящее время главным источником доходов бюджетов всех уровней в России стали налоги. В связи с этим вопросы правового регулирования налогообложения относятся к числу наиболее актуальных в экономической и социальной жизни Российского государства. Это обусловлено новыми явлениями в экономике России, ее нацеленностью на переход к рыночным отношениям, при которых управление народным хозяйством требует активного использования инструментов финансового механизма, в том числе налогов.

В связи с этим налоговое право как одно из подразделений (подотраслей) финансового права становится его крупнейшей составной частью с перспективой дальнейшего развития. Для последнего времени характерно существенное изменение налогового права. Это касается его структуры и общего содержания, а также конкретных норм. Формирующееся налоговое право Российской Федерации призвано сыграть важную роль в экономических и социальных преобразованиях, в развитии производства и укреплении финансов страны.

Налоговые правоотношения имеют особый характер взаимодействия их участников. Так, в налоговых правоотношениях отсутствует элемент добровольности: условия, при которых юридические и физические лица становятся участниками налоговых правоотношений, императивно определены государством в законодатель-

ных актах о налогах и сборах. В соответствии с законодательством России о налогах и сборах все юридические и физические лица, которые получают доходы от определенных операций и являются собственниками соответствующих видов имущества (при наличии объекта налогообложения), обязаны платить налоги.

Учреждения Министерства внутренних дел России (далее – учреждения МВД России) являются некоммерческими организациями, им присуща такая организационно-правовая форма некоммерческих организаций, как учреждение. В соответствии с п. 1 ст. 9 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [1] учреждением признается некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных и иных функций некоммерческого характера и финансируемая полностью или частично этим собственником. Имущество учреждения закрепляется за ним на правах оперативного управления в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2].

Специфика определения налогово-правового режима для некоммерческих организаций, включая учреждения МВД России, выделенные в налоговом законодательстве как самостоятельные субъекты налогового права и участники налоговых правоотношений, заключается в положе-

ниях, содержащихся в Федеральном законе «О некоммерческих организациях».

Категория правосубъектности является одной из основных в любой отрасли права. Практически отсутствуют работы по проблеме правосубъектности в финансово-правовой науке, и в частности в налоговом праве. Данное обстоятельство необходимо связывать в первую очередь с тем, что проблемы, возникающие в сфере налогообложения, приобрели актуальное значение относительно недавно. Законодательство о налогах и сборах находится в процессе постоянного развития и обновления.

Научная разработка проблемы правосубъектности учреждений МВД России в налоговом праве имеет важное теоретическое и практическое значение. Категория правосубъектности находится в непосредственной связи с такими ключевыми общеправовыми понятиями, как правоотношение и субъективные юридические права и обязанности учреждений МВД России. Следовательно, от того, насколько адекватно данная научная категория будет отражать реальное правовое явление, зависит решение важных вопросов о сущности налоговых правоотношений и содержании налоговых прав и обязанностей.

Налоговая правосубъектность – это социально-юридическое свойство, которым государство наделяет лицо в соответствии с потребностями общественного развития в области налоговых отношений [3, с. 18]. Только рассматривая данный вопрос через призму определенной области правоотношений, а не вообще (независимо от характера правоотношений, участником которых может быть лицо), можно понять сущность налоговой правосубъектности организаций и физических лиц.

Налоговая правосубъектность характеризует способность организации иметь обязанности и права в правоотношениях. Реальное участие организации в налоговых правоотношениях, реализация и осуществление предоставленных обязанностей и прав обеспечиваются таким качеством организации, как дееспособность. Причем если физическое лицо – субъект налогового права в некоторых случаях может обладать

правоспособностью и не обладать дееспособностью, то правосубъектность организации представляет собой обязательный сплав этих двух элементов и в ином виде существовать не может [4, с. 85].

Изучая труды отечественных юристов и действующее законодательство о налогах и сборах, можно предположить, что возникновение налоговой правосубъектности учреждений МВД России как организаций связано прежде всего с их постановкой на налоговый учет. Несмотря на то, что в определенных случаях право допускает участие организации в налоговых правоотношениях до ее постановки на налоговый учет, в целом будет правильно связывать возникновение налоговой правосубъектности коллективного субъекта именно с завершением процедуры налоговой регистрации (постановка на налоговый учет) [5, с. 106].

При этом важно отметить, что основными элементами налоговой правосубъектности учреждений МВД России являются их правоспособность и дееспособность. Ведущим компонентом, ядром налоговой правосубъектности выступает налоговая правоспособность. В содержание налоговой правоспособности учреждений МВД России входит: обязанность вести учет доходов и расходов, а также иных объектов налогообложения; обязанность исчислять, удерживать из денежных средств, выплачиваемых налогоплательщику, и перечислять в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации налоги; право получать соответствующие налоговые льготы.

Именно налоговая правоспособность определяет общее положение учреждений МВД России в сфере действия норм налогового права. Налоговая правоспособность представляет собой способность иметь права и нести обязанности в налоговых правоотношениях. Правоспособность, будучи элементом правосубъектности, выполняет строго определенную, только ей присущую социально-юридическую функцию. Она является обязательной предпосылкой, условием приобретения субъективных прав и обязанностей участниками конкретных правоотношений. Такая способность иметь

права и обязанности не идентична наличным субъективным правам и юридическим обязанностям. Правоспособность представляет общую возможность дозволенного поведения каждого лица, признанного субъектом права [6, с. 76]. Таким образом, налоговая правоспособность характеризует способность организации иметь обязанности и права в правоотношениях.

Проблема налоговой дееспособности учреждений МВД России связана, с одной стороны, с теорией органов управления учреждением, в частности, с исследованием органов юридического лица, с другой – с содержанием самой налоговой дееспособности учреждений МВД России.

В юридической литературе данной проблеме посвящен ряд работ [7, с. 34], однако в налоговом праве она не получила развития.

Е.А. Флейшиц справедливо подчеркивала, что дееспособность осуществляется действиями не одного лишь органа юридического лица (некоммерческой организации), а более широкого круга работников организации [8, с. 19]. Данное утверждение обосновано также и применительно к сфере налоговых правоотношений. Однако следует иметь в виду, что если в налоговых правоотношениях посредством органа выступает сама некоммерческая организация, то отдельный работник может выступать в интересах организации только на определенном участке деятельности последнего, соответствующем компетенции работника.

В связи с этим необходимо законодательное закрепление понятия налоговой дееспособности некоммерческой организации и механизма ее реализации, что было бы полезным для единства правоприменительной деятельности. Является обоснованным и установление в законодательстве о налогах и сборах перечня конкретных должностных лиц, ответственных за исполнение тех или иных субъективных налоговых обязанностей некоммерческой организации, в частности учреждения МВД России.

Налоговая дееспособность учреждения МВД России как некоммерческой организации есть субъективная способность

данного учреждения своими действиями приобретать и осуществлять налоговые права, исполнять налоговые обязанности. Налоговая дееспособность является основным характеризующим признаком учреждений МВД России как участников налоговых правоотношений.

В рамках рассмотрения вопроса о налоговой дееспособности учреждений МВД России особого внимания заслуживает положение, закрепленное в ст. 46 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) [9]: в случае неуплаты или неполной уплаты налога в установленный срок обязанность по уплате налога исполняется принудительно путем обращения взыскания на денежные средства налогоплательщика или налогового агента на счета в банках. В соответствии с п. 9 ст. 46 НК РФ в бесспорном принудительном порядке взыскиваются также пени за несвоевременную уплату налога и сбора.

Тем не менее реализация содержания налоговой дееспособности учреждений МВД России, т.е. реализация основных субъективных налоговых прав и субъективных налоговых обязанностей, невозможна без определенных оснований (юридических фактов), предусмотренных налогово-правовыми нормами.

Обязанность налогоплательщиков уплачивать законно установленные налоги, предусмотренная п. 1 ст. 23 НК РФ, возникает, изменяется и прекращается при наличии оснований, установленных законодательством о налогах и сборах. В соответствии с п. 2 ст. 44 НК РФ обязанность по уплате конкретного налога как сбора возлагается на налогоплательщика или плательщика сбора с момента возникновения установленных законодательством о налогах и сборах обстоятельств, предусматривающих уплату данного налога или сбора. Тем не менее НК РФ не содержит определения понятий «основания», «обстоятельства» и не детализирует их.

Анализ ст.ст. 17, 38, 41 НК РФ позволяет сделать вывод, что основанием возникновения, изменения и прекращения обязанности налогоплательщика уплачивать законно установленные налоги, об-

стоятельством, предусматривающим уплату конкретного налога или сбора, является наличие закона о налоге или сборе, который считается установленным лишь в том случае, если в нем определены налогоплательщики и элементы налогообложения, а также наличие конкретного объекта налогообложения. К элементам налогообложения относятся объект налогообложения, налоговая база, налоговый период, налоговая ставка, порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога.

В соответствии со ст. 38 НК РФ объектами налогообложения могут быть операции по реализации товаров (работ, услуг), имущество, прибыль, доход, стоимость реализованных товаров (выполненных работ, оказанных услуг) либо иной объект, имеющий стоимостную, количественную или физическую характеристики, с наличием которого у налогоплательщика законодательство о налогах и сборах связывает возникновение обязанности по уплате налога.

Особым элементом налоговой деликтоспособности организации выступает деликтоспособность, которая представляет собой одно из проявлений налоговой деликтоспособности организации – ее способность самостоятельно нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств. Наличие у организации качества налоговой деликтоспособности следует из п. 1 ст. 107 НК РФ, который определяет, что организации несут ответственность за совершение налоговых правонарушений в случаях, предусмотренных НК РФ. Организация может быть привлечена к юридической ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения лежащей на ней обязанности.

Признак самостоятельной налоговой ответственности организаций за налоговые правонарушения выступает той немаловажной характеристикой, наличие или отсутствие которой у данного коллективного образования является, в свою очередь, дополнительным показателем наличия или отсутствия у него определенной

степени имущественной обособленности [10, с. 216].

Деликтоспособность является важной составной частью правосубъектности организации. По своему функциональному назначению она несет двойную нагрузку. Во-первых, деликтоспособность является особым рода гарантией, обеспечивающей исполнение субъектами своих обязанностей под угрозой возможности привлечения к ответственности. Во-вторых, благодаря деликтоспособности становится возможным возмещение потерь, понесенных государством или муниципальным образованием в результате нарушения организацией своих обязанностей по уплате налогов и сборов. Налоговую деликтоспособность Р.А. Сергиенко определяет, как способность организации при нарушении своих обязанностей нести ответственность в случаях, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации [11, с. 33-38].

Таким образом, налоговая правосубъектность – юридическое качество, принадлежащее организации в силу закона и выражающее ее способность иметь и осуществлять собственными действиями права и обязанности, закрепленные в законе, а также способность организации нести ответственность за нарушение своих обязанностей.

Следовательно, и налогово-правовой статус учреждений МВД России выражается в их правомочиях и обязанностях как субъекта налогового права. В свою очередь, такие правомочия и обязанности различаются в зависимости от того, какую роль призвана выполнять организация в налоговых правоотношениях. Так, организация участвует в конкретных налоговых правоотношениях в роли налогоплательщика, налогового агента и лица, обязанного предоставлять налоговым органам предусмотренную законом информацию [12, с. 98-100].

Механизму участия учреждений МВД России в налоговых правоотношениях как некоммерческих организаций и юридических лиц в целом посвящено несколько положений четвертой главы НК РФ. Так, в соответствии с п. 1 ст. 27 НК РФ

законными представителями некоммерческой организации (как налогоплательщика, плательщика сбора, налогового агента) признаются лица, уполномоченные представлять указанную организацию на основании закона или ее учредительных документов. Согласно ст. 28 НК РФ действия (бездействие) законных представителей учреждений МВД России в отношениях, регулируемых законодательством о налогах и сборах, признаются действиями (бездействием) самих данных учреждений.

Круг лиц, уполномоченных представлять учреждения МВД России (некоммерческую организацию) в налоговых правоотношениях в силу закона или их учредительных документов без доверенности, может быть определен на основании гражданского законодательства. Такими полномочиями обладают, в частности, единоличные исполнительные органы (статьи 29-30 Федерального закона «О некоммерческих организациях»).

Для уточнения смысла употребляемых терминов важно отметить, что понятие «налоговое представительство» в значении, используемом законодателем в НК РФ, по содержанию не совпадает с его трактовкой в гражданско-правовой науке и гражданском законодательстве Российской Федерации. В соответствии с п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительными документами. Поэтому многие случаи налогового представительства (ст. ст. 27-28 НК РФ) в гражданско-правовом смысле, безусловно, не являются представительством. Как отмечается в публикациях, особенно наглядно свидетельствует об условном характере налогового представительства организации ст. 28 НК РФ. Из нее вытекает, что между организацией и ее руководителем не возникает отношения «представляемый – представитель» [13], действия (бездействие) руководителя (иного исполнительного органа) расцениваются как действия организации.

Сказанное подтверждает и п. 4 ст. 110 НК РФ, согласно которому вина организации в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц либо ее представителей, действия (бездействие) которых обусловили совершение налогового правонарушения. Следовательно, п. 1 ст. 27 и ст. 28 НК РФ, по существу, раскрывают механизм реализации налоговой дееспособности организации. Действительно, учреждение МВД России, как и юридическое лицо в гражданских правоотношениях, в налоговых правоотношениях может действовать либо через свои органы, либо через своих представителей. Заметим, что когда идет речь об органах некоммерческой организации, в частности, учреждений МВД России, под ними понимаются прежде всего руководители данных учреждений.

С.Н. Братусь отмечал, что органы юридического лица (некоммерческой организации) – это предусмотренные законом, уставом или положением живые люди, которые вырабатывают и осуществляют его волю [14, с. 67]. Действия руководителя учреждения МВД России являются действиями самого учреждения, поскольку формирование и осуществление его воли предусмотрено уставом этого учреждения.

В соответствующих случаях нельзя говорить о наличии каких-либо отношений представительства: имеет место непосредственная реализация дееспособности таких учреждений. Искажение в Налоговом кодексе Российской Федерации содержания понятия «представительство», сложившегося в юридической науке и отраслях законодательства, способно лишь повлечь проблемы в правоприменительной практике.

Основным содержанием налогового правоотношения, по доминирующему в юридической литературе мнению, является одностороннее обязательство налогоплательщика уплатить определенную денежную сумму в соответствующий бюджет (бюджетную систему) в установленные сроки. Обязанности налогоплательщика противостоит право налогового органа требовать такой уплаты.

Налоговое правоотношение относится к тому кругу отношений, участникам которых право не предоставляет возможности выбрать тот или иной вариант поведения. Столь значительная детализация нашла свое выражение в определении поведения (как совокупности действий) участников налогового отношения, установленной налогово-правовой нормой в виде прав и обязанностей.

В соответствии с моделью, содержащейся в налогово-правовой норме, в конкретном налоговом правоотношении, с одной стороны, от имени государства участвует налоговый орган, а с другой (при наличии объекта налогообложения) – учреждение МВД России.

Основному праву государственного налогового органа требовать внесения налога в бюджет соответствует безусловная субъективная обязанность учреждений МВД России при наличии соответствующего объекта налогообложения выполнить данное требование – внести налоговый платеж в определенном ставкой налога размере и в точно установленные сроки. Это основная субъективная обязанность учреждений МВД России, которая вместе с остальными субъективными обязанностями составляет юридическое содержание налоговых правоотношений, содержание налоговой дееспособности рассматриваемых учреждений.

Учреждения МВД России также могут выступать в роли налоговых агентов в отношении налога на доходы физических лиц, установленного гл. 23 части второй НК РФ. Учреждение МВД России в отношении физических лиц, получающих доход от данного учреждения, обязано при выплате этих доходов исчислить и удержать у налогоплательщика и перечислить в бюджет определенную сумму налога. В данной ситуации учреждения МВД России выступают в роли налоговых агентов [15, с. 25].

Таким образом, говоря об учреждениях МВД России как об участниках налоговых правоотношений можно сделать вывод, что при уплате федеральных, региональных и местных налогов к данным уч-

реждениям применяются нормы налогового законодательства, так же как и ко всем организациям. Учреждения МВД России как субъекты налогового права представляют собой коллективные образования, обладающие организационной и имущественной обособленностью, самостоятельно (от своего имени) и за свой счет выступающие в налоговых правоотношениях и самостоятельно несущие ответственность за налоговые правонарушения. Учреждения МВД России, обладая налоговой правосубъектностью, являются самостоятельными субъектами и участниками налоговых правоотношений, имеющими и осуществляющими субъективные налоговые права и обязанности.

1. О некоммерческих организациях: федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ: ред. от 19.05.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3. Ст. 145; 2009. № 29.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: ред. от 08.05.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 2010. № 19. Ст. 2291.

3. Винницкий Д.В. Субъекты налогового права. М.: НОРМА, 2000. 267 с.

4. Гриценко В.В. Гражданин как субъект налогового права в Российской Федерации: монография / под. ред. Н.И. Химичевой. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1997. 201 с.

5. Винницкий Д.В. Субъекты налогового права. М.: НОРМА, 2000. 267 с.

6. Бегичев Б.К. Трудовая правоспособность советских граждан. М.: Юрид. лит., 1972. 83 с.

7. Брызгалин А.В., Головкин А.Н. Налоговая ответственность: общие условия. Учет торговых операций. Налоги и финансовое право. М., 2008. 156 с.

8. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. М.: Юрид. лит., 1951. 240 с.

9. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: от 31.07.1998 № 146-ФЗ: ред. от 19.05.2010 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 32. Ст. 3301; 2010. № 19. Ст. 2291.

нодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824; Рос. газ. 2010. 19 мая.

10. Белых В.С., Винницкий Д.В. Налоговое право России: краткий учебный курс. М., 2004. 320 с.

11. Сергиенко Р.А. Налоговая правосубъектность организации // Финансовое право. М., 2002. № 2. С. 28-32.

12. Карасева М.В. Финансовое право. Общая часть. М.: Юристъ, 2004. 576 с.

13. Гусев А.Н. Постатейный комментарий к Налоговому кодексу Российской Федерации: часть вторая. М.: Экзамен, 2008.

14. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.

15. Мякина Л.Н. Налог на доходы физических лиц бюджетных учреждений // Бухгалтерский учет в бюджетных учреждениях и некоммерческих организациях. 2007. № 1. С. 53-60.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ

И.В. Сидорова

(соискатель кафедры уголовного права и процесса Омского юридического института;
irina_omyi@mail.ru)

В статье раскрываются направления дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за оскорбление. При этом автор исходит из того, что оскорбление в уголовном праве является одним из видов преступного психического насилия. Предлагается модель законодательной дифференциации уголовной ответственности за оскорбление.

Ключевые слова: оскорбление, психическое насилие, ответственность, дифференциация ответственности.

Разработка проблем дифференциации уголовной ответственности является одной из основных задач, стоящих перед наукой уголовного права. Данная проблематика свойственна многим институтам Особенной части УК РФ. Не составляют исключения нормы, предусматривающие составы преступлений против чести и достоинства личности, характеризующиеся традиционно низким уровнем дифференциации уголовной ответственности за клевету и оскорбление.

Безусловно, выделение квалифицированного состава оскорбления, содержащегося в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, следует признать правильным шагом законодателя, попытавшегося учесть повышенную степень общественной опасности публичного оскорбления и таким образом дифференцировать уголовную ответственность виновных лиц. Однако с учетом современных достижений уголовно-правовой науки отмеченный квалифицирующий признак уже не может исчерпать проблему дифференциации ответственности за преступное оскорбление. В современной отечественной науке уголовного права оскорбление совершенно справедливо рассматривается как один из типичных видов преступного психического насилия над человеком [1, с. 216; 2, с. 210]. Взгляд на оскорбление в таком ракурсе позволяет правильно оценить характер общественной опасности данного преступления и предложить пути

совершенствования дифференциации уголовной ответственности за него.

Оскорбление, на наш взгляд, как преступное психическое насилие представляет собой выраженную в неприличной форме умышленную отрицательную оценку другого человека, причиняющую ему эмоциональный вред в виде унижения человеческого достоинства. Унижение человеческого достоинства характеризует общественно опасное последствие оскорбления с правовой точки зрения. С психологической точки зрения вред, наносимый оскорблением, потерпевшим воспринимается в форме переживания отрицательного эмоционального состояния – обиды. Таким образом, отраженный в ст. 130 УК РФ результат оскорбления (унижение чести и достоинства лица) имеет свой психологический аналог – состояние *обиды*, что составляет фактическое содержание эмоционального вреда, причиняемого оскорбительными действиями.

Оскорбление, будучи разновидностью психического насилия, одновременно является частью более общего понятия преступного насилия в уголовном праве как преступного посягательства на личную безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического или психического вреда потерпевшему вопреки (против или помимо) его воле путем энергетического (физического) или информационного (психического) воздействия на организм (органы, ткани, физиологические функции, психику) человека [2, с. 122].

Это объединяет оскорбление с другими преступлениями против личности, образующими категорию преступного насилия (убийством, умышленным причинением вреда здоровью, истязанием и пр.), с той лишь разницей, что оскорблению не свойственно причинение физического вреда человеку, оно причиняет вред психический (эмоциональный). Характерно, что уровень законодательной дифференциации уголовной ответственности за эти и другие насильственные преступления значительно более высок по сравнению с дифференциацией ответственности за оскорбление.

Так, типичным обстоятельством, которое существенно повышает степень общественной опасности насильственных преступлений, является множественность потерпевших, когда преступление совершается в отношении двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 117 УК РФ и др.). В этом случае тяжесть причиненного физического или психического вреда множится в зависимости от количества потерпевших, несмотря на то, что совершается единое преступление. Представляется, что оскорбление, одновременно совершенное в отношении двух или большего числа потерпевших, имеет более высокую степень общественной опасности, нежели оскорбление одного потерпевшего. При этом речь не идет о случаях реальной совокупности фактов оскорбления разных лиц или одного и того же потерпевшего, но в разное время. Единовременное *оскорбление двух или более человек* (учтенная законом совокупность) должно признаваться отягчающим обстоятельством в виде квалифицирующего признака данного преступления в ч. 2 ст. 130 УК РФ.

Повышенной общественной опасностью обладает многократное, совершаемое через незначительный промежуток времени оскорбление одного и того же потерпевшего, носящее характер продолжаемого преступления. Поэтому оскорбление как разновидность психического насилия может образовывать особо жестокую форму последнего. В таком случае оскорбле-

ние трансформируется в издевательство, которое прямо закреплено в роли способа преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 302, ст. 335 УК РФ, а также в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, в п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

По мнению А.Н. Попова, главной особенностью издеательства является то, что оно всегда сопряжено с умышленным причинением потерпевшему психических, нравственных страданий, с унижением его человеческого достоинства. При этом форма издеательства (циничная или подчеркнуто вежливая, словесная или физическая) значения не имеет. Однако, по его мнению, издеательство может быть как длительным, так и однократным, даже одномоментным [3, с. 103-105].

Нам импонирует позиция Р.Д. Шаропова, который понимает под издеательством систематическое или продолжаемое глумление над потерпевшим, создающее длительную психотравмирующую ситуацию. По мнению этого автора, «издеательство должно означать систематическое (не менее трех актов) унижение чести и достоинства потерпевшего или близких ему людей (постоянные оскорбления, продолжаемые акты клеветы в присутствии потерпевшего, глумления и т.п.)» [2, с. 352].

Характерный случай оскорбления в форме издеательства, ставший предметом судебной практики, описывает в своей диссертации М.М. Горшков. Так, С. на протяжении более полугода систематически избивал свою жену. Срывал с нее одежду, заставляя в голом виде стоять ночью в подъезде, выгонял в таком виде на улицу, на обнаженное тело сыпал табак. Глумясь над жертвой, виновный своими действиями старался унижить ее, заставляя страдать нравственно [4, с. 34].

Таким образом, оскорбление, носящее характер продолжаемого преступления и приобретающее форму издеательства, способно причинять потерпевшему значительно более тяжелую эмоциональную травму, чем однократный или даже повторный эпизод данного преступления. Унижение человеческого достоинства в

таком случае носит более глубокий характер, а его психологическая основа (чувство обиды) приобретает затяжной характер и может выражаться в таких экстремальных эмоциональных состояниях жертвы оскорбления, как эмоциональное напряжение и эмоциональное возбуждение, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, состояние начальной фазы кумулятивного аффекта, длительное и сильное стрессовое состояние, длительное фрустрационное состояние и проч. [5, с. 120-125].

Данное обстоятельство также должно учитываться законодателем при дифференциации уголовной ответственности за оскорбление. Поэтому предлагаем отразить его в виде особо квалифицирующего признака состава оскорбления, выделив ч. 3 ст. 130 УК РФ, учитывая его исключительно повышенную степень общественной опасности по сравнению с ранее упомянутыми квалифицирующими признаками оскорбления. При этом считаем, что термин «издевательство», несмотря на то, что он уже используется законодателем в ряде уголовно-правовых норм, не совсем удачен для конструирования вновь предлагаемого особо квалифицирующего признака в составе оскорбления.

Во-первых, понятие издеательства, как показано выше, является более широким по сравнению с понятием оскорбления. Издевательство представляет собой систематическое унижение чести и достоинства потерпевшего независимо от формы (циничной или подчеркнуто вежливой). В то же время оскорбление есть унижение чести и достоинства человека исключительно в неприличной форме.

Во-вторых, понятие «издевательство» является типичным оценочным уголовно-правовым понятием, как известно, создающим почву для чрезмерного субъективизма правоприменителя и не способствующим стабильности судебной практики. Поэтому в литературе высказывается обоснованное мнение о целесообразности замены подобных оценочных признаков в составах насильственных преступлений на более определенные (формализованные) понятия [6, с. 119]. Формализован-

ным критерием издеательства как особо жестокого способа оскорбления является систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

По той же причине трудно признать удачным предложение А.А. Арямова закрепить в ст. 130 УК РФ такой квалифицирующий признак, как тяжкое оскорбление, под которым следует понимать «вызывающее демонстративное подчеркивание физических недостатков человека, глумление и надругательство, характеризующееся исключительным цинизмом» [7, с. 108]. Несмотря на то, что законодатель использует термин «тяжкое оскорбление» в ст. 107 УК РФ, его исключительно оценочный характер свидетельствует скорее в пользу необходимости замены данного термина на более определенное понятие, нежели воспроизведения его в других уголовно-правовых нормах.

С учетом сказанного в ст. 130 УК РФ необходимо сконструировать часть третьей, в которой предусмотреть такой квалифицирующий признак оскорбления, как *«оскорбление, совершившееся систематически в отношении другого лица»*.

Общественно опасные последствия оскорбления могут не ограничиваться унижением человеческого достоинства потерпевшего, психологической основой которого является чувство обиды. Оскорбление, особенно в крайних, наиболее тяжких его формах, способно вызвать у потерпевшего такую резко отрицательную эмоциональную реакцию, как внезапно возникшее сильное душевное волнение (аффект). Это признает и сам законодатель, который в ст. 107 и ст. 113 УК РФ предусматривает в числе прочих факторов, провоцирующих аффект, тяжкое оскорбление.

Под аффектом понимается «стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии» [8, с. 11]. Однако аффект рассматривается законодателем только как привилегированный признак в некоторых составах преступлений (ст. 107 и ст. 113 УК РФ), а также как обстоятельство, смягчающее

наказание виновного, совершившего иное преступление в состоянии аффекта (ч. 1 ст. 61 УК РФ). Поэтому в литературе высказывается обоснованное мнение о том, что «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) должно быть криминализовано в качестве самостоятельного общественно опасного последствия преступлений, прежде всего насильственных, как обстоятельство, отягчающее наказание» [2, с. 454].

По данным Г.В. Назаренко, среди факторов, провоцирующих аффект, значительную долю (практически 1/3) занимает оскорбление. В частности, данный автор отмечает, что «возникновению аффекта в 65 % случаев способствовало причинение насилия, сопровождающееся угрозами физической расправы, в 28 % имели место тяжкие оскорбления, более половины из которых сочетались с применением насилия, в 7 % случаев нападавшие вели себя аморально, совершали циничные действия, сопровождали их нецензурными высказываниями и вели себя по отношению к лицу, совершившему преступление, издевательски» [9, с. 68].

Разделяя ранее высказанные в литературе аргументы в пользу того, что физиологический аффект как опаснейшее психическое последствие некоторых преступлений требует более строгой уголовной ответственности для лица, чьи противоправные действия повлекли наступление такого последствия у потерпевшего, предлагаем включить соответствующее обстоятельство в качестве особо квалифицирующего признака оскорбления в ч. 3 ст. 130 УК РФ – «оскорбление, вызвавшее у потерпевшего состояние сильного душевного волнения (аффекта)».

Анализируя объект оскорбления, мы пришли к выводу, что безопасность достоинства человека является основным непосредственным объектом оскорбления, тогда как безопасность чести человека является факультативным объектом данного преступления при условии, что унижительная отрицательная оценка потерпевшего становится «достоянием» не только его само-

го, но и адекватно воспринимается третьими лицами.

В тех случаях, когда оскорбление носит многообъектный характер, степень его общественной опасности повышается, что должно отражаться в виде квалифицированного состава преступления. Однако не любое публичное оскорбление, как многообъектное преступление, квалифицируется по ч. 2 ст. 130 УК РФ. Оскорбления, не связанные с публичным выступлением, но совершаемые в присутствии третьих лиц, а также оскорбления в публичных материалах, не являющихся по своей форме произведением (листовки, надписи в общественных местах и т.п.), несмотря на свою двуобъектную природу, остаются за рамками ч. 2 ст. 130 УК РФ.

Исходя из того, что публичное оскорбление является двуобъектным посягательством, нельзя отставлять без внимания его общественно опасное последствие, степень тяжести которого, как правило, увеличивается за счет большего эмоционального травмирования потерпевшего. Последний, при условии, что он оскорблен прилюдно, вынужден в связи с этим переживать более глубокие нравственные страдания, ибо в результате умалется не только его личная самооценка (достоинство), но и представления об оценке его со стороны окружающих (честь). Характерно, что такого рода удвоенное унижение (обида) как общественно опасный результат оскорбления может иметь место при совершении оскорбления потерпевшего в присутствии хотя бы одного третьего лица, осознающего характер и значение оскорбительных действий.

С учетом сказанного предлагаем: во-первых, исключить из ч. 2 ст. 130 УК РФ такой квалифицирующий признак, как «оскорбление, содержащееся в публичном выступлении», заменив его другим признаком – «оскорбление в присутствии другого лица»; во-вторых, реконструировать квалифицирующий признак «оскорбление, содержащееся в публично демонстрирующемся произведении», заменив его на «оскорбление в публично демонстрирующейся форме».

Итак, суммируя сделанные нами выводы, предлагаем законодательно закрепить новую модель квалифицированного и особо квалифицированного состава оскорбления. При этом желательно пользоваться единым юридико-техническим инструментарием описания квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, который реализован при описании большинства составов других насильственных преступлений (ст.ст. 105, 11, 112, 117 УК РФ и др.) – описание квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков по частям и пунктам:

«2. Оскорбление:

а) совершенное в присутствии другого лица;

б) в публично демонстрирующейся форме;

в) содержащееся в средствах массовой информации;

г) двух или более человек, – наказывается...

3. Оскорбление:

а) совершаемое систематически в отношении потерпевшего;

б) вызвавшее у потерпевшего состояние сильного душевного волнения (аффекта), –

наказывается ограничением свободы на срок до четырех лет либо лишением свободы на срок до трех лет».

Отметим также, что введение новых квалифицирующих признаков не противоречит выработанным в теории уголовного права правилам конструирования квалифицированных составов преступлений (типичность, нехарактерность для большинства случаев, обязательность перепада общественной опасности и др.) [10, с. 18-20].

Сформулированная санкция за особо квалифицированный состав оскорбления, по нашему мнению, адекватно отражает степень общественной опасности содеянного, характеризуя оскорбление, совершенное при данных отягчающих обстоятельствах, как преступление средней тяжести.

Для полноценного повышения эффективности уголовно-правового противодействия наиболее опасным формам

оскорбления видится целесообразным перевод уголовных дел об оскорблении при особо квалифицирующих признаках в разряд дел публичного обвинения. Для этого вслед за реформированием ст. 130 УК РФ необходимо произвести соответствующие изменения в ч. 2 ст. 20 УПК РФ (виды уголовного преследования).

1. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2002. 384 с.

2. Шарапов Р.Д. Преступное насилие: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 496 с.

3. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах: монография. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2001. 465 с.

4. Горшков М.М. Методика расследования истязаний: дис. ... канд. юрид. наук / Омская академия МВД России. Омск, 2003. 154 с.

5. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: монография. М., 1998. 135 с.

6. Пристанская О.В. Применение уголовно-правовых норм, направленных против жестокого обращения с несовершеннолетними // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 112-122.

7. Арямов А.А. Уголовно-правовая защита чести и достоинства: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. 144 с.

8. Ситковская О.Д. Аффект: криминально-психологическое исследование: монография. М.: Юрлитинформ, 2001. 240 с.

9. Назаренко Г.В. Невменяемость: Уголовно-релевантные психические состояния: монография. СПб.: Юрид. Центр Пресс, 2002. 207 с.

10. Козаченко И.Я., Костарева Т.А., Кругликов Л.Л. Преступления с квалифицированными составами и их уголовно-правовая оценка. Екатеринбург: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1994. 60 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ – ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

А.С. Кудрявицкий

(адъюнкт кафедры криминалистики и судебной экспертизы Тюменского юридического института МВД России; Alexandrnevskiy@ya.ru)

В целях повышения качества судебного следствия, в частности, обеспечения полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств преступления, необходимо постоянно совершенствовать методику судебного разбирательства, чтобы оно охватывало все закономерности деятельности субъектов, осуществляющих в соответствии с законом предварительное расследование и судебное разбирательство.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение, судебное производство, предварительное расследование, судебное разбирательство преступлений.

В результате развития российского уголовно-процессуального законодательства структурное построение уголовного судопроизводства приобрело новые качественные характеристики. Законодательно уголовный процесс был разделен на два основных этапа – досудебное и судебное производство, которые «представляют собой относительно самостоятельные фазы производства по уголовному делу» [1, с. 3]. При этом реализация положений судебной реформы в России существенно повышает роль суда, подчеркивается приоритет судебного производства над предварительным (досудебным этапом).

Правосудие является вершиной правоприменительной деятельности. Как следствие, высокая роль судебной деятельности обуславливает и повышение требований к содержанию и профессиональному уровню судебного разбирательства уголовных дел. Учитывая то, что судебное разбирательство уголовных дел занимает в системе правоохранительной деятельности важное место и является заключительным актом оценки результатов расследования и назначения наказания преступникам, оно требует высокопрофессиональной судебной деятельности. Последнее же немыслимо без широкого применения криминалистических средств и методов. «Повышение качества судебного следствия может осуществляться путем последовательного совершенствования судебной тактики, судебной методики рассмотрения различных категорий уголовных дел. Судья должен

постоянно использовать средства и методы криминалистики в организации судебного процесса, исследования доказательств» [2, с. 3].

С момента своего возникновения криминалистика развивалась как наука для предварительного следствия, основное предназначение которой заключалось в разработке рекомендаций, приемов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств.

Начиная с конца 50-х годов XX в. во многих источниках все чаще стали высказываться точки зрения о необходимости использования положений криминалистики при судебном разбирательстве [3, с. 45; 4, с. 7; 5, с. 29; 6, с. 26; 7, с. 138; 8, с. 76; 9, с. 12].

Авторы учебника «Криминалистика», изданного в 1959 году, определяя предмет науки криминалистики, писали: «советская криминалистика, как наука, призвана оказывать всемерную помощь органам суда, прокуратуры и милиции в улучшении качества расследования, играющего существенную роль в обеспечении успешной борьбы с преступностью» [10, с. 5], и что «все научные методы расследования применяются в советском уголовном процессе лишь с единственной целью оказания помощи следственным и судебным органам в осуществлении правосудия» [10, с. 6].

Идея о необходимости криминалистического обеспечения не только предварительного, но и судебного следствия была поддержана и другими учеными. В

частности, С.П. Митричев указывал, что «задача советской криминалистики как науки состоит в том, чтобы путем изучения и обобщения следственной, судебной, экспертной практики и активного использования данных естественных наук разрабатывать наиболее совершенные приемы и методы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Укрепление социалистической законности на предварительном и судебном следствии наряду с другими мероприятиями обеспечивается квалифицированным, объективным и всесторонним расследованием преступлений. Правильно проведенное следствие – залог законного, обоснованного и справедливого приговора. Внедрение в следственную практику научных методов расследования – дополнительная гарантия избежать необоснованного привлечения граждан к судебной ответственности» [11, с. 4-5].

Автор многих трудов по криминалистике Р.С. Белкин, исходя из определения предмета криминалистики, полагал: «Криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновении информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений» [12, с. 41]. Среди современных тенденций развития криминалистики он называет «разработку тактики судебного следствия, поскольку рекомендации криминалистики могут быть с успехом использованы судом для исследования и оценки имеющихся и собирания новых доказательств» [12, с. 75], при этом совершенно справедливо замечая, что «судебную криминалистику теперь уже никто отменить и закрыть не сможет» [13, с. 199].

И.А. Возгрин отмечает, что «данное уточнение расширяет ее предмет (т.е. криминалистической методики) и позволяет приступить в рамках криминалистики к изучению еще одного направления в организации и осуществлении следствия, а

именно судебного следствия отдельных видов преступлений» [14, с. 40].

Судебное разбирательство, являясь центральной частью уголовного судопроизводства, представляет собой сложную деятельность субъектов с противоположными социальными интересами. Участники судебного разбирательства, прежде всего обвинитель, потерпевший, подсудимый, защитник, преследуют свои цели. В обстановке гласности, непосредственности и иных условий судебного разбирательства процессуальное противоборство участников не только усложняет, но и способствует установлению подлинных обстоятельств события. Нельзя не согласиться с А.Ю. Корчагиным в том, что «судебное разбирательство как деятельность двойственно по своему проявлению. С одной стороны, оно представляет собой совокупность действий участников по реализации своих прав и обязанностей. С другой, это интеллектуальная деятельность и деятельность судьи (председательствующего) по приданию этой совокупности характера сочетания с целью разрешения уголовного дела. Судебное разбирательство направлено на удовлетворение общественной потребности – разрешение правового конфликта. Деятельность носит познавательный характер. Это практическое познание, осуществляемое в строго установленной процессуальной форме» [2, с. 16].

Познавательная деятельность в суде зависит от ряда факторов, оказывающих влияние на ее процесс и результаты. К ним прежде всего необходимо отнести:

- полноту изучения судьей материалов уголовного дела;
- всесторонность изучения материалов досудебного расследования;
- криминалистическую грамотность исследования судьями доказательств, их источников и связей между ними;
- внешние условия осуществления судьями познавательной деятельности;
- достаточность профессионально-психологического уровня судьи для судебного разбирательства данного уголовного дела;

– оптимальность использования судьей познавательной деятельности участников судебного разбирательства.

Процесс доказывания является основной частью познания в ходе судебного разбирательства, основанного на процессуальном законе и регламентированного им. Это уголовно-процессуальная и криминалистическая деятельность, направленная на достижение конечной цели судебного разбирательства – установление истины.

Помимо этого, необходимо выделить общие и частные цели судебного разбирательства. К общим целям судебного разбирательства относятся: разрешение уголовного дела; защита законных прав граждан, организаций; изобличение виновных; защита личности от незаконного обвинения, осуждения; правильное применение закона; назначение справедливого наказания. К частным целям относятся: установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и промежуточных фактов, подтверждающих эти обстоятельства.

Цели судебного разбирательства реализуются через совершение действий, которые можно подразделить на действия по проверке, получению и исследованию доказательств; действия по организации судебного разбирательства; действия по управлению судебным процессом [2, с. 17-18].

Не вдаваясь в дискуссию о понятии криминалистического обеспечения [15, с. 6-22] необходимо отметить, что подавляющее число авторов в систему криминалистического обеспечения включают: научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания, организацию расследования, тактику производства следственных действий, использование специальных знаний.

Применительно к судебному разбирательству структуру его криминалистического обеспечения можно представить в следующем виде: научно-практические рекомендации по оптимизации доказывания; организация судебного разбирательства; тактика судебного следствия; использование специальных знаний в судебном разбирательстве; методика формирования

промежуточных и окончательных решений по делу.

При этом доказывание в процессе судебного следствия является одной из основных составных частей криминалистического обеспечения. А.Ю. Корчагин в доказывании выделяет следующие основные структурные элементы: осознание судьей выявленной полноты досудебного исследования доказательств; выявление недостатков и упущений расследования и их оценку; анализ доводов защиты, противопоставленных материалам расследования; судебное исследование каждого в отдельности и всей совокупности доказательств; оценка результатов судебного разбирательства и формирование окончательных выводов. Научно-практические криминалистические рекомендации по оптимизации доказывания составляют основную часть методики судебного разбирательства [2, с. 17-18].

Криминалистическая методика судебного разбирательства должна учитывать особенности доказывания по различным видам и группам преступлений и вырабатывать научно-практические рекомендации по исследованию доказательств в суде. Таким образом, она должна быть основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел.

В работах, появившихся в последние годы, рассматриваются лишь отдельные аспекты криминалистического обеспечения судебного разбирательства [9; 16; 17; 18; 19; 20]. Интерпретация же выработанных в современном виде криминалистической рекомендаций для судебного разбирательства, применение их на практике, связаны с известными трудностями.

Суды, органы предварительного следствия и иные подразделения, призванные бороться с преступной деятельностью, в том числе и организованной, продолжают испытывать серьезные затруднения в налаживании эффективного раскрытия и расследования преступной деятельности и нуждаются в разработке, в первую очередь, надежного методико-криминалистического обеспечения их деятельности.

Это приобретает актуальность в связи с тем, что «современная преступность приобретает комплексный, «межотраслевой», высокоорганизованный и транснациональный характер. Кроме того, многие участники преступных формирований обладают особыми качествами преступников-профессионалов, хорошо знают оперативно-розыскную и следственную практику, умело противодействуют следователям и суду и умело уходят от уголовного наказания за содеянное. Таким образом, следственные подразделения и суд как никогда нуждаются в общих методиках, охватывающих разнородные преступления» [21, с. 215-216]. Однако обеспечивает ли данный раздел криминалистики эти потребности практики? Мы вынуждены констатировать, что нет.

В последние годы создается немало методических разработок. В то же время большая часть этих методик характеризуется сложностью поиска и выделения рекомендаций, их неконкретностью и сложностью восприятия. Нельзя не отметить и того, что крайне редко в методиках рассматриваются особенности противодействия предварительному и судебному следствию по делам определенной категории и пути его преодоления, типичные «версии защиты» (данная проблематика представлена в работах различных авторов [22; 23; 24]), криминалистические аспекты так называемого «компромисса с преступником», с использованием «делок о признании вины» [25] (глава 40 УПК РФ) и т.п. Данное суждение находит поддержку в работах других авторов [26, с. 50-51].

Расследуемая преступная деятельность, отраженная в исходной следственной ситуации, в следах-признаках преступной деятельности, является тем информационно-структурным развивающимся элементом, который познают под своим углом зрения, в пределах своих уголовно-процессуальных полномочий и стадий расследования орган дознания, следователь, судья (суд) в ходе осуществления практической деятельности (необходимость изучения преступной деятельности как самостоятельного вида человеческой деятельности

отметили 95,9 % опрошенных нами следователей, 93,7 % оперативных работников, 89,7 % судей). Важно заметить, что такое познание – не самоцель и не прерогатива одного правоохранительного органа. Изучение нельзя связывать с какой-либо одной стадией уголовного процесса, оно ведется всеми этими органами по восходящей линии, непрерывно и на всех стадиях уголовного процесса, сохраняя преемственность и информационную обеспеченность.

Одним из основных недостатков подавляющего числа существующих методик расследования является разрыв единой информационно-познавательной системы в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществляемой органом дознания, следователем и судьей (судом). В связи с тем, что движение уголовно значимой информации по уголовному делу, начиная с момента возникновения и заканчивая использованием ее в целях решения задач уголовного судопроизводства, прерывается, понять закономерности механизма преступления и механизма его расследования в складывающихся ситуациях без учета движения этой информации представляется сложным.

Таким образом, «сложность информационно-познавательных процессов и структур в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений диктует необходимость учитывать, что, с одной стороны, специфику познавательной, конструктивной и удостоверительной деятельности названных органов по раскрытию преступлений, а с другой стороны, то общее в ней, что обуславливается целостностью движения уголовно значимой информации и единством решаемых при этом стратегических задач следствия. Отсюда вытекают особенности криминалистических рекомендаций, разрабатываемых криминалистикой этим органам, вначале по выявлению признаков преступлений, и далее по установлению всех обстоятельств дела на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства» [27, с. 19].

Продолжая развивать проблемы формирования и становления структуры

частных методик, В.К. Гавло предложил следующее их решение: «В криминалистической методике расследования как целостной информационно-познавательной системе, объединяющей процесс познания закономерностей совершения отдельных видов и установления всех обстоятельств, связанных с ними в ходе предварительного и судебного следствия, необходимо исследовать в качестве составляющих три подсистемы» [28, с. 456].

Первая подсистема криминалистической методики расследования, согласно этой точке зрения, отражает закономерности механизмов и следов противозаконной деятельности субъекта по подготовке, совершению и сокрытию отдельных видов преступлений в различных криминальных ситуациях. Вторая подсистема криминалистической методики расследования – методики предварительного расследования – занимает место между событием преступления и принятым по нему на предварительном следствии уголовно-процессуальным решением (прекращение, приостановление, передача уголовного дела в суд). Третья подсистема криминалистической методики расследования – методика судебного следствия. Эта подсистема начинает функционирование с момента поступления уголовного дела в суд и до постановления приговора [29, с. 18]. Она представляет собой типовую подсистему криминалистических знаний об особенностях применения методики судебного разбирательства (следствия) по отдельным видам преступлений, которая является третьим базовым и завершающим компонентом в системе полноструктурной криминалистической методики расследования преступлений [29, с. 19]. Таким образом, криминалистическая методика судебного разбирательства должна являться частью полноструктурной методики расследования преступлений.

При этом криминалистическая методика судебного разбирательства должна быть основана на общих признаках, характеризующих определенную категорию дел. Деление уголовных дел, поступающих в суд, на определенные категории обоснова-

но рядом факторов: видом преступления, криминалистической сложностью расследования, характеристикой и содержанием основных доказательств по делу, количеством подсудимых и степенью противоречий между ними, количеством преступных эпизодов и их временной протяженностью, поведением обвиняемого на следствии и степенью его противодействия следователю. В сочетании указанные факторы определяют категорию уголовных дел. В категории уголовных дел, подлежащих рассмотрению в суде, выделяются сложность уголовного дела, социально-психологическая характеристика подсудимых и их поведение в период расследования, виды и содержание доказательств, методики их получения на следствии и характеристика доказывания.

На основе указанных элементов, особенностей доказывания на досудебном следствии формируется методика доказывания обстоятельств преступления в суде. Задача исследования судом уголовного дела определенной категории решается путем изучения указанных факторов, а также обстоятельств получения доказательств на следствии, их источников и носителей, степени исследования в ходе расследования и прогнозирования поведения подсудимого, потерпевшего, свидетелей и иных участников в суде. Все перечисленное в совокупности и является предметом методики судебного разбирательства [2, с. 29-33].

Однако до сих пор методике судебного разбирательства, и в частности судебного следствия, разрабатывали в основном специалисты в области уголовного процесса и практики. Но этого явно недостаточно. Во-первых, работ на эту тему было немного. Во-вторых, в них рассматривались главным образом процессуальные аспекты исследования доказательств в суде [19, 30, 31, 32, 33]. В то же время «обеспечение полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств преступления, а, следовательно, в значительной мере и правильного разрешения дела, зависит не только от точного исполнения судом и участниками судебного разбирательства процессуального закона (хотя это первей-

шее, необходимое, элементарное условие правосудия), но также и от целесообразного, умелого использования приемов и методов, разрабатываемых криминалисткой» [9, с. 9-10].

Таким образом, назрела необходимость в создании методик, охватывающих закономерности деятельности субъектов, осуществляющих в соответствии с законом не только предварительное расследование, но и судебное разбирательство преступлений.

1. Деришев Ю.В., Романовский М.Э., Волторнист О.А. Проблемы соотношения досудебного и судебного производства в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2009. 168 с.

2. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 44 с.

3. Ароцкер Л.Е. Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф., г. Одесса, 1976 г. М., 1976. 41-45 с.

4. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М.: Юрид. лит., 1964. 223 с.

5. Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. 240 с.

6. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / под ред. А.Н. Васильева. Томск, 1985. 194 с.

7. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Н.П. Яблокова. М.: БЕК, 1995. 708 с.

8. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина, М.: Норма, 1999. 990 с.

9. Корневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. М.: ЮрИнфоР, 2001. 198 с.

10. Криминалистика / под ред. С.А. Голунский. М.: Госюриздат, 1959. 511 с.

11. Криминалистика / под ред. С.П. Митричева, М.П. Шаламова. М.: Юрид. лит., 1963. 544 с.

12. Криминалистика: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинской. М.: Норма-Инфра, 2007. 944 с.

13. Белкин Р.С. История отечественной криминалистики. М.: Норма, 1999. 496 с.

14. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 474 с.

15. Аксенов Р.Г. Криминалистическое обеспечение расследования налоговых преступлений: монография. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2007. 172 с.

16. Гавло В.К., Воронин С.Э. Актуальные проблемы поисково-познавательной деятельности в суде. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2000. 42 с.

17. Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактика допроса на предварительном следствии и в суде. СПб.: Питер, 2001. 160 с.

18. Александров А.С., Гришин С.П. Перекрестный допрос в суде. М.: Юрлитинформ, 2007. 592 с.

19. Волторнист О.А. Досудебное и судебное производства: теоретико-функциональный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2008. 26 с.

20. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009. 53 с.

21. Мазунин Я.М. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений, совершаемых организованными преступными сообществами (организациями): дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2005. 504 с.

22. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: СЮИ, 1992. 388 с.

23. Стулин О.Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений: дис. канд. ... юрид. наук. СПб., 2000. 168 с.
24. Журавлев С.Ю. Тактика собственной безопасности. Н. Новгород: НЮИ МВД РФ, 1997. 31 с.
25. Гармаев Ю.П. «Сделки с правосудием» в тактике сторон защиты и обвинения // *Юридический мир*. 2003. № 6. С. 30-37.
26. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск: ИЮИ ГП РФ, 2003. 342 с.
27. Гавло В.К. Проблемы теории и практика криминалистической методики расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1988. 52 с.
28. Гавло В.К. Криминалистика / под ред. Л.Я. Драпкина, В.Н. Карагодина. М.: Проспект, 2004. 672 с.
29. Бойко Ю.Л., Гавло В.К. Особенности методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел. Барнаул: БЮИ МВД РФ, 2009. 45 с.
30. Перлов И.Д. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955. 248 с.
31. Настольная книга судьи: (Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / В.Б. Алексеев [и др.]; редкол. А.Ф. Горкин [и др.]. М.: Юрид. лит., 1972. 744 с.
32. Чеджемов Т.Б. Судебное следствие. М.: Юрид. лит., 1979. 96 с.
33. Зуев С.В. Уголовное судопроизводство по делам о преступлениях, совершаемых организованными преступными формированиями. М.: Юрлитинформ, 2008. 336 с.

Раздел 8. Подготовка кадров для правоохранительных органов и научная жизнь высшей школы

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ РАННЮЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ОРИЕНТАЦИЮ МОЛОДЕЖИ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, В СТРУКТУРЕ И СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛГОРОДСКОГО ОБЛАСТНОГО ЛИЦЕЯ МИЛИЦИИ ИМЕНИ ГЕРОЯ РОССИИ В.В. БУРЦЕВА)

А.Н. Александров

(старший преподаватель кафедры управления, административного права
и административной деятельности ОВД Белгородского юридического института
МВД России, кандидат юридических наук; alex.us31@mail.ru)

В статье рассматриваются предпосылки и этапы формирования системы профессионального образования Министерства внутренних дел Российской Федерации, в частности учреждений ранней профессиональной ориентации. Определяется роль и место общеобразовательных учреждений ведомственной направленности в подготовке кадров для органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: образование, профессиональная подготовка, кадровое обеспечение, школы-интернаты, лицеи милиции, кадровый корпус.

В системе органов внутренних дел качественной подготовке кадров всегда придавалось огромное значение. От их профессионализма, честности, смелости зависела успешность решения сложнейших задач по укреплению правопорядка и законности в стране.

Следует отметить, что необходимость профессиональной подготовки полицейских кадров в России возникла сразу же после введения Петром I в 1718 г. специальных «регулярных» полицейских органов. Однако, несмотря на двухвековой период функционирования полицейских органов и определенные усилия по организации профессиональной подготовки кадров, нормативно оформленной, централизованной, управляемой МВД и финансируемой из государственной казны законченной системы полицейского образования в монархической России так и не было создано [1].

Первые шаги в этом направлении стали предприниматься только в конце XIX – начале XX вв. посредством организации различных курсов и специальных школ по подготовке полицейских чинов нижнего и среднего звена. Но отсутствие качественной системы полицейского образования в

дореволюционный период в России было во многом компенсировано созданием мощной государственной системы военного образования, первоначальной ступенью которой являлась ранняя военная подготовка юношей в кадетских корпусах.

В начале XVIII века в России сложилась практика подготовки кадров для армии и флота в кадетских корпусах, в которых параллельно давалось общее и военное образование. В корпуса набирались дети 5–7 лет, где они обучались 13–15 лет до достижения 20-летнего возраста и выпускались офицерами. Содержание подготовки в кадетских корпусах того времени включало военно-профессиональное обучение и начальную военную подготовку, осуществлявшиеся по соответствующим учебным программам. Следует особо выделить труды генерал-поручика И.И. Бецкого, который по поручению императрицы Екатерины II в 1763 г. разработал и представил на высочайшее утверждение план школьной реформы «Генеральное учреждение о воспитании обоюбого пола юношества». В этом документе, как и в проекте Устава Шляхетского кадетского корпуса (1766 г.), И.И. Бецкой изложил довольно

прогрессивные для своего времени педагогические идеи [2, с. 87-88].

В 1805 г. Александр I утвердил «План военного воспитания», согласно которому было намечено открыть 10 военных училищ в Петербурге, Москве, Киеве, Смоленске, Воронеже, Твери, Ярославле, Нижнем Новгороде, Казани и Тобольске. Губернские военные училища должны были стать первыми военно-учебными заведениями, в которых общее образование было бы отделено от военно-профессионального. Впервые планировалось осуществлять начальную подготовку молодежи к военной службе.

В 1830 г. в соответствии с разработанными «Общими положениями и Уставом для военно-учебных заведений» военные образовательные учреждения России были унифицированы. Училища были переименованы в кадетские корпуса для малолетних. Были сформулированы основные правила приема и выпуска, внутреннее устройство учебных заведений, а также определены задачи физического, нравственного и интеллектуального развития кадетов. Таким образом, к середине XIX века в России сложилась система подготовки молодежи к военной службе, объединяющая 23 кадетских корпуса, которые подразделялись на 5 групп. В кадетских корпусах 1-й и 2-й группы осуществлялась подготовка подростков к поступлению в учебные заведения, готовившие офицеров. Следовательно, в истории подготовки молодежи к военной службе в России впервые выделяются самостоятельные учебные заведения, осуществлявшие подготовку молодежи к поступлению в военно-образовательные учреждения [3].

В 60-е гг. XIX столетия вместе с реформированием всех сфер государственной жизни начались военные реформы, разработанные военным министром России Д.А. Милютиным, которые привели к существенному изменению системы военного образования. Главное в новой военно-образовательной практике заключалось в отделении общеобразовательного курса от военно-специального, в результате этого все военно-учебные заведения были разби-

ты на 4 разряда: к 1-му разряду относились академии; ко 2-му – военно-учебные заведения, выпускавшие офицеров для всех родов войск; к 3-му разряду относились военные гимназии, образованные из общих классов кадетских корпусов, дававшие молодым людям общее образование и воспитание (основное назначение их состояло в подготовке юношей к поступлению в военные училища), и 4-й разряд составляли специальные военные школы.

Важное место в историографии исследуемой темы занимают работы известных русских военачальников и педагогов М.И. Драгомирова, П.О. Бобровского, М.С. Лалаева, с именами которых связана реорганизация кадетских корпусов в военные гимназии. Развивая тему военного обучения и воспитания молодежи, П.О. Бобровский, в частности, в своих трудах обращал внимание на практическую сторону обучения, возможность распространения иностранного опыта. Им раскрыты роль и место военного духовенства в просвещении и воспитании военнослужащих, развитии у них патриотического чувства [3].

В результате проведенных в 70-х гг. XIX века реформ окончательно сформировалась и была нормативно закреплена система подготовки молодежи к военной службе, представленная военными гимназиями и прогимназиями, как самостоятельная образовательная военно-педагогическая система. В этот период отмечаются существенные позитивные сдвиги в содержательном плане и в методике преподавания. К преподавательской деятельности привлекаются лучшие педагоги и воспитатели, для их подготовки в Санкт-Петербурге открываются военно-педагогические курсы.

Наибольшее же значение и развитие кадетские корпуса получили в начале прошлого столетия, когда в 1900 г. волею императора Николая II, во главе всех военно-учебных заведений Империи встал великий князь Константин Константинович, со званием их главного начальника, а с 1910 г. и до дня своей кончины в 1915 г. – главного инспектора. Приоритетным стремлением великого князя на посту главного на-

чальника военно-учебных заведений было уничтожение в кадетских корпусах казарменно-казенного духа и замена его заботливым и чисто отеческим воспитанием. Это привело к тому, что отношения между кадетами и офицерами-воспитателями в корне изменились, состав последних был заменен новым типом воспитателя по званию, заботливого и внимательного опекуна и руководителя [4].

Следует отметить, что государство гарантировало поступление сына погибшего офицера в кадетский корпус, военное училище и его бесплатное содержание на весь период обучения в данном учебном заведении. Накопленный опыт был востребован и в советский период, при создании суворовских военных училищ.

Важным фактором, повлиявшим на дальнейшую судьбу системы кадетских корпусов, стало изменение общественно-государственного строя России в октябре 1917 г. Начался новый, советский период развития довузовской системы подготовки молодежи к военной службе, продлившийся до 1991 года.

В связи с тем, что рабоче-крестьянская молодежь оказалась слабо подготовленной в общеобразовательном отношении для прохождения курса нормальной военной школы, особенно в национальных республиках и областях, возникла необходимость создания военно-подготовительных школ. По функциональной сути их вполне можно сопоставить с учебными заведениями дореволюционной России, в которых подростки готовились к поступлению в военные училища. Основной задачей этих школ была подготовка детей рабочих и крестьян с 15 лет, имеющих образование в объеме начальной школы-четырёхлетки, к поступлению в военные школы I степени. Соответствующим образом формировались их учебные программы, в которых помимо общеобразовательных дисциплин включались элементы военного дела, для этого отводилось до 20 % учебного времени. Учащиеся школ жили в общежитии и носили установленную военную форму. В 1926 г. существовало две таких школы:

Украинская – в Харькове и Закавказская – в Баку [5].

На основании закона «Об обязательной военной службе» решением Наркомпроса РСФСР от 19 сентября 1930 г. была введена военная подготовка школьников как организационная форма подготовки молодежи к военной службе. Ее содержание включало краткие сведения о структуре армии и флота, тактическую, стрелковую, физическую подготовку, воинские уставы, противохимическую, санитарную подготовку и военную топографию. Изменения коснулись также и форм подготовки молодежи к труду и обороне. Так, например, в школах с 1933/34 учебного года широко применялись массовые военные игры, смотры технического творчества, военно-спортивные состязания, а начиная с 1937 г. в стране активно работали разнообразные кружки, в т.ч. стрелковые, топографические, связи, военно-морского дела, авиамодельные, санитарные, гранатометчиков, штыкового боя, собаководства, военно-спортивные, парашютные и многие другие [5].

В связи с резким обострением международной обстановки, а также началом Второй мировой войны 1 сентября 1939 г. был принят Закон о всеобщей воинской обязанности. Законом вводилась начальная военная подготовка в 5–7-х классах средних школ и допризывная подготовка в 8–10-х классах, с объемом занятий 2 часа в неделю.

Наибольшего развития система военной подготовки молодежи достигла в 1943 г. Тогда постановлением СНК и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Великой Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших на фронтах войны, были созданы специальные военно-учебные заведения – суворовские и нахимовские военные училища, в которые принимались дети в возрасте 10–14 лет. В основу их деятельности был заложен опыт учебно-воспитательной работы императорских кадетских корпусов. Цель училищ состояла в

предоставлении детям возможности получить наряду с общим средним образованием военные и военно-технические знания, необходимые для дальнейшего обучения в средних и высших военно-учебных заведениях.

В 1943 году было открыто 9 суворовских военных училищ Красной Армии, а в 1944 году – еще 6. Для подготовки молодежи к службе на флоте были открыты 3 нахимовских училища. В 1953–1955-х гг. были открыты также Минское и Ленинградское суворовские военные училища.

Одновременно было принято постановление СНК от 4 сентября 1943 г. № 946 об открытии суворовских военных училищ войск НКВД в городах Кутаиси и Ташкенте. В этих училищах осуществлялась подготовка преимущественно сыновей генералов, офицеров и сотрудников войск и органов НКВД для дальнейшего поступления в военные училища и службы в этом ведомстве.

Создание суворовских училищ НКВД стало реальным воплощением в жизнь идеи создания специального учебного заведения, осуществляющего подготовку молодежи к военной службе в органах и войсках НКВД. Можно сделать вывод о том, что в стране продолжалась традиция формирования суворовских училищ по родам войск. Оба суворовских училища НКВД (МВД) были закрыты в 1960 году [6]. Тем не менее суворовские училища оправдали свое предназначение не только в годы войны, но и в последующие, послевоенные годы, дав возможность тысячам детей получить полноценное образование и помогая им в выборе профессии офицера.

В послевоенные годы Советское правительство продолжило уделять пристальное внимание ранней военной подготовке молодежи. В этот период подготовку юношей к военной службе осуществляли следующие специализированные учебные заведения: 7 суворовских военных училищ, нахимовское военно-морское училище и военно-музыкальное училище. В системе Минобразования СССР, с участием Минобороны и ДОСААФ СССР, активно работали 5 специальных школ-интернатов с

первоначальной летной подготовкой. Расширилась сеть специализированных классов средних общеобразовательных школ с военной направленностью [6].

Подготовке педагогических кадров для военных школ и училищ в советский период уделялось серьезное внимание. Для их подготовки и переподготовки создавались соответствующие курсы, усиливалась их практическая направленность. Однако следует отметить, что преподаватели непосредственно для суворовских военных училищ и других довузовских учебных заведений в этот период специально не готовились, что негативно сказалось на уровне содержания и методике обучения и воспитания молодежи.

Возрождение кадетских образовательных учреждений в современной России началось в 1991 году, когда было открыто Новочеркасское суворовское военное училище МВД. В 2002 году было открыто Санкт-Петербургское суворовское военное училище МВД, в 2008 году – Грозненское суворовское военное училище МВД, а в 2009 году – Читинское суворовское военное училище МВД. А в обозримом будущем три суворовских военных училища МВД России появятся на Юге России, в Поволжье и Забайкалье – соответствующее распоряжение подписал Председатель Правительства РФ В.В. Путин [7]. В настоящее время в России функционируют 12 суворовских военных училищ, из которых четыре – в системе МВД, восемь – Минобороны РФ.

В последние годы при совместном учредительстве МВД, ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления созданы 14 колледжей и 28 лицеев милиции, а также более 900 классов в общеобразовательных школах с углубленной юридической и физической подготовкой, в которых за счет средств органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации обучаются свыше 30 тыс. человек. К проведению занятий привлекаются преподаватели образовательных учреждений МВД России, специалисты отраслевых служб органов внутренних дел. Кроме того, образовательную

деятельность осуществляют 13 кадетских корпусов, содержащихся за счет средств субъектов Российской Федерации, в которых обучаются около 3 тыс. юношей [8].

Таким образом, со всей определенностью можно констатировать, что в начале третьего тысячелетия в России создается новый тип учебных учреждений, направленных на решение потребностей общества в XXI веке, то есть идет процесс выработки новой системы национального образования. И от правильного решения этой задачи будет в значительной мере зависеть будущее России.

Структура организации профессионального образования кадров в ОВД Российской Федерации представляет собой многофункциональную социальную систему и позволяет обобщить совокупность взаимодействующих образовательных учреждений различного типа и видов; преемственных учебно-программных документов для ведомственных образовательных учреждений и обучения личного состава ОВД в системе служебно-боевой подготовки, а также федерально-региональную систему управления профессиональной подготовкой кадров органов внутренних дел. При этом МВД России располагает сегодня одной из самых крупных и многопрофильных среди отраслевых министерств и ведомств страны системой профессионального образования. В настоящее время предприняты значительные шаги к ее оптимизации, освобождению от излишних структурных звеньев, созданию новых по содержанию видов образовательных учреждений – университетов, академий, институтов, суворовских военных училищ, колледжей и лицеев милиции.

В соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации № 118-РП от 9 апреля 1997 г. «О создании общеобразовательных учреждений – кадетских школ (кадетских школ-интернатов)» Постановлением главы администрации Белгородской области от 26 мая 1997 года № 251 «О создании областной кадетской школы» в городе Белгороде был создан областной лицей-интернат с целью осуществления образовательного процесса в соответствии

с уровнем общеобразовательных программ среднего (полного) общего образования и ранней профессиональной ориентации несовершеннолетних граждан мужского пола для службы в органах внутренних дел Российской Федерации [9].

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 ноября 1997 г. № 1427 «О создании общеобразовательных кадетских учреждений», учитывая предложение Управления внутренних дел Белгородской области, Постановлением главы администрации Белгородской области от 10 декабря 1998 г. № 636 «О передаче Белгородского областного лицея-интерната в ведение управления внутренних дел» Белгородский областной лицей-интернат управления образования администрации Белгородской области был передан в ведение управления внутренних дел Белгородской области и переименован в Белгородский областной лицей милиции [10].

В соответствии с данным постановлением главой администрации Белгородской области было поручено:

– управлению внутренних дел совместно с управлением образования администрации области, комитетом по управлению государственным имуществом области в установленном законом порядке привести учредительные документы Белгородского областного лицея милиции в соответствие с Постановлением Правительства РФ от 15 ноября 1997 г. № 1427, утвердившим Типовое положение о кадетской школе (кадетской школе-интернате);

– департаменту экономики и финансов правительства администрации области финансирование Белгородского областного лицея милиции осуществлять за счет средств областного бюджета;

– управлению образования администрации области оказывать Белгородскому областному лицейу милиции всестороннюю помощь в реализации общеобразовательной программы среднего (полного) общего образования;

– управлению внутренних дел Белгородской области согласовать с Министерством внутренних дел Российской Федера-

ции порядок зачисления на учебу лучших выпускников областного лицея милиции в Белгородский юридический институт МВД Российской Федерации;

– комитету по организационно-аналитической и кадровой работе администрации Белгородской области согласовать с руководством Белгородского государственного университета порядок зачисления на учебу лучших выпускников областного лицея милиции на юридический факультет и факультет физической культуры и спорта Белгородского государственного университета [10].

Постановлением главы администрации Белгородской области от 9 ноября 2000 г. № 694 «Об увековечении памяти Героя России Бурцева В.В.» в целях увековечения памяти погибшего 13 сентября 2000 г. при исполнении служебных обязанностей заместителя начальника Управления внутренних дел Белгородской области, полковника внутренней службы Бурцева Владимира Васильевича его имя было присвоено Белгородскому областному лицее милиции [11].

Государственное образовательное учреждение «Белгородский областной лицей милиции имени Героя России В.В. Бурцева» реализует общеобразовательные программы основного общего, среднего (полного) общего образования и дополнительные программы, предусматривающие раннюю профессиональную ориентацию юношей по профилю органов внутренних дел и внутренних войск МВД России.

Важнейшим локальным актом является Устав образовательного учреждения МВД России, разработка которого осуществляется на основе и в строгом соответствии не только с нормами ст. 13 Закона РФ «Об образовании» [12], но и рядом норм Закона РФ «О милиции» (ст.ст. 10-29) [13] и Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (ст.ст. 3-36, 49-54) [14], определяющих компетенцию, прохождение службы, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников милиции. В настоящее время принята новая редакция, разработанная в связи с приведением Устава в соответствие с пос-

ледними изменениями в действующем законодательстве.

Лицей милиции является некоммерческой организацией в форме государственного образовательного учреждения. Учредителем лицея милиции является Управление внутренних дел по Белгородской области. Лицей милиции приобретает право на ведение образовательной деятельности и на получение льгот, предусмотренных законодательством Российской Федерации, с момента выдачи ему лицензии.

Содержание воспитанников в лицее милиции осуществляется на основе государственного обеспечения с частичной платой родителей (законных представителей).

Структура лицея милиции, численность постоянного и переменного состава регламентируются локальными актами с учетом требований п. 31 Типового положения «Об общеобразовательной школе-интернате» [15].

Основными задачами лицея милиции являются:

– осуществление образовательной деятельности в области основного общего, среднего (полного) общего образования;

– создание благоприятных условий для разностороннего развития личности, в том числе путем удовлетворения потребностей воспитанников в самообразовании и получении дополнительного образования;

– формирование общей культуры личности воспитанников на основе усвоения обязательного минимума содержания общеобразовательных программ а также дополнительных программ, предусматривающих раннюю профессиональную ориентацию по профилю органов внутренних дел и внутренних войск МВД России;

– воспитание гражданственности и любви к Родине;

– охрана прав и интересов воспитанников;

– обеспечение охраны и укрепление здоровья воспитанников [16].

Организация обучения и воспитания в лицее милиции строится с учетом индивидуальных особенностей воспитан-

ников в соответствии с учебным планом, разрабатываемым самостоятельно лицеем милиции, и регламентируется расписанием занятий. Режим дня, обеспечивающий научно обоснованное сочетание обучения, труда и отдыха, составляется с учетом круглосуточного пребывания воспитанников в лицее милиции.

Лицей милиции реализует общеобразовательные программы основного общего и среднего (полного) общего образования, в том числе и обеспечивающие углубленную подготовку воспитанников по отдельным предметам. Образовательный процесс организован в соответствии с уровнем общеобразовательных программ двух ступеней образования: основное общее образование (срок освоения 1 год с момента поступления); среднее (полное) общее образование (срок освоения 2 года).

В соответствии с уставными целями и задачами лицей милиции осуществляет обучение по дополнительным образовательным программам, предусматривающим раннюю профессиональную ориентацию воспитанников по профилю органов внутренних дел, внутренних войск МВД, а также занятия с углубленным изучением предметов. Государственная (итоговая) аттестация выпускников лицея милиции осуществляется в соответствии с Положением о государственной (итоговой) аттестации выпускников общеобразовательных учреждений, утверждаемым Министерством образования Российской Федерации [17].

Выпускникам лицея милиции после прохождения государственной (итоговой) аттестации выдается документ государственного образца о соответствующем образовании, свидетельство об окончании изучения курса специальных дисциплин. Выпускники лицея милиции, достигшие особых успехов при освоении общеобразовательной программы среднего (полного) общего образования, награждаются золотой или серебряной медалью.

Участие воспитанников в различных формах трудовой деятельности основывается на принципе добровольности в соответствии со ст. 50 Закона Российской Федерации «Об образовании». Режим дня

лицея милиции регламентируется Правилами внутреннего распорядка и составляется с учетом круглосуточного пребывания воспитанников в расположении учебного заведения. Воспитанники лицея милиции могут привлекаться для выполнения обязанностей дневального по курсу, наведения порядка в учебных классах и других помещениях, благоустройства территории, закрепленной за лицеем милиции, в соответствии с требованиями ст. 50 Закона РФ «Об образовании» [12].

В лицей милиции на конкурсной основе принимаются юноши в возрасте 14 лет, успешно окончившие в год поступления 8 классов общеобразовательного учреждения, годные по состоянию здоровья к общению в лицее милиции, сдавшие вступительные экзамены по физической подготовке, русскому языку (письменно), истории России. Прием в лицей милиции несовершеннолетних граждан мужского пола производится, как правило, из числа жителей области по направлениям ОВД по муниципальным образованиям Белгородской области. Заявление о желании юноши поступить в лицей милиции подается родителями (законными представителями) на имя начальника ОВД по муниципальным образованиям Белгородской области.

Преимущественным правом при рассмотрении вопроса о зачислении пользуются:

- дети сотрудников МВД, погибших при исполнении служебных обязанностей;
- дети сотрудников МВД, проходящих службу в зонах боевых действий и вооруженных конфликтов;
- дети из многодетных семей;
- дети, воспитывающиеся без матери;
- дети-сироты;
- дети одиноких матерей [16].

За содержание воспитанников с родителей (лиц, их заменяющих) взимается ежемесячная плата в размере до 25 % от средств, затраченных на содержание воспитанников в лицее милиции. Размер родительской платы за содержание воспитанников устанавливается приказом начальника лицея милиции на основании

Положения о родительской плате, утвержденные приказом по лицу милиции. Данный локальный акт также закрепляет льготы по родительской оплате определенным категориям семей при предоставлении ими необходимых документов.

Освобождаются от родительской платы родители (законные представители), дети которых относятся к следующим категориям:

- дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, находящиеся на полном государственном обеспечении;
- дети погибших сотрудников МВД;
- дети из семей с 5 и более детьми;
- дети сотрудников лица [16].

Участниками образовательного процесса в лице милиции являются воспитанники, командиры (начальники), педагогические работники, родители (законные представители), медицинские работники. Порядок комплектования лица милиции педагогическими и другими работниками регламентируется Уставом лица милиции, а также действующим трудовым законодательством РФ.

На педагогическую работу принимаются лица, имеющие необходимую профессионально-педагогическую квалификацию, соответствующую требованиям квалификационной характеристики по должности и полученной специальности, подтвержденную документами об образовании. К педагогической деятельности в образовательных учреждениях не допускаются лица, которым она запрещена приговором суда или по медицинским показаниям, а также лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации. Перечень соответствующих медицинских противопоказаний устанавливается Правительством Российской Федерации [15].

Управление лицем милиции осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и Уставом лица милиции и строится на принципах единоначалия и самоуправления.

К исключительной компетенции Учредителя относятся:

- утверждение Устава лица милиции, изменений и дополнений к нему;
- контроль над деятельностью лица милиции в части, предусмотренной законодательством и настоящим уставом;
- внесение изменений в штатное расписание и структуру лица.

Формами самоуправления лица милиции являются: совет лица, общее собрание, педагогический совет, совет воспитанников; попечительский совет. Непосредственное управление лицем милиции осуществляет начальник, назначаемый на должность и освобождаемый от нее Учредителем. Начальник действует на основе единоначалия, решает все вопросы деятельности лица милиции, не входящие в компетенцию Учредителя, а также органов самоуправления лица милиции.

Анализ административно-правового положения Белгородского областного лица милиции имени Героя России В.В. Бурцева в системе образовательных учреждений МВД РФ показывает, что лица милиции, наряду с другими кадетскими учреждениями в системе МВД, представляют собой первичную ступень в единой многофункциональной, многоуровневой системе непрерывной профессиональной подготовки кадров для органов внутренних дел. В частности, деятельность лицев милиции ориентирована на целевой заказ государства обеспечить профессиональную ориентацию молодежи на службу в ОВД, позволяющую осуществить сознательную готовность молодых людей связать свою жизнь с правоохранительной деятельностью, достичь положительных успехов в решении задачи профилактики подростковой преступности и сформировать у подрастающего поколения позитивный образ сотрудника органов внутренних дел.

В Концепции совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации была определена главная цель образовательной политики МВД России – создание и развитие целостной системы профессиональной подготовки, обеспечи-

вающей потребности органов внутренних дел в кадрах, включающей все подсистемы и этапы обучения: раннюю профессиональную ориентацию, специальное первоначальное обучение, среднее и высшее, дополнительное, послевузовское профессиональное образование во всех основных аспектах: содержательном, организационном, управленческом, финансовом, материально-техническом.

С этой целью предусматривается создание резервов комплектования органов внутренних дел за счет увеличения в каждом крупном регионе количества обучающихся в милицеевских лицеях и колледжах, кадетских корпусах, в классах с углубленной юридической и физической подготовкой в общеобразовательных школах и, главное, численности курсантов и слушателей всех уровней: первоначального, среднего и высшего, а также контингента обучаемых по программам дополнительного профессионального образования. Данный резерв планируется создать поэтапно, без возрастания бюджетного финансирования, путем пересмотра нормативов расчетной учебной нагрузки персонала, расширения штатной численности вольнонаемных преподавателей и привлечения средств из региональных и муниципальных бюджетов [8].

Следует особо отметить, что подготовка кадров в ОВД интегрируется в единую общероссийскую систему профессиональной подготовки кадров как специфическая составляющая и преследует цели кадрового обеспечения органов внутренних дел. Будучи сложной социальной системой, она должна постоянно, прогнозируемо изменяться с тем, чтобы четко выполнить заказ общества по непрерывному воспроизводству необходимого количества специалистов с требуемым набором квалификационных характеристик.

Рассматривая вопрос значения первоначальной подготовки кадров для органов внутренних дел в структуре профессиональной подготовки сотрудников МВД и конкретную роль в реализации данного направления Белгородского областного лицея милиции имени Героя России В.В. Бурцева, необходимо отметить, что

лицей как новый вид общеобразовательных учреждений появились в нашей стране не так давно – порядка 20 лет назад, и были ориентированы на углубленное обучение школьников по избираемым ими образовательным областям с целью дальнейшего обучения в вузе. Этому процессу способствовал Закон Российской Федерации 1992 г. «Об образовании», закрепивший вариативность и многообразие типов и видов образовательных учреждений и образовательных программ [12]. В этот период в России началось возрождение кадетских образовательных учреждений, появился новый вид образовательных учреждений – лицей милиции, учредителями которых стали управления внутренних дел субъектов Российской Федерации.

При разработке модели лицея милиции учитывались опыт и традиции суворовских военных училищ МВД России, направленных на подготовку высококультурных граждан, пригодных для служения на всех поприщах государственной и общественной жизни, но прежде всего – для охраны правопорядка и законности в стране. Для этого в образовательную программу лицея милиции наряду с общеобразовательными предметами, обеспечивающими общекультурное развитие учащихся, был включен милицкий профильный компонент, представляющий собой изучение правовых дисциплин, основ военной и милицеевской службы, углубленную физическую подготовку (основы рукопашного боя, дзюдо, стрельба), служебную, строевую и тактическую подготовку, программу военно-патриотического, нравственного и духовного воспитания.

Высокий уровень общеобразовательной подготовки, приобретенный за несколько лет профилированного обучения в лицее милиции, позволяет выпускникам, поступившим в высшие учебные заведения МВД России, с первого курса уверенно осваивать все дисциплины учебного плана вуза, показывать пример в учебе, приобретая тем самым авторитет у курсантов, что немаловажно.

Лицей милиции стремятся создать уникальную модель общеобразователь-

ного учреждения, разрабатывают новое содержание образования и новые технологии обучения, восполняют необходимость мужского воспитания и обучения, целенаправленно занимаются военно-патриотическим воспитанием, создают оптимальные условия для раскрытия и развития индивидуальных особенностей каждого обучающегося, формируют основы для подготовки несовершеннолетних граждан к служению Отечеству на поприще охраны правопорядка и законности, осуществляют милицейскую профилизацию общего образования в старшей школе.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в деятельности системы профессиональной подготовки кадров МВД роль общеобразовательных ведомственных учреждений, осуществляющих раннюю профессиональную ориентацию молодежи на службу в ОВД, и конкретно – лицеев милиции, в реализации основных направлений Концепции совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации представляется значительной, и от качественного и своевременного решения правовых и организационных вопросов развития данного направления во многом будут зависеть ожидаемые результаты реализации Концепции.

1. Кобозев А.А. Формирование и развитие системы профессиональной подготовки кадров полиции и милиции России // Новые методики подготовки кадров полиции/милиции: материалы междунар. семинара (24–25 января 2006 г.). М.: Моск. ун-т МВД России, Щит–М, 2006.

2. Российская педагогическая энциклопедия: в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 87–88.

3. Кириллов В.В., Черняков В.В. История создания и развития кадетских корпусов в России. ВМИИ, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscadet.ru/backcomm/chernakov.htm> (дата обращения: 17.01.2010).

4. Сайт Центрального музея Вооруженных сил России. URL: http://www.armymuseum.ru/kad_r.html (дата обращения: 11.01.2010).

5. Иовлев А., Черомных А. Развитие военно-учебных заведений в предвоенный период (1937–1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 1982. № 8. С. 73–75.

6. Толокольников Г.П. Суворовские, Нахимовские... URL: http://www.kadet.ru/lichno/Tolok/Suv_nah/Vkl/Vkl.htm (дата обращения: 11.01.2010).

7. INTERFAX.RU Москва. 8 авг. 2009 г. URL: <http://www.interfax-russia.ru/> (дата обращения: 17.01.2010).

8. Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации: приложение № 2 к приказу МВД России от 6 нояб. 2003 г. № 829 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О создании областной кадетской школы [Электронный ресурс]: постановление главы администрации Белгородской области от 26 мая 1997 г. № 251 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О передаче Белгородского областного лицея-интерната в ведение управления внутренних дел [Электронный ресурс]: постановление главы администрации Белгородской области от 10 дек. 1998 г. № 636. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об увековечении памяти Героя России Бурцева В.В. [Электронный ресурс]: постановление главы администрации Белгородской области от 9 нояб. 2000 г. № 694. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об образовании [Электронный ресурс]: закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1: ред. от 10.11.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О милиции [Электронный ресурс]: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 (ред. от 25.11.2009) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Положение о службе в органах внутренних дел РФ [Электронный ресурс]: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 23 дек. 1992 г. № 4202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Типовое положение об общеобразовательной школе-интернате [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 26 июня 1995 г. № 612. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

16. Устав ГОУ Белгородского областного лицея милиции имени Героя России В.В. Бурцева: Приказ УВД по Белгородс-

кой области от 24 авг. 2009 г. № 249 (официально документ опубликован не был).

17. Об утверждении Положения о государственной (итоговой) аттестации выпускников IX и XI (XII) классов общеобразовательных учреждений Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минобразования РФ от 3 дек. 1999 г. № 1075. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Раздел 9. Обзоры, рецензии, критика

ОТЗЫВ О ДИССЕРТАЦИИ Д.С. ДЯДЬКИНА
«ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ НАЗНАЧЕНИЯ
УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ»¹

А.В. Шеслер

(начальник кафедры уголовного права Тюменского юридического института
МВД России, доктор юридических наук, профессор; 8 (3452) 59-84-71)

В отзыве подтверждается актуальность темы анализируемого диссертационного исследования и его значимость для научного разрешения проблемы оптимального соотношения между судебским усмотрением и формализацией назначения наказания. Подчеркивается логичность структуры работы, высокий качественный уровень содержания. В порядке научной полемики высказываются возражения по поводу некоторых положений, содержащихся в тексте диссертации.

Ключевые слова: уголовное наказание, назначение уголовного наказания, судебское усмотрение, формализация назначения наказания.

¹ Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2009. 549 с.

Актуальность темы диссертационного исследования сомнений не вызывает. Социальная практика, современные отечественные и зарубежные научные исследования свидетельствуют о том, что предупреждение преступности, основу которого составляет карательное воздействие на преступников, в значительной мере утрачивает свою эффективность. Представляется, что причина состоит не только в свойствах самого наказания, но и в несовершенстве механизма его назначения. Во многом это связано с тем, что законодатель до сих пор не удается найти оптимального соотношения между судебским усмотрением и формализацией назначения наказания: максимальная формализация наказания ограничивает возможность его индивидуализации, минимальная формализация наказания, расширяющая пределы судебного усмотрения, порождает судебский произвол. Диссертационное исследование Д.С. Дядькина в значительной мере способствует научному разрешению проблемы оптимального соотношения между судебским усмотрением и формализацией назначения наказания.

Логичной представляется структура работы, которая состоит из введения, двух разделов, пяти глав, объединяющих пят-

надцать параграфов, заключения, библиографии и приложений. В соответствии с устоявшейся в науке схемой во введении соискатель обосновывает актуальность темы исследования, показывает степень ее разработанности, определяет цели, задачи, объект, предмет, методологическую базу, методы, теоретическую основу и эмпирическую базу исследования, обосновывает его научную новизну, формулирует положения, выносимые на защиту, указывает на теоретическую и практическую значимость исследования, приводит данные об апробации результатов исследования, их внедрении в судебно-следственную практику Ханты-Мансийского автономного округа и учебный процесс Тюменского юридического института МВД России, Югорского государственного университета, Сургутского государственного университета ХМАО – Югры.

Первый раздел диссертации посвящен теоретическому обоснованию нормативного подхода к назначению наказания, сущность которого заключается в установлении нормативов по всем элементам системы назначения наказания. Использование системного метода анализа назначения наказания позволяет рассматривать его как целостное образование, диалектически

сочетающее в себе как судебское усмотрение, воплощающее познание и оценку судом обстоятельств дела, определяющих общественную опасность преступления и личности виновного, так и формализацию назначения наказания, определяющую стандарт этой оценки. С этих позиций соискатель рассматривает современное состояние проблемы формализации правил назначения наказания в науке и практике уголовного права. В работе делается вывод о том, что формализацию назначения наказания необходимо дифференцировать на двух уровнях, а именно: законодательном, на котором субъектом правотворчества закрепляется формализация назначения наказания, и правоприменительном, на котором оценка обстоятельств, влияющих на назначение наказания, осуществляется с помощью математических технологий.

Подвергая критическому анализу легальное определение наказания, соискатель предлагает его авторское определение, а также понятие назначения наказания. Констатируя кризис наказания, соискатель считает, что нужна новая система воздействия на преступность, которая включала бы систему наказания, представляющую средство возмездия за совершенное преступление, и систему мер социальной защиты, представляющую совокупность средств, позволяющих достигать исправление осужденного и обеспечивающих предупреждение совершения новых преступлений.

Представление о правилах назначения наказания как алгоритме приводит соискателя к выводу о необходимости формулирования понятия уголовно-правового алгоритма назначения наказания. Под этим алгоритмом в работе понимаются способ и правила действий субъекта, назначающего наказание, определяющие процесс достижения искомого результата – меры наказания, соответствующего исходным данным – преступному поведению виновного.

Для процесса назначения наказания соискатель считает необходимой классификацию видов наказания, основанную на двухмерной модели, дифференцирующей все наказания одновременно на два вида, в основе которых лежит карательная сущ-

ность наказания (наказания, не связанные с помещением осужденных в специальные учреждения, и наказания, связанные с помещением осужденных в специальные учреждения), и две разновидности, в основе которых лежит специфика правил назначения наказания (общие и особые). Диссертант полагает, что применительно к процедуре назначения наказания важна не его исключительно суровая карательная сущность, а установленный законом особый порядок его применения, предполагающий разработку особых правил его назначения. Автором предложены механизмы установления соотношения между наказаниями и решение проблемы взаимоисключающих пропорций наказания, предусмотренных различными нормами УК РФ. Используя традиционные этапы назначения наказания, соискатель предлагает общий его алгоритм, включающий получение исходных данных, действия по применению общих правил назначения наказания, действия по применению специальных правил назначения наказания, решение о выборе окончательной меры наказания, оформление и использование принятого решения.

Содержательный анализ первого раздела в целом позволяет сделать вывод о том, что примененная соискателем методология исследования проблем назначения наказания представлена нормативным подходом, системным подходом, алгоритмическим подходом, юрисометрикой.

Во втором разделе рассматриваются общие и специальные правила назначения наказания на основе предложенного диссертантом нормативного подхода. Раскрывая правила назначения наказания с учетом общественной опасности деяния, соискатель рассматривает различные точки зрения на измерение этой общественной опасности. Правильным является вывод соискателя о том, что, несмотря на абстрактность определения общественной опасности деяния, наиболее объективным будет ее измерение, основанное на социальном содержании совершенных преступлений. Измерение этой категории, как полагает соискатель, на основе экспертных оценок или санкций за преступление, уста-

новлению которых также предшествуют экспертные оценки, несовершенно в силу высокой степени субъективизма. Судебная практика на современном этапе свидетельствует об этом со всей очевидностью: либерализация карательной политики, выражающейся в тяготении назначенных наказаний к минимуму, не соответствует негативным тенденциям преступности и слабеющему антикриминогенному потенциалу общества. Констатируя, что придание общественной опасности числового значения неминуемо повлечет ее субъективную оценку, соискатель вместе с тем предлагает модель оценки этой опасности, основанную на цифровом (балльном) значении различных аспектов общественной опасности деяния.

Раскрывая правила назначения наказания с учетом личности виновного, диссертант в качестве основной характеристики, определяющей общественную опасность такой личности, выделяет направленность ее деятельности – ценностно-ориентационную систему. Для определения влияния направленности личности на степень ее общественной опасности соискатель предлагает авторскую методику экспертных оценок, предполагающую установление категории опасности личности (минимальной, небольшой, средней и т.д.).

Рассматривая правила назначения наказания с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, диссертант правильно отмечает, что они непосредственно не относятся к признакам личности виновного или признакам состава преступления, однако влияют на их общественную опасность. В работе предлагается законодательное закрепление отдельно в разных частях соответствующих статей УК РФ обстоятельств, влияющих на общественную опасность преступления и личности виновного. Соискатель делает вывод о том, что эти обстоятельства должны учитываться в обязательном порядке, и предлагает методику оценки их влияния на наказание при их одновременном наличии. Интерес для научной полемики представляет предложение соискателя об исключении из общих начал назначения наказания

требования о влиянии назначенного наказания на исправление осужденного, т.к. оно дублирует одну из целей наказания, а также требования о влиянии наказания на условия жизни семьи осужденного, которое необходимо обосновать в законе как отдельное смягчающее обстоятельство.

Наряду с общими правилами назначения наказания в работе анализируются специальные правила назначения наказания, которые соискатель разделяет на материальные (минимизирующие и максимизирующие меру наказания) и процедурные (определяющие исчисление сроков наказания, сроки наказания при сложении наказаний, зачет наказания, замену наказания). Такая классификация позволяет диссертанту выявить недостатки действующего уголовного законодательства о назначении наказания.

Исходя из произведенного анализа теоретических положений назначения наказания, норм уголовного закона о назначении наказания, практики их применения, диссертант вносит соответствующие предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства и практики его применения, ориентированные на использование оценочных таблиц, позволяющих соотнести меру уголовного наказания со степенью общественной опасности преступления и личности виновного.

В заключении сделаны основные выводы исследования и внесены предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства о назначении наказания. В приложениях к исследованию основную ценность представляют проекты норм УК РФ о назначении наказания, а также юрисометрическая экспертная модель назначения уголовного наказания.

К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую разработанные теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение, следует отнести:

– рассмотрение назначения наказания как социально-правовой системы, в

целостности своей сочетающей судейское усмотрение в выборе наказания и формализацию процесса его назначения;

– разработку авторской концепции назначения уголовного наказания, основу которой составляет его формализация на двух уровнях, а именно: законодательном, на котором субъектом правотворчества закрепляется формализация назначения наказания, и правоприменительном, на котором оценка обстоятельств, влияющих на назначение наказания, осуществляется с помощью математических технологий;

– обоснование уголовно-правового алгоритма назначения наказания;

– создание авторской модели назначения наказания, основанной на соизмерении с помощью баллов опасности преступления, лица, его совершившего, и строгости наказания;

– развитие применительно к теме исследования формирующейся прикладной отрасли научных знаний – юрисометрики, позволяющей проверить состоятельность уголовно-правовых теорий на эмпирическом материале методами экспертных оценок, моделированием и математико-статистическим анализом;

– предложения по совершенствованию конкретных уголовно-правовых норм, касающихся формализации назначения наказания, и по совершенствованию формализации практики их применения.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о завершеном и самостоятельном научном исследовании. Вместе с тем в порядке научной полемики выскажем свои возражения по поводу ряда положений, содержащихся в тексте диссертации.

1. Вызывает возражение суждение соискателя о том, что наказание должно представлять собой средство возмездия за совершенное преступление, а меры социальной защиты – меру исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (с. 77-78). Такой подход отрицает исправительное воздействие уголовного наказания на осужденного и соответственно возможность достижения наказанием цели частного и общего предупреждения, превращает наказание в са-

моцель. Возникает вопрос о том, для чего в таком случае наказание должно быть справедливым, для чего необходимо учитывать при его назначении общественную опасность личности виновного? Кроме того, меры социальной защиты своим основанием имеют не только преступление, но и общую опасность личности виновного, поскольку назначаются не за совершенное преступление, а в связи с ним. Мало того, эти меры применяются не только к лицам, совершившим преступления, но и к лицам, совершившим иные опасные для общества деяния (ст. 97 УК РФ). Их направленность состоит в нейтрализации состояния опасности этих лиц и в исключении вытекающей из этой опасности возможности данных лиц совершать опасные для общества деяния. Исправление не может быть целью применения этих мер, т.к. оно предполагает воздействие на сознание и волю виновного, формирование у него установки на правомерное поведение через чувство страха перед карой или через формирование позитивного правосознания. Не случайно законодатель в качестве первой цели применения принудительных мер медицинского характера назвал лечение лиц, указанных в ч. 1 ст. 97 УК РФ, или улучшение их психического состояния. Очевидно, соискатель имел в виду, что воздействие на преступников не может ограничиться только наказанием и иными мерами уголовно-правового характера. Наибольший профилактический эффект (особенно в условиях укрепления антикриминогенного потенциала общества) дают меры общесоциального и криминологического воздействия на личность, т.к. они связаны с позитивным изменением ее образа жизни, оказанием ей помощи в сложной жизненной ситуации, оздоровлением окружающей ее микросреды, оказанием воспитательного воздействия на нее.

2. Объектом критики является развиваемый соискателем подход к компенсаторной системе уголовного наказания (с. 93-97). Такой подход представляет теоретическое обоснование опасной тенденции расширения частного интереса в уголовном праве, которое представляет собой

ярко выраженную публичную отрасль права. Частный интерес может влиять на определенные характеристики объекта уголовно-правовой охраны, но не на свойства наказания. Вместе с тем в ч. 2 ст. 88 УК РФ содержится положение о том, что штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Это означает не что иное, как проникновение в уголовное законодательство гражданско-правового института субсидиарной ответственности, являющейся, по своей сути, восстановительной, компенсационной мерой. Такое «инородное тело» в уголовном законе отнимает у штрафа карательную (наказательную) сущность, т.к. штраф применяется не к лицу, совершившему преступление, и не за совершенное преступление. Вместе с тем наказание не может выполнять восстановительную роль. В силу своей карательной сущности наказание материально, физически или статусно ничего и никому не может компенсировать и восстановить, оно может только лишить или ограничить личность в каких-то социальных благах, утверждая тем самым справедливость нормативно-правовых требований и удовлетворяя карательные притязания населения. Только в этом смысле следует понимать восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания. Попытки придать наказанию черты мер гражданско-правовой ответственности выхолащивают его сущность, изменяют его юридическую природу.

3. Нельзя поддержать предложение соискателя о закреплении алгоритмической модели наказания в уголовном законе (с. 441). Наши возражения основываются, во-первых, на том, что правила, составляющие этот алгоритм, по своей сути, не могут быть материальными нормами. Во-вторых, в реальности строгая последовательность действий, составляющих предложенный соискателем алгоритм, не всегда возможна. Установление обстоятельств, влияющих на общественную опасность преступления и личности виновного, а также их оценка могут осуществляться последовательно,

одновременно или параллельно. Таким образом, если алгоритм, закрепленный в уголовном законе, нарушен, то отменяется приговор суда по такому основанию, как неправильное применение уголовного закона (ст. 369 УПК РФ). На наш взгляд, фактический алгоритм назначения наказания не должен и не может регулироваться уголовным законом. Научно разработанный алгоритм может служить определенной моделью деятельности по назначению наказания, помогающий оптимизации последней.

4. Вряд ли позитивно скажется на практике назначения наказания использование предложенных соискателем таблиц оценки общественной опасности преступления и личности виновного (с. 458-478). Во-первых, оценка этих явлений должна быть качественной, характеризующей их социальную значимость. Суть методики соискателя сводится к приданию общественной опасности числового (балльного) значения. Это неминуемо повлечет ее субъективную оценку, необоснованно расширит судебское усмотрение, а в условиях зараженности нашего общества коррупцией повлечет судебский произвол. Во-вторых, использование этих таблиц осложнит работу судов в целом, даже в тех случаях, когда выбор меры наказания не представляет особых проблем. В-третьих, такая методика не дает возможности смягчить наказание лицам, оказывающим содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе. Легальный учет такого содействия и отражение его в приговоре суда создаст угрозу жизни этим лицам со стороны преступной среды. Более приемлемой, на наш взгляд, является методика оценки общественной опасности преступления и личности виновного, основанная на их качественной оценке и установлении примерных ориентиров их влияния на меру наказания.

5. Неверным, на наш взгляд, является предложение соискателя о том, что квалифицирующие (привилегированные) признаки следует устанавливать не для каждого состава преступления отдельно, а применительно к каждой отдельной гла-

ве или группе глав (разделу) Особенной части УК РФ, указав степень их влияния на наказание (с. 151). Дело в том, что каждое из обстоятельств по-разному влияет на увеличение или снижение общественной опасности конкретного вида деяния, а поэтому может и не признаваться законодателем в качестве квалифицирующего (привилегированного) признака состава преступления. Например, совершение разбоя группой лиц (соисполнительство) в существенной степени повышает результативность преступления. Это обусловлено тем, что соединение усилий соисполнителей приводит к умалению способностей потерпевшего защитить свое имущество, телесную или психическую неприкосновенность в результате особого восприятия им посягательства как более опасного и в результате более эффективного преодоления его сопротивления непосредственным согласованным воздействием нескольких лиц. В случае совершения соисполнителями кражи происходит незначительное снижение защитных возможностей потерпевшего, т.к. нет такого существенного признака, повышающего результативность соисполнительства, как преодоление насилем сопротивления потерпевшего. Между тем эффективность соисполнительства при совершении кражи значительно возрастает в результате усиления интенсивности взаимодействия между соучастниками, которая возникает при наличии особого способа согласования усилий соучастников – предварительного сговора на совершение преступления между ними. Законодателю сле-

довало бы учесть эту разницу и закрепить групповой разбой без предварительного сговора в качестве квалифицирующего признака, а с предварительным сговором – в качестве особо квалифицирующего.

Однако высказанные замечания не снижают значимости проделанной диссертантом работы. Диссертация Д.С. Дядькина, внесшая значительный вклад в решение проблемы оптимального соотношения между судебским усмотрением и формализацией назначения наказания, представляет собой актуальное самостоятельное научное исследование, которое имеет завершённый вид, основано на достаточной эмпирической базе, содержащиеся в нем выводы и предложения обладают существенной научной новизной, практической значимостью и являются крупным научным достижением. Основные научные результаты отражены соискателем в 64 научных работах, 18 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, включенных в соответствующий перечень ВАК России. В целом, судя по содержанию диссертации, она соответствует требованиям Положения «О порядке присуждения ученых степеней». На основании изложенного полагаю, что автор диссертации «Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания» – Дядькин Дмитрий Сергеевич – заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.08 (уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право).

Summary

1. Methodology, theory and history of state and law regulation

Chislov A.I., Karnaukhova E.V. To the question on codification of the local statutory acts

The article contains the description of codification as a kind of systematization of the local statutory acts. The possibility of codification at the local level is considered. It is emphasized that the determinants for the classification of local statutory acts as the acts of codification are the quality of the work on codification and accordance of the acts to such requirements as an internal coordination of the rules of law contained in it and the regulation of the most significant intra-organizational relations.

Keywords: codification, systematization, local statutory act, act of codification.

Cherepanova O.S. To the question on correlation of personal and state interests

The article deals with the correlation of personal and public interests. Scientists' opinions on their dialectical unity and contradiction and the essence of the concept «balance of interests» are analyzed. A conclusion about admission of the priorities of either private or state interests depending on sphere of their realization is made.

Keywords: state, person, correlation of interests, unity, contradiction, balance.

2. The problems of state and municipal construction

Barbin V.V. Encouragement and development of respect for human rights and fundamental freedoms in the international law and the national law of Russia

The article contains the analysis of the universally recognized principles and rules of human rights according to which states must encourage and develop the respect for human rights and fundamental freedoms. Basing on the results of the research, the author comes to the conclusion that in modern Russia the incentive rules should be widely used to ensure human and civil rights and it is necessary to improve the efficiency of their influence on individual's rights and motives of behavior.

Keywords: the Charter of the United Nations Organization, human rights and fundamental freedoms, international standards in the sphere of human rights, international co-operation, encouragement as a method of legal regulation, incentive rules.

Mishunina A.A., Chupina N.A. Some tendencies of the improvement of migration policy in Russia

The authors of the article analyze the notion, essence and content of the migration law and the basic elements of migration regulation of residence for foreign citizens as well as for the people without citizenship in the Russian Federation. The introduced changes in the migration legislation are estimated in the article.

Keywords: migration law, migration regulation, foreign citizen, migration process, state regulation, migration policy.

Sirokhin A.I., Shikhanov V.N. The experience of critical understanding of the legal policy of road traffic safety ensuring

The article is devoted to the analysis of the modern legal policy of the Russian Federation in the sphere of road traffic safety ensuring. Basing on empirical data, the authors prove the thesis that the observed decrease of road traffic accident rate is not the direct consequence of preventive measures. It is caused by other processes which are insufficiently investigated. Two

groups of defects which decrease the preventive road traffic safety measures efficiency are named and characterized.

Keywords: road traffic violation, accident rate, legal policy, social control, preventive measures, carelessness, collisions, objective imputation.

3. Private law, regulation of contracts

Kochev V.A. To the question on the essence of contractual freedom

In the context of the basic idea of the Constitutional law about private and public interests coordination the author analyzes civil postulates of contractual freedom, its manifestation and limitations. Among investigated aspects of contractual freedom manifestation there is the right of the parties to conclude a mixed contract; to exclude by their agreement an action of some non-mandatory rule in relations between them; the right to be guided by contractual freedom not only at the stage of the establishment of relations, but also at the stage of their changes.

Keywords: private interests, public interests, contractual freedom limitations, method of law provision, method of permission, non-mandatory rules, mixed contract.

Permyakov A.V. About the essence of the concept «a civil-law situation»

In the article the characteristics of such legal concepts as «legal situation» and «civil-law situation» are considered. To delimit it from other legal concepts the author gives a definition of the concept «civil-law situation». He classifies it and defines the place of this phenomenon in the mechanism of the civil-law regulation.

Keywords: situation, legal situation, civil-law situation, complex of circumstances, delusion, legal fact.

Alikhanova G.A. Legal regulation of matrimonial property relations in Kazakhstan Republic

The author analysis the legal regime of matrimonial property and correlates it with the regime of marriage contract. The questions of the matrimonial common property such as property shares, deposits, as well as problems connected with giving consent to make a deal with common matrimonial property are investigated in the article.

Keywords: marriage contract, matrimonial property division agreement, legal regime of matrimonial property, corporate rights, shares, actual and legal agreement.

4. Criminal legislation and Criminology

Chernysheva L.V. Criminal-law characteristic of the robbery subject

In the article the legislative, law enforcement and scientific-theoretical questions of the robbery subjects are considered. Basing on the analysis of the Civil law rules the author investigates various aspects of the category «property». On the basis of the research he specifies its criminal-legal understanding and offers to include it in the normative interpretation act of the Criminal law.

Keywords: subject, robbery, property, theft, thing, another's.

Kuznetsov A.A., Bekbulatova A.T. Personality types of juveniles committing robberies

The article is based on the opinions about personality types of criminals given in the scientific literature as well as on the existing practice of robberies committed by juveniles investigations. The main personality types of juveniles committing mercenary and violent crimes are defined and their practical value is proved.

Keywords: personality, typology, juvenile, robbery.

5. The improvement of the law enforcement agencies' activity in crime detection and crime investigation

Jadzhin N.V., Sergeev M.A. The ways of criminal assignment of the rights to possession and management of the enterprises and the organizations

The article describes the features of the illegal capture of the rights of the shareholders. The authors point out the fact that the capture of the right to the possession and management (raiding) includes crimes with the similar intention. They classify such crimes into three groups.

Keywords: raiding, a way of committing a crime, a capture of the rights to management and possession

6. Procedural law, jurisdiction, procedures

Sidorova N.V. The privilege against self-charge and evidentiary value of the information received as a result of the cooperation agreement

The article is devoted to the problem of realization of the privilege against self-charge as a result of the pre-trial cooperation agreement in modern Russian criminal procedure.

Keywords: the rights of the person, the privilege against self-charge, the pre-trial cooperation agreement, the evidence of the accused, «immunity under the transaction», admissibility of evidence.

7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

Lazareva V.A. To the question on correlation of an act of official normative interpretation and a statutory act

The article covers the questions of correlation of an official normative rules of law interpretation act and a statutory act by means of revealing the distinctions allowing to distinguish these concepts and some similar features.

The connection between them is examined. The author states the relations between an act of official normative interpretation and an interpreted statutory act and, respectively, law interpretation regulations according to the interpreted rule of law.

Keywords: act of official normative interpretation, statutory act, law interpretation regulations, legal effect, borders (bounds) of action, retroactive effect.

Karnaukhov D.N. Participation of the bodies of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation in the tax legal relations

The article deals with the possibility of the bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia to participate in the tax relations. The author analyzes the actual problems of their participation in tax relations and defines their subjective tax rights and duties.

Keywords: Fiscal law, bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, subjects of tax legal relations.

Sidorova I.V. Actual ways of differentiation of the criminal liability for the insult

The article shows the ways of the further differentiation of the criminal liability for the insult. The author pays special attention to the fact that according to the Criminal law the insult is one of the kinds of criminal mental violence. The model of legislative differentiation of the criminal liability for the insult is offered.

Keywords: insult, mental violence, responsibility, differentiation of the responsibility.

Kudryavitskiy A.S. Criminalistics provision as one of the conditions of the improvement of the trial quality

To improve the quality of the court investigation, particularly to provide the complete and thorough examination of all actual circumstances of crime, it is necessary to improve the trial technique constantly. It should cover all aspects of the activity of the subjects carrying out the preliminary investigation and the trial itself in accordance with the law.

Keywords: criminalistics provision, court procedure, preliminary investigation, criminal trial.

8. The staff training for law enforcement agencies and scientific life of higher education

Alexandrov A.N. The history of development of the educational establishments carrying out the early law enforcement professional orientation of young people toward a service in the bodies of internal affairs in the system of law enforcement professional education of the Russian Interior (by example of Belgorod militia lyceum named after the hero of Russia V. Burtsev).

The article deals with the reasons and the formation stages of the system of law enforcement professional education of the Russian Interior, particularly, the colleges of the early professional orientation. The role and the place of some professional educational establishments training the staff for the bodies of internal affairs of the Russian Federation are defined in the article.

Keywords: education, professional training, staff recruitment, boarding-schools, militia lyceum, staff.

9. Surveys, reviews, criticism

Shesler A.V. The review of the thesis «Theoretical and methodological bases of criminal punishment» prepared by Dyadkin D.S.

The review confirms the topicality of the theme of analyzed research and its importance for scientific investigation of the problem of the proper correlation between the judgement and formalization of punishment. The logical structure and high level of quality and contents of the analyzed work are underlined. The objections concerning some points of the contents of the thesis are expressed during the scientific discussion.

Keywords: criminal punishment, punishment, judgement, formalization of punishment.

Уважаемые авторы!

Решением Президиума ВАК Минобрнауки от 7 марта 2008 г. № 9/11 «О мерах по повышению эффективности использования Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий» с 1 сентября 2008 г. начата полномасштабная эксплуатация системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Включение нашего издания в систему РИНЦ потребует от авторов представления в редакцию дополнительной информации.

Для опубликования научных статей, сообщений, обзоров, рецензий и иных материалов в журнале необходимо представить в редакцию надлежащим образом оформленные **материалы и заявку**.

Для опубликования научных статей дополнительно требуется **внешняя рецензия**.

Заявка на опубликование представляется в распечатанном или электронном виде либо оформляется на сайте издания (<http://www.naukatui.ru>).

После принятия решения об опубликовании материалов редакция направляет автору (авторам) **лицензионный договор**.

Плата за опубликование материалов в журнале не взимается.

Требования, предъявляемые к оформлению материалов:

1. Материалы представляются в распечатанном (с обозначением наименования файла и подписью автора(ов)) и электронном виде.

Объем материалов: научная статья – до 1 авт. листа, научное сообщение, рецензия, обзор – до 0,5 авт. листа (авторский лист – 40 тыс. печатных знаков, включая пробелы).

2. Материалы набираются в редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер – 14 pt, межстрочный интервал – 1,0 (одинарный), верхнее поле – 20 мм, нижнее – 20 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм).

3. Заглавие (тема) материала набирается прописными буквами.

4. Указываются сведения об авторе(ах) (инициалы, фамилия, место работы, должность, ученая степень, ученое звание).

5. Обязательно наличие списка литературы (в рецензиях список литературы допускается не приводить).

Отсылки к источникам приводятся по тексту в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника в списке литературы и страниц, на которые ссылается автор (например, [2, с. 46], [3, с. 48; 7, с. 25]).

Литературные источники перечисляются в списке в порядке их упоминания в тексте (комплексное описание источников не допускается). Список литературы оформляется в соответствии с прилагаемыми примерами.

В публикуемой рецензии, кроме того, необходимо привести библиографическое описание рецензируемого издания (см. примеры оформления списка литературы).

6. Авторские примечания оформляются как подстрочные (знак сноски – *).

7. В конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

Требования, предъявляемые к оформлению заявки:

Обязательными элементами заявки на опубликование являются:

1. Индекс УДК.

2. Заглавие материала (на русском и английском языках).

3. Сведения об авторе(ах):

– фамилия, имя, отчество полностью (на русском и английском языках);

– ученая степень (полностью), ученое звание;

– должность;

- место работы: полное наименование организации, населенного пункта, почтовый адрес и (или) e-mail (на русском и английском языках);
 - контактная информация (телефон и (или) e-mail автора(ов)).
4. Аннотация (на русском и английском языках).
 5. Ключевые слова – выбираются из текста материала (на русском и английском языках).

Требования, предъявляемые к оформлению рецензии:

Внешняя рецензия содержит традиционные элементы описания рецензируемого труда. В рецензии необходимо указать место работы, должность, ученую степень, ученое звание, фамилию и инициалы рецензента. Подпись рецензента заверяется надлежащей печатью. Рецензия может быть направлена как в распечатанном, так и в электронном виде.

Образец оформления заявки

БЛАНК

(все поля подлежат
обязательному заполнению)

ЗАЯВКА на опубликование материала в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика»		Индекс УДК 343.14 (47)
Заглавие материала (на рус. языке)		
Состязательность – условие равноправия сторон в уголовном судопроизводстве		
Заглавие материала (на англ. языке)		
Adversary as equality term for parties involved in criminal procedure		
Фамилия, имя, отчество автора (на рус. языке)		
Корнакова Светлана Викторовна		
Фамилия, имя, отчество автора (на англ. языке)		
Kornakova Svetlana Viktorovna		
Ученая степень (полностью)	Ученое звание	Контактная информация (тел., эл. почта автора)
Кандидат юридических наук	–	8(3952) 24-00-14 Svetlana-kornakova@yandex.ru
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на рус. языке)		
Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11		
Место работы (полное наименование организации, населенного пункта), почтовый адрес и (или) адрес электронной почты – на англ. языке)		
Baikal National University of economics and law, 664003, Irkutsk, Lenina, 11		
Должность (полностью)		
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заместитель декана судебно-следственного факультета БГУЭП		
Аннотация материала (на рус. языке)		
В статье автором рассматривается принцип состязательности, основанный на различии интересов сторон в уголовном процессе, указываются необходимые условия выполнения этого принципа: равенство сторон и независимость суда, делается вывод о том, что состязательность способствует достоверному установлению обстоятельств преступления		
Аннотация материала (на англ. языке)		
In the article the author considers that the principle of adversary is based on the difference of the interests for parties in criminal procedure. Some terms for using of this principle are determined as equality of the parties and court independence. Also the author draws a conclusion that adversary promotes valid ascertainment of the circumstances of the crime		
Ключевые слова материала (на рус. языке)		
Состязательность, равенство сторон, справедливость, истина		
Ключевые слова материала (на англ. языке)		
Adversary, equality term, justice, truth		

Примеры оформления списка литературы

1. Отдельные издания.

Книга 1 автора: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология: монография. М.: Наука, 1982. 287 с.

Книга 2 авторов: Белкин Р.С., Белкин А.Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве: метод. пособие. М.: Инфра-М, 1997. 153 с.

Книга 3 авторов: Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М.: Юристъ, 2007. 251 с.

Книга 4 и более авторов: Теория государства и права: учеб. нагляд. пособие / А.И. Числов [и др.]. 2-е изд., доп. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2007. 233 с.

Книга с указанием сведений об ответственности:

Неновски Н. Право и ценности: монография / вступ. ст. и пер. с болг. В.М. Сафронова; под. ред. В.Д. Зорькина. М.: Прогресс, 1987. 248 с.

Многотомное издание: Алексеев С.С. Общая теория права: курс лекций: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 359 с.

Продолжающееся издание: Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. Вып. 2. 103 с.

Серийное издание: Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 3, Экономика. Право. Волгоград, 1996. Вып. 1. 223 с.

Диссертация: Кузнецов А.П. Государственная политика противодействия налоговым преступлениям в Российской Федерации (проблемы формирования, законодательной регламентации и практического осуществления): дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 473 с.

Автореферат диссертации: Маштакова Е.А. Теоретико-правовые вопросы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. 28 с.

Архивные и неопубликованные материалы: Российский государственный архив древних актов. Ф. 4. Оп. 5. Д. 8. Л. 2 (об.).

2. Составные части издания.

Статья из сборника: Марцев А.И. Понятие и содержание уголовной ответственности // Проблемы борьбы с преступностью: сб. тр. Омской высшей школы милиции МВД СССР. Омск: Омская высш. шк. милиции МВД СССР, 1976. С. 90-112.

Статья из сборника по материалам конференции: Сумачев А.В. Компромисс в уголовно-правовой борьбе с незаконным оборотом наркотиков // Проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Тюменской области: материалы междунар. науч.-практ. конф., Тюмень, 23-24 мая 2001 г. / Тюменский юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2002. С. 34-35.

Статья из журнала: Клеандров М.И. Роль органов МВД России в проверке кандидатов в судьи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1 (4). С. 31-42.

Статья из газеты: Лубенченко К.Д. Безработные законы // Известия. 1990. 25 апр.

3. Электронные ресурсы.

3.1. Локального доступа.

Составной части электронного ресурса:

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия [Электронный ресурс] от 5 апр. 1994 г.: ред. от 16 окт. 2006 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа: учеб. пособие. 2007. Вып. 8. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

Отдельного издания: КонсультантПлюс: Высшая школа [Электронный ресурс]: программа информационной поддержки российской науки и образования. 2005. Вып. 3: К весеннему семестру 2005 года. 1 CD-ROM. Загл. с этикетки диска.

3.2. Удаленного доступа.

О Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. конст. закон от 17 дек. 1997 г. № 2-ФКЗ: ред. от 2 марта 2007 г. // КонсультантПлюс. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=66567;div=LAW;mb=LAW;opt=1;ts=BE95276C46F8994647D4BBD5703C1EAC> (дата обращения: 19 дек. 2008 г.).

3.3. Из локальных сетей, а также из полнотекстовых баз данных, доступ к которым осуществляется на договорной основе или по подписке.

О введении надбавок за сложность, напряженность и высокое качество работы [Электронный ресурс]: указание М-ва соц. защиты РФ от 14 июля 1992 г. № 1-49-У. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Нормативные правовые акты.

О милиции: закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1: ред. от 23 июля 2008 г. // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 18 апр.; Российская газета. 2008. 25 июля.

Семейный кодекс Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: ред. от 30 июня 2008 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; Российская газета. 2008. 3 июля.

О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве: пост. Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 25 // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9.

Все элементы библиографического описания источников являются обязательными.